Сергей
ЕСЕНИН

Российская академия наук
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

«НАУКА» — «ГОЛОС»

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

в семи томах

МОСКВА
«НАУКА» — «ГОЛОС»
1997

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

Том второй

СТИХОТВОРЕНИЯ
(Маленькие поэмы)

МОСКВА
«НАУКА» — «ГОЛОС»
1997

ББК 84
Е 81

Печатается по постановлению
Правительства Российской Федерации

Подготовка текстов и комментарии
С.И.СУББОТИНА

Научный редактор тома
Ю.Л.ПРОКУШЕВ

Оформление художника
Б.А.ЛАВРОВА

Издание осуществляется при участии
СИТП «Наследие» ИМЛИ им. А.М.Горького РАН

$Е \frac{4702010000 - 186}{042\ (02) - 96}$ подписное

ISBN 5-02-011245-3

ISBN 5-02-011242-9 (т. 2)

Стихотворения
(Маленькие поэмы)

МАРФА ПОСАДНИЦА

1

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула,—
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние;
Услыхали ангелы голос человечий,
Отворили наскоро окна-ставни горние.

Возговóрит Марфа голосом серебряно:
«Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой московскою извольно повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!»

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:
«Что нам Московия — как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!»

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым.
«Быть так,— кротко молвила, черны брови сдвинула,—
Не ручьи — брызгатели выцветням росяновым...»

2

Не чернец беседует с Господом в затворе —
Царь московский антихриста вызывает:
«Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!»

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада.
«Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!»

Вынул он бумаги — облака клок,
Дал ему перо — от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит антихрист зёмным гудом:
«А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!»

«А откуль гроза, когда ветер шумит?» —
Задает ему царь хитрóй спрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
«Этот ответ с собой ветер унес...»

3

На соборах Кремля колокола заплакали,
Собирались стрельцы из дальных слобод;
Кони ржали, сабли звякали,
Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловал бочку с вином.
Бабы подолами слезы утирали,—
Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили пó полю:
«Берегись ты теперь, гордый Новоград!»
Пики теньками, кони топали,—
Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возговóрит царь жене своей:
«А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем подушки голов расстелю в овраге».

«Государь ты мой,— шомонит жена,—
Моему ль уму судить суд тебе!..
Тебе власть дана, тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одноей судьбе...»

4

В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.

«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новоградским дверям!»

Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленное;
Села Марфа за расшитою тесьмой:
«Уж ты, счастье ль мое загубленное!»

И писал Господь своей верной рабе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою антихристу...»

5

А и минуло теперь четыреста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский шум?

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:

Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новоградскую зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаш!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой ты, Новгород, родимый наш!

Как по быльнице тропинка пролегла;
А пойдемте стольный Киев звать!
Ой ли вы, с Кремля колокола,
А пора небось и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит наш с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.

Сентябрь 1914

МИКОЛА

1

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешной,
Прохожу к монастырям».

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
«Помолюсь схожу за здравье
Православных христиан».

3

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с миром —
Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома».

4

Горек запах черной гари,
Осень рощи подожгла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.

«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему,
Темный бор,— щекочут свахи,—
Сватай девицу-зиму.

Всем есть место, всем есть логов,
Открывай, земля, им грудь!
Я — слуга давнишний Богов,
В Божий терем правлю путь».

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас.
«Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас».

5

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

«Клюйте, ангельские птицы:
Колос — жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен —
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И, как по траве окосья
В вечереющий покос,
На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

1915

РУСЬ

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки за ветками,
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мглистые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,—
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним нежданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут ро́дные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.

И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,

Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

УС

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под тыном,
Расставалась мать с верным сыном.

«Ты прощай, мой сын, прощай, чадо,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном».

То не водный звон за путиной —
Бьет копытом конь под осиной.
Под краснёву дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:

«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор била пеной —
Вынимал он нож с-под колена,

Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:

«Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты сын ли мой, мое чадо!»

*

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.

Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.

Перед ним всё знать да бояры,
В руках золотые чары.

«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!

Нацедили мы вин красносоких
Из грудей из твоих из высоких.

Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»

Молчит Ус, не кинет взгляда,—
Ничего ему от земли не надо.

О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает...

*

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под божницей.
Вот прошло-проплыло уж второе лето,
Снова снег на поле, а его все нету.

Подошла, взглянула в мутное окошко...
«Не одна ты в поле катишься, дорожка!»
Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном.
«Хорошо б прижаться к золотым иконам...»

Села и прижалась, смотрит кротко-кротко...
«На кого ж похож ты, светлоглазый отрок?..
А! — сверкнули слезы над увядшим усом.—
Это ты, о сын мой, смотришь Инсусом!»

Радостью светит она из угла.
Песню запела и гребень взяла.

Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на порог.

Вечер морозный, как волк, темно-бур...
Кличет цыплят и нахохленных кур:

«Цыпушки-цыпы, свет-петушок!..»
Крепок в руке роговой гребешок.

Стала, уставилась лбом в темноту,
Чешет волосья младенцу Христу.

1914

ПЕВУЩИЙ ЗОВ

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало.

О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце,—
Хвалите Бога!

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет

Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...

Сгинь ты ,а́нглийское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души,—
Но близок твой час расплаты!

Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
    Его уста,
Снова грозят
    Содому:
«Опомнитесь!»

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы — яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы — гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

Апрель 1917
Петроград

ТОВАРИЩ

Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом
Учил его отец распевать марсельезу.

«Вырастешь,— говорил он,— поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
Окном —
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ...

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как трус.
Я слышу, он зовет нас,
О верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!..»

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело Его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну...

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»
Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

Март 1917
Петроград

ОТЧАРЬ

1

Тучи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Голубые воды —
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Мóгутные плечи —
Что гранит-гора.

2

Под облачным древом
Верхом на луне
Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дщери
Куделят кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозовый ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря — как волчиха
С осклабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звездный покров.

3

О чудотворец!
Широкоскулый и краснороткий,
Приявший в корузлые руки
Младенца нежного, —
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла,
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поёмах.
По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето.

4

Ах, сегодня весна,—
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

5

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждный
Свет ангельских юрт.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя —
Тропа перед скит.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.

И, славя отвагу
И гордый твой дух,
Сычёною брагой
Обносит их круг.

19—20 июня 1917
Константиново

ОКТОИХ

Гласом моим пожру Тя, Господи.
Ц. О.

1

О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовеньем
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бденья
Извечьем напились.

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.

И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье Божьих рук.

2

«О Дево
Мария! —
Поют небеса.—
На нивы златые
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.
С-за гор вереницей
Плывут корабли.

В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!

Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых».

3

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

4

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.

Не долетает голос
В его далекий брег...
Но чу! Звенит, как колос.
С земли растущий снег:

«Восстань, прозри и вижди!
Неосказуем рок.
Кто всё живит и зиждет —
Тот знает час и срок.

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдет в корабль звезды».

Август 1917

ПРИШЕСТВИЕ

А. Белому

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес,—
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы...

3

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.

О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.

«Я видел: с Ним он
Нам сеял мрак!»
«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух...
То третью песню
Пропел петух.

4

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию Его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точит копья.

Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

5

Симоне Пётр...
Где ты? Приди.
Вздрогнули вётлы:
«Там, впереди!»

Симоне Пётр...
Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеву!»

Крикнул — и громко
Вздыбился мрак.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.

«Друг... Ты откуда?»
«Шел за тобой...»
«Кто ты?» — «Иуда!» —
Шамкнул прибой.

Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

6

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!

Под ивой бьют Его вои
И голгофят снега твои.

О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката...

Трубами вьюг
Возвести языки...

Но не в суд или во осуждение.

7

Явись над Елеоном
И правде наших мест!
Горстьми златых затонов
Мы окропим твой крест.

Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю — будет
Телиться твой восток!

В моря овса и гречи
Он кинет нам телка...
Но долог срок до встречи,
А гибель так близка!

Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!

И дай дочерпать волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем...

Октябрь 1917

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разумнику Иванову

1

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь,
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

2

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

«О веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею ощенится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

3

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, —
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле —
Синь.
Бубенцы на шлее —
Звезды.

4

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля,
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

5

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,

Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,
Будет звездами пророчить
Среброзлачный урожай.

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды,—
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

Ноябрь 1917

ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

1

Земля моя, златая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя родина,
Я — большевик.

Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою,
В колокол синий
Я месяцем бью.

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань,
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окрайне села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.

4

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час,—
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви — судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.

5

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем — гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

20—23 июня 1918
Константиново

ИНОНИЯ

Пророку Иеремии

1

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,—
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.
Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.
Не хочу, чтоб умело хмуриться

На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.
Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный —
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!
Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.
Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоем часослове я
Проклюю моим клювом слов.
Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем нощь.
Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.
Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.
Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.
Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.
И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно — он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.
Все равно — он спалит телением,
Что ковало реке брега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.
Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.
Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.
И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.
И четыре солнца из облачья,

Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли,—
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!
Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздиными
Сияние далеких звезд.
Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.
Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!
Сыщется в тебе стрелок еще

Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.
Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив нощь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.
Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.
За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.
Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.
Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые вёсны
Будут прыгать по сучьям дней.
Синие забрезжат реки,

Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.
Говорю тебе — будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.
И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.
Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе,—
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Исуса
Проклевать следы.
Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»

Январь 1918

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,—
Мы его всей ратью
На штыках подымем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,—
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим.
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчом.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною,
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на златой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил —
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце — свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Тает облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

1918

ПАНТОКРАТОР

1

Славь, мой стих, кто ревет и бесится,
Кто хоронит тоску в плече —
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысчи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!» —
Непокорный разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури,
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад.
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси —
В колодезь златое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

4

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг — на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

Февраль 1919

КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

2

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый —
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по́ полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?
Чей черпак в снегов твоих накипь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда»,
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

3

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? Где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волоса,—
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

5

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник-осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!

Сентябрь 1919

СОРОКОУСТ

А. Мариенгофу

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль, знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.

Вот он, вот он с железным брюхом,
Тянет к глоткам равнин пятерню,
Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармоника:
Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильней тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,

Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысчи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях,—
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной «аллилуйя».
Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,

Головой размозжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Август 1920

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,

Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача обвисший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерок зари коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я циником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом
Не мог я распознать;
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатою кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность:

Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.
Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные цветы.

. . . . . .

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться»,—
Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...
Пойдем домой —
Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольни.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.

. .

«Здорово, мать! Здорово!» —
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя,—
Но все ж готов упасть я на колени,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...
. . . .
. . . .
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина, какой я стал смешной!
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщиня лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак,—
Буржуя энтого... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все,
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,—
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные, и здоровейте телом!
У вас иная жизнь. У вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев.

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1924

РУСЬ БЕСПРИЮТНАЯ

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.

Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравьи молятся
Всех членов Совнаркома.

И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,

Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.

Ирония судьбы!
Мы все острóщены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами

И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.

Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без призора,
Бестелыми корявыми костьми
Они нам знак
Тяжелого укора.

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скандалисте.
Мне вспомнилась
Печальная история —
История об Оливере Твисте.

Я тоже рос
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,

В них я,
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль мой грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее...
Это их...
Их календарь...
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький, буйный стих
Для всех других —
Как смертная отрава.

Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

1924

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну, где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам —
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей,
Они, как отрубь в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человечьих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь:
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

2 ноября 1924

НА КАВКАЗЕ

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо злата.

За грусть и жёлчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпическою темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел,
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют,
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком,

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забыть ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Сентябрь 1924
Тифлис

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла.
Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дралися сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,
По перу,

Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

1924

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

*С любовью —
прекрасному художнику
Г. Якулову*

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокочет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел

На 207-ой
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.
Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.

Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетарьят.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран

Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленый
Воск,
Свезли их
За Красноводск,
И кто саблей,
Кто пулей в бок —
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:

«Джапаридзе!
Иль я ослеп?
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетарьят.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке,
Здесь,
26 их было,
26.

. . . .

Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой,
Ситец неба такой

Голубой.
Море тоже рокочет
Песнь —
26 их было,
26.

Сентябрь 1924
Баку

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,

В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состояньи.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Незрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.

И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В разворочённом бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...
. . . .
Теперь года прошли,
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

1924

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился

С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был ты так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горьше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоем:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,

То было б все,
И при твоем уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость.
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты как сын
Покоил нашу старость».
. . . .
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

1924

ОТВЕТ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима,
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой

Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и в триста солнц
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,

Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете.
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель.
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

1924

СТАНСЫ

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи — не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все.
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму нам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветр по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри,— он говорит,—
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов.
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустрийной мощи,
Я слышу голос человечьих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил,
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее гладя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

1924

ПИСЬМО ДЕДУ

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу.
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе,
Накинув свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.
Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же са́мому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг.
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь,
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город — плут и мот.

Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет
Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнить в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани.
А у тебя
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь —
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не довезут.

Я знаю —
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:
Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,

И дым над ней, как грива,—
Черен, густ и четок.
Такую б гриву
Нашему коню,
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю —
Время даже камень крошит.
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь.

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятой вьюгой
И пожаром,
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Декабрь 1924
Батум

ЛЕНИН

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край,
Душа сжимается от боли,
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?

Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна?
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междуусобный рвет раздор.
. . . .
Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных.
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода.
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.
. . . .
Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.
. . . .
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром.
И продал власть аристократ

Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.
. . . .
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет»...
. . . .
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...
. . . .
И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из медно лающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
Ленин умер.
Их смерть к тоске не привела.
. . . .
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...

1924

МЕТЕЛЬ

Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить ввек.
Нет!
Никогда с собой я не полажу,
Себе, любимому,
Чужой я человек.

Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон...
А за окном
Протяжный ветр рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.

Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный —

На нем бы вешать
Иль отдать на слом.

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной,
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночьми не голосили.

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.

Визжит метель,
Как будто бы кабан,

Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются,
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне

Показывает дулю,
А мать — как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Себя усопшего
В гробу я вижу.
Под аллилуйные
Стенания дьячка
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пятачка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет,—
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:
«Вот чудак!

Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из „Капитала"».

Декабрь 1924

ВЕСНА

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов —
Свой закон.

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым,
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!
Добрый день!
Не бойся!

Я тебя не трону.
И коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращенья в мире есть,
Он — отношенье
Средь живущих.
Коль ты с людьми единой кущи,
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь
Новой наделен.

Без ордера тебе апрель
Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью
Выплывет луна.
Ее не слопали собаки:
Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась...
И вот —
Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Польет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!
Ты не металл.
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку
И вдруг —
Понятен «Капитал».

Декабрь 1924

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой далекий,
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод.

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.

Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.

Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростке
Предугадать не может плод.

Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,
На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я...
Сиреневой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»*
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад...
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они
Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.

<1925>

* Слова Пушкина.

МОЙ ПУТЬ

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное,
Степное пела,

Порой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мерещились кресты.

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.

Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В Бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств

Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

. . . .

Года текли.
Года меняют лица —
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первоклассннейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну,
Только......
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим —
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы,—
Ведь мы его того-с...
Навозом...

. . . .

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —

Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей,—
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.

Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная̀ жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

<1925>

СКАЗКА О ПАСТУШОНКЕ ПЕТЕ, ЕГО КОМИССАРСТВЕ И КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.

Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.

Но коровы в спуске
На траве у леса
Говори по-русски —
Смыслят ни бельмеса.

Им бы лишь мычалось
Да трава качалась.
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

*

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.

Май всё хорошеет,
Ели всё игольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.

Пете-пастушонку
Голоса не новы,
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу —
Чести не уронит.

Любо хворостиной
Управлять скотиной.
В ночь у перелесиц
Спи и плюй на месяц.

*

Ну, а если лето —
Песня плохо спета.
Слишком много дела —
В поле рожь поспела.

Ах, уж не с того ли
Дни похорошели,
Все колосья в поле,
Как лебяжьи шеи.

Но беда на свете
Каждый час готова,
Зазевался Петя —
В рожь зайдет корова.

А мужик как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.

Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

*

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

Елка ли, кусток ли,
Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка тоже.

Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чащу.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке —
Утка улетела.

Рассказать дубровам —
У дубровы опадь.
Рассказать коровам —
Им бы только лопать.

Нет, никто на свете
На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.

Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

*

Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.

А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

И приснился Пете
Страшный сон на свете.

*

Все доступно в мире.
Петя комиссаром
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Но всегда недаром
Служат комиссаром.
Нужно знать все сроки,
Чтоб сбирать оброки.

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.

Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.

А вокруг совета
В дождь и непогоду
С самого рассвета
Уймища народу.

Наш народ ведь голый,
Что ни день, то с требой.
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

Ну, а где же Пете?
Он ведь пас скотину,
Понимал на свете
Только хворостину.

А народ суровый,
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.

С эдаким товаром
Дрянь быть комиссаром.

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску
Да как дали таску...
. . . .
Тут проснулся Петя...

*

Сладко жить на свете!

Встал, а день что надо,
Солнечный, звенящий,
Легкая прохлада
Овевает чащи.

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».

А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».

*

Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я — Сергей Есенин.

7/8 октября 1925

ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ

За поёмами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.

Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточины,—
Подымались злы татаровья
На зарайскую сторонушку.

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоти,
Под фатой варяжьей засынькой
Коротала ночку темную.

Не совиный ух защурился,
И не волчья пасть оскалилась,—
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.

Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-полымя:
Чтой-то Русь захолынулася,
Аль не слышит лязгу бранного?

Щебетнули звезды месяцу:
«Ой ты, желтое ягнятище!
Ты не мни траву небесную,
Перестань бодаться с тучами.

Подыми-ка глазы-уголья
На рязанскую сторонушку
Да позарься в кутомарине,
Что там движется-колышется?»

Как взглянул тут месяц с привязи,
А ин жвачка зубы вытерпла,
Поперхнулся с перепужины
И на землю кровью кашлянул.

Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.

Впереди сам хан на выпячи
На коне сидит улыбисто
И жует, слюнявя бороду,
Кус подохлой кобылятины.

Говорит он псиным голосом:
«Ой ли, титники братанове,
Не пора ль нам с пира-пображни
Настремнить коней в Московию?»

*

От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,
В три ряда на плечи падали.
За гленищем ножик сеченый
Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,
Лошадей ковал да бражничал,
Да пешнёвые угорины
Двумя пальцами вытягивал.

Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.
Не один рукав молодушек,
Утираясь, продырявился.

Да не любы, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Что ль рязанская сторонушка.

*

Ой, не совы плачут полночью,—
За Коломной бабы хныкают,
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.

Свищут потные погонщики,
Подгоняют полонянников,
По пыжну путю-дороженьке
Ставят вехами головушки.

Сходилися боярове,
Суд рядили, споры ладили,
Как смутить им силу вражию,
Соблюсти им Русь кондовую.

Снаряжали побегушника,
Уручали светлой грамотой:
«Ты беги, зови детинушку,
На усуду свет Евпатия».

Ой, не колоб в поле катится
На позыв колдуньи с Шехмина,—
Проскакал ездок на Пилево,
Да назад опять ворочает.

На полях рязанских светится
Березняк при блеске месяца,
Освещая путь-дороженьку
От Ольшан до Швивой Заводи.

Прискакал ездок к Евпатию,
Вынул вязевую грамоту:
«Ой ты, лазушновый баторе,
Выручай ты Русь от лихости!»

*

У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено,
Кумачовые кумашницы
Рушниками занавешаны.

Сходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.

Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,
Вы не пейте зелена вина,
Не губите сметку русскую.

Зелено вино — мыслям пагуба,
Телесам оно — что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»

*

Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною —
Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.

Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилося?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?

А рязанцам стать —
Только спьяну спать;
Не в бою бы быть,
А в снопах лежать.

Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,
А свеча в руках затеплилась.

Не березки-белоличушки
Из-под гоноби подрублены —
Полегли соколья-дружники
Под татарскими насечками.

Возговóрит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».

Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».

1912, <1925>

Другие редакции

ЛЕНИН

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

а) Повстанцы

I

Еще закон не затвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Петушье пенье, песий лай
Уж десять лет не слышит поле.

Уж десять лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги.

Не сон! Не сон! Я вижу въявь
Ничем не усыпленным взглядом
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.

Куда они? И где война?
Степная рекь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову.
Все спуталось. Но понял взор:
Страну родную в край от края,
Огнем и саблями сверкая,
Междуусобный рвет раздор.

II

Кто милость сильных не искал,
Тот шел всегда напропалую.
Мой поэтический запал
Я чту, как вольность удалую.
Украйна! Страшный чудный звон.
В деревьях тополь, в цветь подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?

Задорный гений! Он меня
Влечет по всей своей фигуре.
Он, ловко вспрыгнув на коня,
[Лет<ит?>]

6) <Отрывок>

Но что там за туманной дрожью?
То ветер ли колышет рожью
Иль движется людская рать,
Ужель проснулось Запорожье
Опять на ляхов, воевать,
Ужели голос прежней славы
Расшевелил былую Сечь
Прямым походом на Варшаву,
Чтоб победить иль всем полечь,
Иль татарвы набег свирепый
Опять стране наносит брешь,
Или в видении Мазепа
Бежит со шведом за рубеж?
Ни то — ни это.
                    Страшный год,
Год восемнадцатый в исторьи.
Тогда маячил пулемет
Чуть не на каждом плоскогорьи,
И каждое почти село
С другим селом войну вело.
Здесь в схватках, зверски оголтелых,
Рубили красных, били белых

За провиантовый грабеж,
За то, чтоб не топтали рожь.

. . . .

Крестьяне! Да какое ж дело
Крестьянам в мире до войны.
Им только б поле их шумело,
Чтобы хозяйство было цело,
Как благоденствие страны.
Народ невинный, добродушный,
Он всякой власти непослушный,
Он знает то, что город — плут,
Где даром пьют, где даром жрут,
Куда весь хлеб его везут,
Расправой всякою грозя,
Ему не давши ни гвоздя.

в) Отрывок из «Гуляй-поля»

Плач несознательный досаден,
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден,
Того, кто жил — уж больше нет.

Его уж нет, кто шел со славой,
За счастье угнетенных масс,
Кто речью гордой, чуть картавой,
Как сокрушающею лавой,
Вселенную до недр потряс...

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.
Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь.
И он пришел.
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет,
Как ваша власть и ваш Совет».
И мы пошли, пошли к той цели,
Куда глаза его глядели,
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

И вот он умер.
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден,
Того, кто спас нас — больше нет.

г) Отрывок из поэмы

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги...
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?

Не сон! Не сон! Я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.

Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна

Иль всадник обронил подкову...
Все спуталось. Но понял взор:
Страну родную в край от края,
Огнем и саблями сверкая,
Междуусобный рвет раздор.

. . . . . .

. . . .

Россия! Страшный чудный звон!
В деревьях — березь, в цветь — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?

Ученый бунтовщик, он в кепи,
Вскормлённый духом чуждых стран,
С лицом киргиз-кайсацкой степи
Глядит, как русский хулиган.

Сей образ, вольностью воспетый,
И скажем,
Чтоб кто не вспылил:
Хоть не всегда, но есть портреты,
В которых он поэтам мил.

Таких мы любим.
Ну, а в общем
Серьезной славы не потопчем.

Суровый гений, он меня
Влечет не по своей фигуре,

Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.

Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой.
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.

И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной.
Но он потряс .

. . . . .

Шуми и вей,
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь.
И он пришел. . .
. . . .
Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.

Он нам сказал:
«Чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.

Для вас спасенья больше нет,
Как ваша власть и ваш совет».

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели,

Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

И вот он умер.
Плач досаден.
Не славят Музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден,
Того, кто спас нас,
Больше нет.

Его уж нет!
А те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела...

Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела.

СКАЗАНИЕ
О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ, О ХАНЕ БАТЫЕ, ЦВЕТЕ ТРОЕРУЧИЦЕ, О ЧЕРНОМ ИДОЛИЩЕ И СПАСЕ НАШЕМ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

1

За поёмами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.

Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточины,—
Подымались злы татарове
На зарайскую сторонушку.

Задрожали губы Трубежа,
Встрепенулись очи-голуби,
И укромы крутоборые
Посолонью зачаведели.

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоти,

Под фатой варяжьей засынькой
Коротала ночку темную.

Не совиный ух защурился,
И не волчья пасть осклабилась,—
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.

Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-полымя:
Штой-то Русь захолынулася?
Аль не слышит лязга бранного?

Щебетнули звезды месяцу:
«Ай ты, Божие ягнятище!
Ты не мни траву небесную,
Перестань бодаться с тучами.

Подыми-ка глазы-уголья
На святую Русь крещеную,
Да позарься в кутомарии,
Что там го́рами ерошится?».

Как взглянул тут месяц с привязи,
А ин жвачка зубы вытерпла,
Поперхнулся с перепужины
И на землю кровью кашлянул.

Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татарове,
Кровь полониками черпают.

Впереди ль сам хан на выпячи
На коне сидит улыбисто
И жует, слюнявя бороду,
Кус подохлой кобылятины.

Говорит он псиным голосом:
«Ой ли, титники братанове,
Не пора ль нам с пира-пображни
Настремнить коней в Московию?»

2

От Ольги́ до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,
В три ряда на плечи падали.
За гленищем ножик сеченый
Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,
Лошадей ковал да бражничал,
Да пешнёвые угорины
Двумя пальцами вытягивал.

Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.
Только нет угожей засыньки,
Чернокосой побеседнушки.

Не одна краса-зазнобушка
Впотайную по нем плакала,
Не один рукав молодушек
От послезья продырявился.

Да не любы, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Што ль рязанская сторонушка.

3

Как гулял ли, хороводничал
Удалой-те добрый молодец
И Ольгу́ ли волноватую
В молоко парное вспенивал.

Собирались злы татарове,
На Москву коней шарахали.
Собегалися боярове
На кулажное устанище.

Наряжали побегушника,
Уручали серой грамотой:
«Ты беги, буди, детинушка,
На усуду свет Евпатия».

Ой, не колоб в поле котится
На позыв колдуньи с Шехмина,—
Проскакал ездок на Пилево
Да назад опять ворочает.

Крутозыбы волны белые,
Далеко их видно по лугу.
Так и мечутся, яруются
Укусить седое облако.

Подскакал ездок ко берегу,
Тянет поводы на быстрицу,
Да не лезет конь в сумятицу,
В две луны подковы вытянув.

Как слезал бегун, задумывал:
«Ай, с чего же речка пенится?
Нет ни чичерного сиверка,
Ни того ль лесного шолоха».

4

Да вставал тут добрый молодец,
Свет Евпатий Коловратович,
Выходил с воды на посолонь,
Вытирался лопушиною.

Утихала зыбь хлябучая,
Развивались клубы пенные,
И надводные коряжины
По-лягвачьему пузырились.

А и крикнет побегушниче:
«Ой ты, лазушновый баторе!..
Ты беги, померяй силушку
За Рязанью над татарами».

5

На узёмном погорелище
За Коломной бабы хныкают.
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.

Хлыщут потные погонщики,
Подгоняют полонянников,
По пыжну путю-дороженьке
Ставят вехами головушки.

У загнетки неба синего
Облака горят, поленища,
На сухменьи ель-ухватище
Пламя-полымя ворочает.

Не кухта в бору замешкалась
И не лышник чешет бороду,
Ходит Спасе, Спас-угодниче
Со опущенной головушкой.

Отворялась Божья гридница
Косятым окном по нудышу,
Выходила Троеручица
На крылечко с горней стражею.

И шумнула мать пелеганцу:
«Ой ты, сыне мой возлюбленный,
Помути ты силу вражию,
Соблюди Урусь кондовую».

Не убластилося Батыю,
Не во сне ему почуялось,
Наяву ему предвиделось —
Дикомыти рвут татаровье.

Повернул коня поганище
На застепное пристанище,
За пожнёвые утырины,
На укрепы ли козельские.

Ой, бахвалятся провытники
Без уёму, без попречины.
За кого же тебя пропили,
Половецкая любовница?

6

У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено.
Корачевые кумашницы
Рушниками занавешаны.

Не облыжники пеняются,
Не кусомни-поминушники,—
Сходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия.

Говорит-гудит детинушка:
«Ой ли, други закадышные,
Не пора ль нам тыквы-головы
Попытать над ятаганами?

Не назря мы, чай, за пожнями
Солнце стрелами утыкали,
Не с безделья в стены райские
Два окошка пробуравили».

Не загулины кувекали,
Не тетерники скликалися,
А удалые головушки
С просулёнами прощалися.

Плачут засыньки по дружникам,
По Евпатию ль все Ольго́вичи.
Улетают молодикочи
Во погоню на потравников.

Ой, не суки в тыне щенятся
Под козельскими корягами,
Налетала рать Евпатия,
Сокрушала сыть поганую.

Защемило сердце Батыя,
Хлябушиной закобонилось.
Не рязанцы ль встали мертвые
На угубу кроволитную?

7

А на райских пашнях побрани —
Спорит идолище с Господом:
«Ты отдай победу выкрому,
Правоверу мусульманину».

Говорит Господь узывчиво:
«Ай ты, идолище черное,
У какой ты злюки-матери
Титьку-вишенье высасывал?»

Бьются соколы-дружинники,
А не знают волю сполову.
Как сидеть их белым душенькам
В терему ли, в саде райскоем.

Стонет идолище черное,
Брови-поросль оторачает.
Как кипеть ли злым татаровьям —
Во смоле, котлах кипучиих.

Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,
А свеча в руках затеплилась.

Не березки-белолипушки
Из-под гонобн подрублены,
Полегли сокольи-дружники
Под татарскими насечками.

Не карачевое гульбище,
Не изюм-кутья поминная —
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.

Возгово́рит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».

Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».

От Ольги́ до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.

1912. В<еликий> пост

Варианты

Марфа Посадница

Черновой автограф ст. 1—80 (РНБ, ф. К.К.Владимирова):

Заглавие		Новгород*
		Марфа Посадница
1—3		Ой как выходила Марфа за ворота — Не сестра ли месяца из темного болота В жемчуге кокошник в небо запрокинула
7—8	I	Гаркнул над проулками голос человечий. Выглянула в окна
	II	Гаркнул над проулками голос человечий. Отворила окна
	III	С места ли заречного голос человечий Как отгул
	IV	Услыхали ангелы голос человечий, Отворили наскоро вытворники горние.
	V	*как в тексте.*
9	I	Стала Марфа с чинностью у крыльца столбового
	II	Как говорит Марфа голосом серебряным
	III	*как в тексте.*
12	I	Выгомонить вольницей бражные загулы
	II	*как в тексте.*
13	I	Поднялась
	II	*как в тексте.*

---

* Слово «Новгород» взято автором в орнаментированную рамку; ниже расположен подзаголовок «Марфа Посадница».

14	I	Бороды, как молонья, выпятили грозно
	II	Бороды, как молоньи, выпячились грозно
15	I	Что нам Московия, разве там <?>
	II	*как в тексте.*
16	I	Там антихрист празднует крепко и загозно
	II	Там бояре плачут перед ба<бьей? бьим?>
	III	*как в тексте.*
18		Левой помахала каблуком сафьяновым
20	I	Не указ от нехристи
	II	Не указ зоре
	III	Не указ ручьи поемам росяновым
	IV	Не ручьи указыют выцветням росяновым
	V	*как в тексте.*
22	I	*как в тексте.*
	II	Царь московский черта в гридню вызывает
25	I	Из запечья вылез антихрист гадюкой
	II	Из запечья вылез отступник гадюкой
	III	Из запечья вылез он гадюкой
	IV	*как в тексте.*
26	I	Глаза чад затаили ада
	II	В бельмах лупоглазых исчаведье ада
27	I	Давай, бает, царь, душу свою порукой
	II	*как в тексте.*
28	I	Иначе не будет с Новгородом тебе
	II	*как в тексте.*
29	I	Вынул он бумагу клок
	II	Вынул он бумагу — облака клок
31	I	*как в тексте.*
	II	Чикнул царь кинжалищем локоток
36	I	*как в тексте.*
	II	Тут тебе над Новгородом и воли нет.
37		А отколь гроза, когда ветер шумит?

38	I	Задает ему царь мудрый вопрос.
	II	*как в тексте.*
39		Говорит сатана зыком черных свит
43	I	Кони ржали и пики звякали
	II	Кони ржали и сабли звякали
44		Глас приказный чинно слушал народ.
50	I	Берегись ты теперь, вольный Новоград
	II	*как в тексте.*
51	I	Сабли звякали, кони топали
	II	*как в тексте.*
53	I	Говорит царь жене своей
	II	*как в тексте.*
55	I	Я послал сватать неучтивых семей
	II	*как в тексте.*
56		Всем готова постель в черном овраге.
57	I	Ты
	II	Господарь ты наш — шомонит жена
	III	Господарь ты мой — шомонит жена
58	I	Моему ль уму *<1 слово нрзб.>* с
	II	*как в тексте.*
59—60	I	[Я боярская дочь] Дремущий <?>
	II	Мне сродни лишь стук верьтена, А и тож вырастала я на чужом горбе.
	III	Мне сродни ушук верьтена, А и тож вырастала я на чужом горбе.
	IV	*как в тексте.*
66		Солстайте-ка в райский терем
73	I	И писал Бог своей верной рабе
	II	*как в тексте.*

После 76 *зачеркнуто:*

	I	Выходили новгородцы с хлебом-солью, Обливались они во горьком плаче,

Отдали ключи от города с болью,
А и тут конец его сдачи.
II Выходили новгородцы за ворота,
Обливались они горючими слезами
79 Возродить святой Марфин завет,

Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 9 апреля, № 20; Ск-1; Кр. звон; $Р_{18}$:

56 Всем готова постель в темном овраге!

Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 9 апреля, № 20; Ск-1; Кр. звон:

72 Уж ты счастье мое загубленое!

Кр. звон:

84 Чтоб не застил он новгородскую зарю.

Ск-1; Кр. звон:

95 Загудит нам с веча колокол, как встарь

Рж. к.:

56 I Всем готова постель в темном овраге!
II *как в тексте.*

Микола

Бирж. вед., 1915, 25 августа, № 15047:

6 Бичева острей тесьмы
24 Ожерелья синих рос.
29 За березкою-невестой
33 И идет тропой неспешной
52 И за кроткий их уют.

Бирж. вед., 1915, 25 августа, № 15047; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Тел. (согласно Собр. ст., 4, 378); $Р_{21}$; Рж. к.:

97 И, как о траву окосья

Бирж. вед., 1915, 25 августа, № 15047; $Р_{16}$:

100 За косницами берез

Русь

Беловой автограф ст. 17—28 (РГАЛИ, альбом А.А.Измайлова); «Новый журнал для всех», Пг., 1915, № 5, май, с. 4:

17		Я люблю тебя, родина кроткая

Беловой автограф (РНБ, ф. А.М.Ремизова); беловой автограф (РГАЛИ); журн. «Северные записки», Пг., 1915, № 7/8, июль-август, с. 78—79:

53		В роще чудилось запахом ладана
65—66		Ой ты, Русь, моя родина милая, Хороша ты в печали своей.
74		Сладок запах покосной травы.

Беловой автограф (РНБ, ф. А.М.Ремизова); журн. «Северные записки», Пг., 1915, № 7/8, июль-август, с. 79:

76		И молиться в простор синевы.

Беловой автограф (РГАЛИ):

76		И молиться в пойму синевы.

Беловой автограф (РНБ, ф. А.М.Ремизова):

89	I	Ой ты, Русь, моя родина милая
	II	*как в тексте.*

Ус

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского):

5		«Уж ты сын ли мой, мое чадо
55	I	— «А! — блеснули слезы над увядшим усом
	II	*как в тексте.*

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского); Ск-2:

38		Из грудей из твоих высоких.

Рж. к. — произведение разделено на части порядковыми номерами; перед ст. 1, 29, 45 и 57 соответственно стоят цифры 1, 2, 3, 4.

Певущий зов

Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 28 июня, № 86:

23 Сгинь, железное ты юдо

28 Не услышать тайный зов!

Ск-2; Кр. звон:

28 Не услышать тайный зов!

Товарищ

Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 26 мая, № 58; Ск-2; Кр. звон:

56 С погасшими глазами

76 За равенство, за труд!

Отчарь

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского); газ. «Дело народа», Пг., 1917, 10 сентября, № 151; Ск-2; Кр. звон; Сел. час; авторизованный список (РГАЛИ); Тел. (согласно Собр. ст., 4, 384):

22—24 Привык ты к громам;
Синеют напевы
По звездным горам.

Ск-2; Кр. звон; Сел. час.; авторизованный список (РГАЛИ); Тел. (согласно Собр. ст., 4, 384):

87 Там звездного хлеба

Октоих

$Г_н$ (беловой автограф):

1—4 I О Русь, склонись главою
Перед стопой Христа!
Великою рекою
Текут твои уста.
II О родина, о но<вый?>
III *как в тексте.*

7—8 I Несем коровьим чаном
Мы солнце на руках.
II *как в тексте.*
17—18 I О, Родина! О ветры!
И ты, о, отчий дом!..
II О Русь, о степь и ветры,
И ты, о, отчий дом!..
48 Мы звездною крышей
53 Созвездья светит пыль
62 Кусал их звездный рот.

Журн. «Наш путь», Пг., 1918. № 1, <13> апреля, с. 44:
28 Подъятья Божьих рук.

Зн. тр., 1918, 7 апреля, № 174: журн. «Наш путь», Пг., 1918. № 1, <13> апреля, с. 45; $Г_{18}$: $Г_{20}$:
53 Созвездья светит пыль

Зн. тр., 1918, 7 апреля, № 174: журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 43—45: $Г_{18}$; $Г_{20}$; Тел. (согласно Собр. ст., 4, 385—387):
18 И ты, о, отчий дом!
48 Мы звездною крышей
62 Кусал их звездный рот.

Рж. к.:
53 I Созвездья светит пыль
II *как в тексте.*
59—62 I *как в тексте.*
II Поют они про дни
Тех пастбищ и земель,
Где вербы и плетни
Тоскуют по зиме.
III Поют они о днях
Тех пастбищ и земель,

Где с кровью на ступнях
Бредет зари олень.

Пришествие

Беловой автограф (ИРЛИ):

14 I Златорудых слов
II *как в тексте.*
71 I Где ты?
Зову!
II *как в тексте.*

Беловой автограф (ИРЛИ); сб. «Мысль», Пг., 1918, <кн.> 1, с. 9—10:

64 Как взойду, как подымусь по ней
70—74 Симоне Пётро...
Где ты?
Приди!
Вздрогнули вётла:
«Там впереди».
Симоне Пётро...

Зн. тр., 1918, 24 февраля, № 141; Зн. тр., 1918, 7 апреля, № 174; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 40; Тел. (согласно Собр. ст., 4, 388):

70 и 74 Симоне, Петро...

Зн. тр., 1918, 24 февраля, № 141:

72 Вздрогнул<и>* вётла

$П_{18}$; Тел. (согласно Собр. ст., 4, 388); $П_{21}$; Рж. к.:

8 Предстоит твой сын.

---

* В источнике — опечатка: «Вздрогнула».

Иорданская голубица

Черновой автограф (ИМЛИ):*

Эпиграф Прощай, проща<й,>
Прощай, масля<ница.>

За эпиграфом следует черновой набросок текста с первой строкой «И небо и земля все те же...», тут же зачеркнутый автором. Впоследствии этот текст публиковался как отдельное произведение (см. это стихотворение и варианты к нему в т. 4 наст. изд.). Далее на том же листе начинается черновик второй главки «Иорданской голубицы» (нумерация авторская).

Черновик главки «Земля моя, златая...», впоследствии ставшей в поэме первой, был исполнен на другом листе (после главки «Вот она, вот голубица...», ставшей в итоге третьей). Он начинается со следующих черновых набросков:

[Русь моя имя твое]
[Как покойницы]
[Даже коровы в лугу]
[шерстью]
[теряют]
[О отче]
[Здравствуй]
[В]
[Ныне]
[мя] [позови]
[О] [Русь моя белая]
Раненый в об — *конец строки утрачен.*
[<Л>ебедица родин<а>]

* Листы автографа обгорели по краям во время пожара 1929 года в Константинове. Утраченные части слов по возможности восстановлены (обозначены угловыми скобками).

		[Златистыми]
Затем следует:		
1—4	I	О Русь моя златая,
		То осень на дворе
	II	Земля моя златая,
		Не осень на дворе
	III	Земля моя златая,
		Уж осень на дворе.
		Зари вол<шебной?>
	IV	Земля моя златая,
		На голубом одре
		Заря лежит больная
	V	Земля моя златая,
		Осенний светлый храм.
		Гусей крикливых стая
		Крылами
	VI	*как в тексте.*
5—8	I	Несут они на крыльях
		Усопший твой
	II	Несут они на крыльях
		Твой отгрустивший лик
	III	Несут они на крыльях
		Рабу
	IV	Несут они на крыльях
		Представленную
	V	Несут они на крыльях
		Усоп<шую? ших?>
	VI	Несут они на крыльях
		Твоих усопших раб,
		И звезды кружат пылью
		От их румяных лап.

VII Несут они на крыльях
Твоих усопших чад.
И липнут звезды пылью
VIII Несут они на крыльях,
Стряхая с неба пыль

Затем автор перечеркнул эти наброски и начал работу над второй строфой на другом листе:

5—8 I <И> праотцам селений
Я лил <?>
II Летят они в обитель,
Где
III Летят они в обитель
Нездешних рощ и нив
IV Летят они в обитель,
Где вечно зреет рожь
V Летят они в обитель,
Где вечный зелен луг
И в копьях, как воитель,
Гуляет отрок <-внук.>
VI Летят они в обитель
Где вечный зелен луг
И
VII Летят они в обитель,
Где вечный зелен луг.
Пантелеймон-целитель
VIII Летят они в обитель,
Где рощ зеленый звон
IX Летят они в обитель,
Где ждет их с
X Летят они к долинам
Отеческих садов.
Там

XI Летят они к долинам
Отческих садов,
Где со пречистым сыном
Пасет мой дед коров.
XII Летят они к равнинам
Отческих долин
XIII То душ преображен<ных>
Несчислимая р<ать,>
С озер подн<явшись сонных,>
Летит <в небесный сад.>
11 I Не ты ли, ты ли
II Не ты ли с ними в
III Не ты ль, не ты ль
IV *как в тексте.*
12 I С крылом подбитым Русь?
II Отжившая мне Русь?
III Поднявш<аяся Русь?>
IV *как в тексте.*
14—16 I Всему есть час и срок.
Ветра стекают в песню,
А песня
II Всему есть час и срок.
Ветра стекают в песню
И лунны<й>
III Всему есть час и срок.
Ветра стекают в песню
О лунны<й>
IV Всему есть час и срок.
Ветра стекают в песню,
А белый снег в
V Всему есть час и срок.
Ветра стекают в песню,
И снег

	VI	Всему есть час и срок.
		Ветра стекают в песню,
		Снега
	VII	Всему есть час и срок.
		Ветра стекают в песню,
		А сн<ег?>
	VIII	Всему есть час и срок.
		Ветра стекают в песню,
		Снега стекут в цветок.
	IX	*как в тексте.*
17—20	I	Крепче напряг<ся?>
	II	Мать моя родина
		Я большевик
		Небо [ты] я темное
		Взял за язык
	III	Небо я темное
		Взял за язык
		Мать моя родина
		Я большевик
	IV	*как в тексте**.
21	I	Сно<ва> мне те<?>
	II	<Сл>ушай
	III	Видишь трезвоню
	IV	Ты ли обидишь
	V	Ты
	VI	С радостью
	VII	*как в тексте.*
25—28	I	Радуюсь вихорю
	II	В колокол синий
		Звоню

---

* Исполнен на другом листе. Взят в рамку, ниже рамки — подпись: Сергей Есен<ин>.

III В колокол синий
Я месяцем бью,
Крепкий и сильный,
В незримом
IV В колокол синий
Я месяцем бью,
Крепкий и сильный,
Под гибель твою.
V В колокол синий
Я месяцем бью,
Крепкий и сильный,
На гибель твою.
VI *как в тексте.*

Рядом с черновиком ст. 25—28 было вписано, а затем зачеркнуто:

Отзвук забытый
Будя средь полей,
Тянут ракиты
Руки ветвей.
Снится им, снится
В свете ночно<м,>
Что они пти<цы,>
Машут к<рылом.>

29 I Гибни
II Братья миря<не>
30—32 *утрачено.*
33 I <В>от она вот она в<от>
II <В>от она вот голу<бица>
35 I В небе зарею клуби<тся>
II Новой зарею клуби<тся>
36 I Мой гол<убой?> Иордань
II Мой ледяной Иордань
III Мой аржаной Иордань

	IV	Мой лиственой Иордань
37—38	I	Где ты
	II	На избавление напасти От
	III	Во избавленье напасти Вырезал
	IV	*как в тексте.*
41	I	Вижу я старицу в
	II	Вижу тебя, Магд<алина>
	III	Вижу вас, праотцы рощей
	IV	Вижу вас, млечные нивы
	V	*как в тексте.*
42	I	Млечны<х>
	II	С стадом златистых овец
	III	С стадом златистых коней
	IV	С стадом златых кобылиц
	V	С стадом златистых коней
	VI	*как в тексте.*
43	I	Смирен<?>
	II	*утрачено.*
44		*утрачено.*
45—48	I	<О>коло Божьего хлева <Р>айского с краю села <Д>ева
	II	<О>коло Божьего хлева <Р>айского с краю села Мати пречистая дева Розгой стегает осла.

Вся строфа зачеркнута, далее — два варианта начала строки:

Вижу я
Слышу я

Затем они также зачеркнуты, и ниже следовало:

45—48 III *как в тексте.*

После ст. 48 *следовали черновые наброски начала первой главки поэмы, а затем — черновик всей главки в целом (соответствующие тексты см. выше).*

49—52 I Братья мои, люди, люди,
Там, ко<гда?>
II Братья мои, люди, люди
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях б<удем,>
Свой
III *как в тексте.*
53—56 I Всем
II Не жалейте же ушедших
Не печальте
Среди ландышей расцветши<х>
Нету
III *как в тексте.*
57—58 I Страж любви — судьба-м<здоимец>
Нашим чувствам не
II Страж любви — судьба-м<здоимец>
Счастье пестует не <век.>
59—60 *утрачены.*

На обороте листа черновика ст. 49—58 *содержатся следующие наброски начала пятой главки поэмы:*

[Придите, придите, придите]
[Сойдись, разомкнувший лет]
[Братья сой],

а также окончательный вариант ст. 17—20 *(об оформлении этого текста см. примеч. на стр. 217).*

На следующем листе рукописи черновику ст. 61—78 *пятой главки поэмы предшествуют наброски, взятые автором в рамку (кроме последней по счету строки):*

Кляните [Вы кому] вставшие за Ру<сь>
[Мне к]
[Мне голос истин дороже]
[Один лишь червь мне сердце гложет]
[Мне голос истины дороже]
[А мне не жаль]
Не жаль ль мне пажитей отъятых
[На]
[Я злаков с пажитей несжатых]
[За злаки на холмах несжатых]
[Вечную память на гробе твоем]

Далее после номера главки («5») следует:

61—64 I О новый, о новый, новый
С
II Новый, о новый, новый,
Прорезавший тучи край.
III Новый, о новый, новый
Прорезавший тучи день.
Какою грозой суровой
Грем<ит? ишь?>
IV Новый, о новый, новый
Прорезавший тучи день.
Какою грозой суровой
И
V Новый, о новый, новый
Прорезавший тучи день.
Какою грозой суровой
Я слышу
VI Новый, о новый, новый
Прорезавший тучи день
Отроком солнцеголовым
Сел
VII Новый, о новый, новый

		Прорезавший тучи день,
		Отроком солнцеголовым
		Сядь ты ко мне <под плетень.>
65—66		*утрачено.*
67	I	<Б>удь
	II	Дай
	III	Хочется мне как гост<я>
	IV	*как в тексте.*
69—70	I	Свято мы чтим Маври<кию?> Ду<б?>
	II	*как в тексте.*
71	I	Знать
	II	*как в тексте.*
76	I	Я пред тобою зажгу
	II	Я пред тобою засвеч<у>
79—80		*утрачено.*

Беловой автограф (РГАЛИ):

36	I	Мой аржаной Иордань
	II	Мой полевой Иордань
	III	*как в тексте.*

Газ. «Известия Рязанского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов», 1918, 18 августа, № 170:

Эпиграф	Прощай, прощай, Прощай, масляница (песня)

Рус.:

36	I	Мой луговой Иордан
	II	Мой луговой Иордань
	III	Мой луговой Иордан

$П_{21}$:

36	Мой луговой Иордан

Инония

Автограф ст. 1—2 (РГАЛИ):

Посвящение Посвящаю З.Н.Е<сениной>

1—2 Не устрашуся гибели,
Ни копий

Беловой автограф (РГАЛИ):

Посвящение *отсутствует.*

29 Колокольные над Русью клики

31 Ныне,
как Петр Великий,

70 Прокогтялося в душу,
как нож

73—76 Ныне же,
как Петр Великий,
я
Рушу под тобою твердь.
Под гармоники пьяной клики
Заставлю плясать я смерть.

Между 148 *и* 149:

Опалю твои нивы и рощи,
Осушу все реки и моря.
Кобелем
Исхудалым, тощим
Завоет над землей заря.

Языком от колючей жажды
Будет синие лизать небеса.
И, как ведра
в провал овражный,
Будет злые спускать глаза.

Но не зачерпнут в долине
Воды они,
Где бежал поток,
С сухой загрубелой глиной
Прикроет их дно песок.

И, кусая зубастой злостью
Железную на шее цепь,
Подохнет она,
и кости,
Как льдины, усеют степь*.
151 Золотой пролетит сорокою

Зн. тр., 1918, 19 мая, № 205:
61—72, 101—104, 109—172 *отсутствуют.*

Зн. тр., 1918, 19 мая, № 205; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май, с. 1—4; П_{18}:
29, 31, 73—76 *как в беловом автографе (РГАЛИ)***.

Журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май, с. 1:
Посвящение отсутствует.

Журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май, с. 3; П_{18}; *Рж. к.;* П_{21}:
70 *как в беловом автографе (РГАЛИ):*

Журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май, с. 6; П_{18}; *Тел. (согласно Собр. ст., 4, 391);* П_{21}:
Между 148 *и* 149 *текст, как в беловом автографе (РГАЛИ), исключая членение строк на ступеньки.*

---

* В Рж. к. этот фрагмент был набран в основном тексте поэмы, но затем вычеркнут автором.

** В «Нашем пути» и П18 ст. 31 и 73 на ступеньки не расчленены.

Небесный барабанщик

Авторизованный список (РГАЛИ):

Посвящение — Посвящаю Л.Н.Старку

10—12 — В высь прорывая мрак.
Что нам плюющий иконами
В волжскую синь Колчак?

15 — Красною птицей рвется

Между 48 *и* 49:

Лопарь завернет свои сети
И турок, закрывши Коран,
Зазубренный месяц с мечети
Сорвет на второй барабан.

Между 56 *и* 57:

И туркмена и голландца
Повенчал наш ураган.
Братья, братья, в наших ранцах
Души — бомбы в обезьян.

Журн. «Красный офицер», Киев, 1919, № 3, <июль>, с. 9; журн. «Всевобуч и спорт», М., 1919, № 1, октябрь, с. 43:

Посвящение — *отсутствует.*

20 — На штыки подымем.

Пантократор

Газ. «Советская страна», М., 1919, 17 февраля, № 4:

Посвящение — Посвящается Р.Ивневу

Газ. «Советская страна», М., 1919, 17 февраля, № 4; «Конница бурь: Второй сб. имажинистов», М., 1920, с. [9]; T_{20}; Тел. (согласно Собр. ст., 4, 393):

65 — О, пусть они, те, кто во мгле

Рж. к.:

65 I — О, пусть они, те, кто во мгле
II — *как в тексте.*

Кобыльи корабли

Беловой автограф (РГАЛИ):

9		Слышите? слышите ль звонкий стук?
25		Русь моя! Кто ты? Кто?
37		Вот он! Вылез! Глядит луной
51—52		Не пора перестать луне В небесах облака лакать.

Сб. «Харчевня зорь», М., 1920, с. [3—5]

46—48		Жуй твой хлеб и расти овес. Славься тот, кто наденет перстень Обручальный овце на хвост.
74		Череп с плеч только слов мешок.
76		В мир великий поэт пришел.

Экз. сб. «Харчевня зорь» с правкой Есенина (Музей Сергея Есенина в Ташкенте):

46—48	I	Жуй твой хлеб и расти овес. Славься тот, кто наденет перстень Обручальный овце на хвост.
	II	*как в тексте.*
74	I	Череп с плеч только слов мешок.
	II	*как в тексте.*
76	I	В мир великий поэт пришел.
	II	*как в тексте.*

Рж. к.:

52	I	В небесах облака лакать?
	II	В небесах лакать облака?

Сорокоуст

Беловой автограф ст. 73—76 (ИМЛИ):

76	I	Захлебнулся в лихой самогонке.
	II	*как в тексте.*

Исп. хул.; *Ст*$_{24}$:

Посвящение отсутствует.

Исповедь хулигана

Беловой автограф (РГАЛИ):

49		О, сколько я на нем яиц вороньих
54	I	Старый, верный пес?
	II	*как в тексте.*
59		Когда, у матери стащив краюху хлеба

Возвращение на родину

Черновой автограф ст. 26—91 (РГАЛИ):

30	I	Где здесь живет Есенина Татьяна?
	II	*как в тексте.*
31—34	I	Старик внимательно
	II	Иль нет, постой, я лучше расспрошу Тебя о всем, что ждет меня, заране.
	III	Старик, остановившись
	IV	Старик глядит, в глазах И палкой
	V	*как в тексте.*
35	I	А может, сын пропащий?
	II	*как в тексте.*
41	I	Добро, коль не узнал ты деда!
	II	*как в тексте.*
44	I	Слезами крупны<ми>
	II	*как в тексте.*
46—47	I	А мне уже девяносто... так-то, друг.
	II	А мне уж девяносто... скоро крышка.
	III	*как в тексте.*

49	I	Где
	II	А ты все шлендаешь
	III	А ты все крутишься, как листья на ветру.
	IV	*как в тексте.*
50	I	Да, время-то
	II	*как в тексте.*
53	I	Вишь
	II	*как в тексте.*
55	I	Иконы
	II	*как в тексте.*
56		На колокольне комиссар снял крест.
59—60	I	И образок
	II	Молюсь сосне
	III	Такая жизнь и черту не приснится.
	IV	*как в тексте.*

После 65 *зачеркнуто:* — Что каланча!

71—72	I	Здесь жизнь сестер, не на<?>
	II	*как в тексте.*
75—76	I	Пришла соседка, привела ребенка.
	II	*как в тексте.*
78	I	По-байроновски с лаем собачонка
	II	*как в тексте.*

После 79 *зачеркнуто:*

	I	А где же та, кого я так любил? —
		Я спрашиваю нежно маму.
	II	А где же та, кого я так любил? —
		Я спрашиваю мать небрежно.
	III	А где же та, кого я так любил? —
		Я спрашиваю будто бы небрежно.
		И мать мне отвечает нежно:
		Она давно лежит под сен<ью>
	IV	А где же та, кого я так любил? —
		Я спрашиваю будто бы небрежно.

И мать мне отвечает нежно:
Она лежит среди родных могил.
Остался муж, и девочке
V А где же та, кого я так любил? —
Я спрашиваю будто бы небрежно.
И мать мне отвечает нежно:
Она лежит среди родных могил.
У ней был муж, осталась дочь лет в 10.
84 I На
II Но
III *как в тексте.*
После 85 *зачеркнуто:*
I Россия! Кто ты? Марево иль путь?
Куда же мне под<?>
II Россия! Кто ты? Марево иль путь?
Куда же мне, куда теперь идти?
87—88 I Я знаю
II Я только чту родную
III *как в тексте.*
91 I Ну, говори, сестра... От века и до века
II *как в тексте.*
После 91 *зачеркнуто:*
I Скажу тебе: я слышу б<?>
II И слышу будто бы сквозь сон
<Далее 2 строки нрзб.>.
III Скажу тебе
Авторизованная машинопись (ГМЗЕ и РГАЛИ):
Заглавие На родине
7 В их мирном неприглядном быте.
56 На колокольне комиссар снял крест.
59—60 Молюсь осинам. Может пригодиться.
Кр. новь, 1924, № 4, июнь-июль, с. 125; Ст$_{24}$*:*
Заглавие На родине

Посвящение		А. Сахарову
7		В их мирном неприглядном быте.
Р. сов.:		
45		Тебе, пожалуй, будет скоро тридцать...

Русь советская

Черновой автограф (РГАЛИ):

Посвящение		Алекс<андру> Сахарову *зачеркнуто.*
1	I	Знакомая до тошноты
	II	Опять как встарь
	III	*как в тексте.*
4	I	В котором не был восемь с лишним
	II	*как в тексте.*
6	I	Тем, что несу я
	II	*как в тексте.*
7—8	I	Ветрянка-мельница — бревенчатая птица Курлычет жалобно в просторы сирых нив.
	II	Ветрянка-мельница — бревенчатая птица Курлычет жалобно в просторы серых нив.
	III	*как в тексте.*
9	I	Я никому давно здесь не знаком.
	II	*как в тексте.*
11—12	I	И место милое еще
	II	И там, где был когда-то отчий дом, Осталось
	III	*как в тексте.*

После 12 *зачеркнуто:*

I	Не горо<д?>
II	Там свиньи роются
III	Там свиньи бродят парою
IV	Там свиньи бродят и толпа собак

		Пристанище [любви] страстям своим находит
	V	Там свиньи бродят и толпа собак
		Страстям своим [находит] пристанище находит
13	I	Но жизнь кипит
	II	*как в тексте.*
15	I	Такие же
	II	*как в тексте.*
16	I	Мне некому здесь нежно поклониться
	II	Да некому мне шляпой поклониться
	III	*как в тексте.*
18	I	И в голове моей мелькает
	II	*как в тексте.*
19—20	I	Что родина? Ужели это сон?
	II	*как в тексте.*
22	I	Бог весть с какой пришедши<й>
	II	*как в тексте.*
30—31	I	Ведь это только
	II	Смотри как
	III	Ведь это только новый свет горит
		Младого поколения у хижин.
	IV	*как в тексте.*
33	I	Др<угие?>
	II	Иные юноши поют другие песни
	III	*как в тексте.*
34	I	И кто из вас
	II	Они ко<нечно?>
	III	Они пожалуй будут интересней
	IV	Над кем
	V	Но надо
	VI	*как в тексте.*
36	I	Смотри как изменился

	II	*как в тексте.*
37	I	Я <*1 сл. нрзб.*> словно
	II	Я <*1 сл. нрзб.*> как
	III	Ведь юноша нескладный
	IV	Мне словно девушке покрыл лицо румянец
	V	И словно девушке покрыл лицо румянец
	VI	*как в тексте.*
40—42	I	Вот вижу я как
	II	Вот молодежь сошла<сь>
	III	Вот мужики сошлись у городьбы
	IV	И как же так сумел я проглядеть Ужели буря оглушила уши
	V	И как же так сумел я проморгать Ужели буря оглушила уши
	VI	Вот вижу я, как праздничная бражь Парней и девок
	VII	Вот вижу я, как праздничная рать Парней и девок
	VIII	Вот вижу я, как праздничная людь Под окнами
	IX	Вот вижу я, как праздничный народ Под окнами
	X	*как в тексте.*
43	I	И плавными спокойными речами
	II	*как в тексте.*
44	I	Св<ою?>
	II	*как в тексте.*
52	I	С прикрасами, как брали Перекоп
	II	*как в тексте.*
57	I	С горы идет крикливый комсомол
	II	*как в тексте.*
59—60	I	*как в тексте.*
	II	Поет агитки Бедного Демьяна,

		Веселым криком оглушая дол.
63	I	Все годы с криком
	II	Орал о том в стихах, что я с народом дружен
	III	*как в тексте.*
66—67	I	Ну что ж! Прости, родимый край
	II	*как в тексте.*
69	I	Пусть
	II	*как в тексте.*
74—75	I	И улыбаясь — *не дописано.*
		Но лиру милую я новым не отдам.
	II	Отдам всю душу розовому маю,
		Но только лиры милой не отдам.
	III	*как в тексте.*
76	I	Она со мной, любимая подруга
	II	*как в тексте.*
79	I	И песни нежные лишь пела
	II	*как в тексте.*
80—83	I	Расти цвети
	II	Цветите, юные, и здоровейте телом
		У вас иная жизнь, у вас иной напев.
		Наш ураган прошел. Нас мало уцелело
	III	Цветите, юные, и здоровейте телом
		У вас иная жизнь
		А я пойду один к неведомым пределам
		См<отреть?>
	IV	Прости навек, родимый
	V	Цветите, юные, и здоровейте телом
		У вас иная жизнь, у вас другой напев
	VI	Цветите, юные, и здоровейте телом
		У вас иная жизнь пусть
	VII	Цветите, юные, и здоровейте телом
		У вас иная жизнь, у вас бежит
	VIII	Цветите, юные, и здоровейте телом

У вас иная жизнь кипит иным ключом
IX Цветите, юные, и здоровейте телом
У вас иная жизнь, у вас иной напев
X Цветите, юные, и здоровейте телом
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам
От ваших
XI Цветите, юные, и здоровейте телом
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам
Искать страну, где
XII *как в тексте.*

После 83 *зачеркнуто:*
I И может быть, когда нигде не будет
II И может быть, на склоне
III И вот
IV И может быть, приду я как шарманщик
Опять сюда к родимым берегам
V И может быть, приду я как шарманщик
Опять сюда в последний, может, раз
И запою про то, как жили люди раньше
VI И может быть, приду я как шарманщик
Опять сюда в последний, может, раз
И запою опять, как пел когда-то раньше,
О том, что навсегда неведомо для вас
87 I Затихнет ложь и грусть
II *как в тексте.*

Авторизованная машинопись (ГМЗЕ):
Посвящение *отсутствует.*
37 На щеки впалые сухой летит румянец
42 У волости, как в церкви, собрались
68 Чем сослужил и тем уж я доволен
90 Названьем кратким «Русь».

Кр. новь, 1924, № 5, август-сентябрь, с. 122—123; $Ст_{24}$*:*

37	На щеки впалые сухой летит румянец
84	Но даже и тогда
90	Названьем кратким «Русь».

$Ст_{24}$*:*

Посвящение	*отсутствует.*
37	На щеки впалые сухой летит румянец
54	Буржуя эвтого... которого... в Крыму

Бак. раб., 1924, 24 сентября, № 216; Р. сов.:

Посвящение	*отсутствует.*
32—35	*отсутствуют.*
44	Они свою обсуживают жисть.
45—48	*отсутствуют.*
54	Буржуя энтово, которова — в Крыму
59—60	Поет агитки Бедного Демьяна, Веселым криком оглушая дол.
90	С названием кратким «Русь».

$И_{25}$*:*

Посвящение	*отсутствует.*
37	На щеки впалые сухой летит румянец
68	Чем сослужил — и тем уж я доволен
90	Названьем кратким «Русь».

Русь бесприютная

З. Вост., 1924, 16 ноября, № 729:

9—10	Тот крепость знал, Тому Сибирь знакома
28	С «аминями» нам ставят

Копия авторской правки печатного текста З. Вост. от 16 ноября 1924 г. (ГЛМ):

28	I	С «аминями» нам ставят
	II	*как в тексте.*

Русь уходящая

Черновой автограф (РГАЛИ):

9	I	*как в тексте.*
	II	Знать, оттого и хочется так мне
15—16	I	Они, как рожь, остались на корню
		Без пахаря тускнеть и осыпаться.
	II	*как в тексте.*

После 16 зачеркнуто:

		Что в глубь не вложено, то не взойдет
		Зерно должно прозябнуть и согреться
25		Чтоб я забыл дни
26	I	И не искал ненужного покоя
	II	И не искал покоя
29		Что юность свежую мою
35		Не оттого ли с желтой головой
38	I	Счастлив я
	II	В вихре бурь
	III	*как в тексте.*
39		Неизгладимые я вынес впечатленья
40—41	I	Среди всего грустящего живья
		Я не боюсь ни мрака и ни тленья
	II	И потому среди живья
		Влюблен в осеннее цветенье
	III	*как в тексте.*
44—46	I	Одной ногой я в прошлом, а другою
		Скольжу
	II	*как в тексте.*
47	I	Но есть другие люди
	II	*как в тексте.*
52	I	Дождались
	II	*как в тексте.*

59	I	Будет запах гнили
	II	*как в тексте.*
71	I	Как мало надо сим бородачам
	II	Как мало надо этим бородачам
74—75	I	А я в тоске ругаю по ночам Свой
	II	А мне в тоске не спится но ночам В
	III	*как в тексте.*

Беловой автограф (ГЛМ):

29	Что юность свежую мою

И$_{25}$:

9 и 95	Знать, оттого и хочется так мне

На Кавказе

Черновой автограф ст. 1—36 (РГБ):

Заглавие		*отсутствует.*
2	I	Тянуло к северным
	II	Тянуло с северной равнины
	III	Тянуло к дальни<м>
	IV	*как в тексте.*
3		И больше ты всего, Кавказ
8	I	Пылал душой своей опальной
	II	*как в тексте.*
14	I	Он
	II	Кипенья рек твоих достоин
	III	*как в тексте.*
15—16		Он, наш поэт и офицер, Здесь пулей друга успокоен.
18	I	Из Персии
	II	Как наша дань персидским бунтам

	III	*как в тексте.*
19	I	В подножии тв<оей?>
	II	*как в тексте.*
22	I	А ныне я к твоим брегам
	II	А ныне я в твоих горах
	III	*как в тексте.*
23	I	Чужой ли обрыда<ть?>
	II	Родной мне обрыдать здесь прах
	III	Родной ли прах мне обрыдать
	IV	*как в тексте.*
27	I	Какой
	II	*как в тексте.*
33	I	И я бежал
	II	*как в тексте.*

Баллада о двадцати шести

Бак. раб., 1924, 22 сентября, № 214; Р. сов.:

159	Нас было

Р. сов.:

Посвящение	*отсутствует.*

Письмо к женщине

З. Вост., 1924, 21 ноября, № 733; Р. сов.:

37	И мало с опытной душой

Письмо от матери

Черновой автограф (ИМЛИ):

Заглавие		*отсутствует.*
31		Внучонка б я качала
42	I	Ты болен
	II	*как в тексте.*

57 I Ты все рассеешь их
II *как в тексте.*
76 I Ты был
II Ты был бы шишкою
III Ты был бы председателем
IV *как в тексте.*
91 I Но что я думаю
II *как в тексте.*

Вырезка из З. Вост. (1924, 7 декабря, № 747) с авторской правкой (собрание Ю. Л. Прокушева, Москва):

27 I *как в тексте.*
II Жил ты изначала

$И_{25}$:

52 Была напрасна мысль

Ответ

Черновой набросок ст. 1—4 (ИМЛИ):

1—4 Старушка милая
Пиши пиши
Пиши мне всё
Что на сердце

Вырезка из З. Вост. (1924, 7 декабря, № 747) с авторской правкой (собрание Ю. Л. Прокушева, Москва):

51—52 I Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
II Ее и в триста солнц
не растопить!

Стансы

З. Вост., 1924, 26 октября, № 713; Кр. нива, 1925, № 5, февраль, с. 108:

52		Вы же все мне дяди
81		И слышу голос человечьих сил

Письмо деду

Черновой автограф (РГАЛИ):

4	I	Я снова к вам пишу
	II	*как в тексте.*
После 8 зачеркнуто:		
	I	А здесь кругом весна
		И воробьи воришки
		Чирикают как в мае
	II	А здесь кругом весна
		И только море снегом
		Закаменелый берег обдает
10		Залезли на чердак
11	I	И ты всю ночь не спишь
	II	*как в тексте.*
23	I	Учить на слух
	II	*как в тексте.*
26—27	I	Ему дают отборнейшее
		Сено
	II	*как в тексте.*
31	I	Учил ты нежно внука
	II	*как в тексте.*
32—33	I	Как хорошо
		Что я перезабыл
	II	*как в тексте.*

III Но внук науки этой
Не постиг
IV *как в тексте.*
42—43 I Все лучшее
Что
II *как в тексте.*
57—59 I Я в стране далекой
Где розы больше
II *как в тексте.*
60 I Но все ж твоей
II *как в тексте.*
62—63 I Привет мой теплый
Шлю, привет издалека
II *как в тексте.*
64 I Теперь мет<ель>
II Метель дымит
III *как в тексте.*

После 111 *зачеркнуто:*

Поймешь и то,
Что вьюга плачет вьюгой,
Что нет ни ведьм,
Ни Бога, ни чертей
<*зачеркнутая строка нрзб.*>
<*несколько сл. нрзб.*> у меня луну.
Пока же будто сто чертей
Залезли на чердак,
И ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе,
Накинув свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Ленин

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

Круг-III, с. 227—230:

Заглавие	Отрывок из поэмы
1	Еще закон не затвердел
28	Страну родную в край от края
88—96	*отсутствуют.*

Кр. новь, 1924, № 4, июнь—июль, с. 129:

Заглавие	Отрывок из поэмы «Гуляй-поле» (О Ленине)
1—81	*отсутствуют.*

Метель

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие		*отсутствует.*
1—6	I	Напрасно я себя по шее глажу. Живой души не перестроить ввек. Нет, что-то с Марксом Я никак не слажу
	II	Прядите, дни, свою былую пряжу, Живой души не перестроить ввек. Знать, потому И с Марксом я не слажу, Что он чужой мне, Скучный человек.
11	I	Дождливый ветр рыдает
	II	*как в тексте.*
14—15	I	Облезлый тополь
	II	Облезлый клен Когда-то
	III	*как в тексте.*

18 I Уж он не дерево
II *как в тексте.*
22—24 I И первого
Меня повесить надо,
Что я качался
Тушею свиной
II И первого
Меня повесить нужно,
Скрутивши руки
За спиной
28 I Стране своей
II *как в тексте.*
34 I Я выкрутил
II *как в тексте.*
После 36 зачеркнуто:
Нас много пело.
Хор разноголосья
Ему внимали
Дураки и дуры.
И вот теперь лишь
Задаю вопрос я:
А если б вдруг
Запели в мире куры?
37—43 *отсутствуют.*
81 I И плач
II *как в тексте.*
Беловой автограф (РГБ):
Заглавие Над «Капиталом»

I

Метель

Весна

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие		Приступ второй
1	I	Призрак
	II	Припадок грусти
	III	*как в тексте.*
3	I	Приемлю жизнь, Как детский
	II	*как в тексте.*
4	I	Сегодня я наткнулся В Капитале
	II	*как в тексте.*
7	I	Теперь я
	II	*как в тексте.*
13	I	Да и меня жалеть не надо
	II	*как в тексте.*
16		Тень-тень, синица!
20	I	Коли
	II	*как в тексте.*

После 28 *зачеркнуто:*

Привет тебе,
Горлан-петух,
Мила ль тебе
Синь-зимья опадь?
Одно мне грустно,
Милый друг,
Тебя в сем мире

40—41	I	И выйдет девушка с ведром Воды
	II	*как в тексте.*
49		Суровой драки.

Две заключительные строфы записаны сначала в порядке, обратном основному тексту (ст. 64—70, а затем ст. 56—63). После этого автор указал на перестановку строф соответствующими цифровыми обозначениями — 2) *и* 1).

Беловой автограф (РГБ):

Заглавие	I	2 Оттепель
	II	2 Весна

Письмо к сестре

Черновой автограф (ГЛМ):

Заглавие		Письмо сестре Е<катерине>
31	I	Че<м майский>* день
	II	*как в тексте.*
После 57 зачеркнуто:		
	I	Терплю я, много лет Терплю
	II	Пустую жизнь твою терплю И <*1 сл. нрзб.*> что я поэт А то, что жизнь свою гублю, Тебе навеки дела нет.
59	I	Сад!
	II	Синий сад!
	III	*как в тексте.*
65	I	*как в тексте.*
	II	Промолвят невпопад

Черновой набросок ст. 58—60 и 63—65 (ГЛМ):

65		Промолвят невпопад

* В этом месте лист поврежден.

Мой путь

Авторизованная машинопись (РГАЛИ):

Заглавие I *как в тексте.*
II Анна Снегина
159—160 I Недаром так
Страдальчески лег рот.
II *как в тексте.*

После 160 *было вписано, а затем зачеркнуто:*

Ведь это та,
Что в детстве я любил,
Та —
На которой я хотел жениться...
О сердце!
Перестань же биться,
Я это детство позабыл.

Авторизованная машинопись (РГАЛИ); журн. «Город и деревня», М., 1925, № 3/4, 5 марта, с. 81; Перс. мот.:

41 В Бога и царя
49 Кружилась голова

Перс. мот.:

145 В телеге рожь.

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве

Авторизованный список (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского):

60 I С ратью кленов голых
II *как в тексте.*
67 Елки ли, кусток ли

Авторизованный список (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского); наб. экз. (авторизованный список):

145 I Взяли тут Петрушу
II *как в тексте.*

169 I *как в тексте.*
II Написал так сказку
III *как в тексте.*

З. Вост., 1925, 1 ноября, № 1018; журн. «Пионер», М., 1925, № 23, 5 декабря, с. 12:

Заглавие Сказка о пастушке Пете,
его комиссарстве и коровьем царстве

З. Вост., 1925, 1 ноября, № 1018:

37 Лихо хворостиной
66 В спину и загривок
83—88 и 145—148 *отсутствуют.*
159 А над ним березка
167—170 *отсутствуют.*

Журн. «Пионер», М., 1925, № 23, 5 декабря, с. 12—14:

67 Елки ли, кусток ли
83—86 *отсутствуют.*

Песнь о Евпатии Коловрате

Беловой автограф (РГАЛИ):

54 I В три ряда на землю падали
II *как в тексте.*
93—94 I Прискакал ездок к Евпатию
Да как
II *как в тексте.*
105 I Говорил Евпатий дру<жникам?>
II *как в тексте.*
109 I Зелено вино, как метель, сильно
II *как в тексте.*
113 I Если свет точить
II *как в тексте.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

<Ленин>

а) Повстанцы

Черновой автограф (РГБ):

1	I	Еще те ш
	II	*как в тексте.*
9	I	Уж десять лет твой мирный быт
	II	*как в тексте.*
13—14	I	Кто рыщет здесь, у сих сторон, И чьи тревожат нас набеги?
	II	*как в тексте.*
18	I	Кто рыщет здесь.
	II	*как в тексте.*
22—23	I	Повисла белая луна, Как шкура мертвого барана
	II	Куда они? и где война? Степная водь не внемлет слову
	III	*как в тексте.*
26	I	Все спуталось. Но видит взор
	II	*как в тексте.*
30—37	I	Россия!.. Страшный чудный сон. В деревьях березь, в цветь подснежник. Откуда закатился он, Тебя встревоживший мятежник?

II

Кто милость сильных не искал,
Тот шел всегда напропалую.
Мой поэтический закал
Я чту, как вольность удалую.

II II

Кто милость сильных не искал,
Тот шел всегда напропалую.
Мой поэтический запал
Я чту, как вольность удалую.
Россия!.. Страшный чудный сон.
В деревьях березь, в цветь подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
III *как в тексте.*
38—41 I Суровый гений! Он меня
Влечёт не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре
II *как в тексте.*

После 41 *зачеркнуто:*

С плеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту,
Одно в убийстве он любил:
Перепелиную охоту.
Для нас условен стал герой.
Мы любим тех, что в черных масках.
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех у <*так в автографе*>
женщин томных,
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
I [Зато монгольские глаза]
II [Его монгольские глаза]
III [Но он влечет меня к себе]
IV Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.

Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс.

III

Шуми и вей,
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.
Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще [имперских] крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы

б) <Отрывок>

Черновой автограф (РГБ):

3 I Иль двину<лась?>
II *как в тексте.*
4—5 I Или проснулось Запорожье
II Ужель проснулось Запорожье
Времен Хмельницко<го?>
III Ужель проснулось Запорожье
Опять на ляхов воев<ать?>
IV Ужель проснулось Запорожье
Опять с
V *как в тексте.*
6—9 I Ужели голос прежней славы
Расшевелил былую Сичь
И ята<ганы?>
II Ужели голос прежней славы
Расшевелил былую Сичь
В прямом походе до Варшавы
[Разбуж<енную?>]
Встревоженную мощь постичь.

	III	Ужели голос прежней славы Расшевелил былую Сечь Прямым походом на Варшаву Иль победить, иль там
	IV	*как в тексте.*
10—11	I	И куст дорожный от свирели Качается
	II	И куст дорожный от свирели [Дрож<ит?>] Под ветром прыгает в глазах
	III	*как в тексте.*
12—13	I	Иль вновь явившийся
	II	Или видением Мазепа Опять во<зник?>
	III	Или видением Мазепа Бежит по
	IV	Или видением Мазепа Бежит со шведом за рубеж
	V	Или видением Мазепа Бежит иль
	VI	*как в тексте.*
17	I	Чуть не на каждом косогорьи
	II	*как в тексте.*
22—24	I	Рубили красных, били белых За то, чтоб не топтали рожь, Ст<?>
	II	*как в тексте.*
27	I	Им только б рожь
	II	*как в тексте.*
28—29	I	Чтобы хозяйство было цело И потому
	II	*как в тексте.*
30—31	I	В тот год
	II	Народ не знал, что свергнув

III *как в тексте.*
IV Народ невинный, добродушный,
Никоей власти не послушен
V *как в тексте.*

Между 31 *и* 32 *было:*
И вот как [д<икий?>] будто дикий бык,
Вскочил и заревел мужик.

32 I Не знает толь<ко?>
II Он знал лишь
III Он знает чт<о>
IV Он знает где
V *как в тексте.*

в) Отрывок из «Гуляй-поля»

Черновой набросок (РГБ):
1 Надгробный плач нам стал досаден
2—5(?) *отсутствуют.*

После пробела:
I Не плачет колокол в
II Не стонет колокол церковный
Почил безбожнейши<й>
III Не стонет колокол церковный.
Почил безбожник, но герой.
По всей стране он был
IV Не стонет колокол церковный.
Почил безбожник, но герой.
И не столи<?>

Беловой автограф (РГБ):
2 I Из медных
II *как в тексте.*
24 I Он гово<рил? рит?>
II *как в тексте.*

г) Отрывок из поэмы

Черновой автограф ст. 34—45 (РГБ):

Перед 34 зачеркнуто:

Влади<мир?>

34—37 I Ученый бунтовщик, он в кепи
Немного выгляд<ел?>

II Ученый бунтовщик, он в кепи
Глядел немного, как апаш
И п<?>

III Ученый бунтовщик, он в кепи
Глядел немного, как апаш
С лицом, как из кайсацкой степи

IV Ученый бунтовщик, он в кепи,
Взращённый духом чуждых стран,
С лицом, как из кайсацк<ой?>

V Ученый бунтовщик, он в кепи,
Взращённый духом чуждых стран,
С лицом, как из кир<гизской?>

VI Ученый бунтовщик, он в кепи,
Взращённый духом чуждых стран,
С лицом киргиз-кайсацкой степи
Гля<дит? дел?>

VII Ученый бунтовщик, он в кепи,
Взращённый духом чуждых стран,
С лицом киргиз-кайсацкой степи
Смотрел, как русский хулиган.

38—45 I И не с того ль еще

II [От] Хоть не всегда,
но есть портреты,
Которые люблю и я,
Когда он с факелом воздетым

III Хоть не всегда,

но есть портреты,
В которых он поэтам мил
За то, что
IV Хоть не всегда,
но есть портреты,
В которых он поэтам мил,
Сей образ, вольностью воспетый,
[Пусть он] Пускай таким он и не был.
V Хоть не всегда,
но есть портреты,
В которых он поэтам мил,
Сей образ, вольностью воспетый,
Для тех, чтоб зря кто не вспылил
И [нам] кто-нибудь
VI Хоть не всегда
но есть портреты,
В которых он поэтам мил,
Сей образ, вольностью воспетый,
И скажем (чтоб кто не вспылил):
Таких мы любим, ну, а в общем
Он был серьезный человек.
VII Сей образ, вольностью воспетый,
И скажем (чтоб кто не вспылил):
Хоть не всегда,
но есть портреты,
В которых он поэтам мил.
Таких мы любим, ну, а в общем
Мы

Далее варьировалась только ст. 45:
I И в наших песнях не з<атопчем?>
II И мы [в на<шей? ших?>]
стихами не затопчем
III *как в тексте.*

Комментарии

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Аф. I, II, III — А.Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу в трех томах. М., «Индрик», 1994 (репринт издания 1865—1869 гг.).

Б. сит.— Сергей Есенин. Березовый ситец, М., Госиздат, 1925.

Бак. раб.— газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1906—1995.

Бирж. вед.— газ. «Биржевые ведомости», утр. вып., СПб.—Пг., 1880—1917.

Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», тт. 1—2, М., «Художественная литература», 1986.

ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., с 1957 г.

$Г_{18}$ — Сергей Есенин. Голубень, СПб., «Революционный социализм», 1918.

$Г_{20}$ — Сергей Есенин. Голубень, М., «Московская трудовая артель художников слова», 1920.

$Г_н$ — наборная рукопись сборника «Голубень» 1918 г., подготовленная автором (РГАЛИ).

Г. тр. кр.— газ. «Голос трудового крестьянства», М., 1917—1919.

Гост.— журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922—1924.

Грж.— Есенин Сергей Александрович. Собрание стихов и поэм. Том первый, Берлин — Пб.— М., Изд. З.И.Гржебина, 1922.

Есенин 3 (1962) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. Том третий. Стихотворения и поэмы (1924—1925), М., «Государственное издательство художественной литературы», 1962.

Есенин 1956 (БП) — Сергей Есенин. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание), Л., «Советский писатель», 1956.

З. Вост.— газ. «Заря Востока», Тифлис—Тбилиси, 1922—1991. С 10 апреля 1991 г. выходит под названием «Свободная Грузия».

Зн. бор.— газ. «Знамя борьбы», Пг., 1918.

Зн. тр.— газ. «Знамя труда», Пг., затем М., 1917—1918.

$И_{22}$ — Есенин. Избранное, М., Госиздат, 1922.

$И_{25}$ — Сергей Есенин. Избранные стихи (Библиотека «Огонек», № 40), М., «Огонек», 1925.

Исп. хул.— Есенин. Исповедь хулигана, [М., «Имажинисты»], 1921.

Кр. звон — Красный звон. Сборник стихов С.Есенина, Н.Клюева, П.Орешина, А.Ширяевца. Вступительная

статья Иванова-Разумника. Пг., «Революционная мысль», 1918.

Кр. нива — журн. «Красная нива», М., 1923—1931.

Кр. новь — журн. «Красная новь», М., 1921—1942.

Круг-III — Альманах артели писателей «Круг». III. М.—Л., «Круг», 1924.

Наб. экз.— наборная рукопись второго тома «Собрания стихотворений», подготовленная автором в 1925 г. (ГЛМ).

Нак.— газ. «Накануне», Берлин, 1922—1924.

ОРиР — Сергей Есенин. О России и революции, М., «Современная Россия», 1925.

$П_{18}$ — Сергей Есенин. Преображение, М., «Московская трудовая артель художников слова», II-й год I века [1918].

$П_{21}$ — Сергей Есенин. Преображение, [М.], «Имажинисты», 1921.

Перс. мот.— Сергей Есенин. Персидские мотивы, М., «Современная Россия», [1925].

ПиР — журн. «Печать и революция», М., 1921—1930.

Письма — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы», М., «Республика», 1995.

Прож.— журн. «Прожектор», М., 1923—1935.

$Р_{16}$ — Сергей Есенин. Радуница, Пг., Изд. М.В.Аверьянова, 1916.

Р$_{18}$ — Сергей Есенин, Радуница, М., «Московская трудовая артель художников слова», 2-й год I века [1918].

Р$_{21}$ — Сергей Есенин. Радуница, [М.], «Имажинисты», 1921.

Рж. к.— Сергей Есенин. Ржаные кони, М., «Альциона», 1921 (верстка невышедшего сборника; ИМЛИ).

РЗЕ, 1, 2 — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи», тт. 1—2, М., «Инкон», 1993.

Ровинский: Атлас, III — «Русские народные картинки. Собрал и описал Д.А.Ровинский. Атлас. Том III», СПб., «Экспедиция заготовления Государственных Бумаг», 1881.

Ровинский, III — «Русские народные картинки. Собрал и описал Д.Ровинский. Книга III. Притчи и листы духовные. [Описание]», СПб., «Экспедиция заготовления Государственных Бумаг», 1881.

Р. сов.— Сергей Есенин. Русь советская, Баку, «Бакинский рабочий», 1925.

Рус.— Сергей Есенин. Руссеянь, книга первая, М., «Альциона», 1920 (рукопись-макет невышедшего сборника, ИМЛИ).

Сел. час.— Сергей Есенин. Сельский часослов, М., «Московская трудовая артель художников слова», 2-й год I века [1918].

Ск-1 — «Скифы», сборник 1-й, [СПб.], «Скифы», 1917.

Ск-2 — «Скифы», сборник 2-й, [СПб.], «Скифы», 1918 (фактически: декабрь 1917).

Собр. ст.— Сергей Есенин. Собрание стихотворений, тт. 1—3, М.— Л., Госиздат, 1926; т. 4 — Стихи и проза, М.— Л., Госиздат, 1927.

$Ст_{24}$ — С.Есенин. Стихи (1920—24), М.— Л., «Круг», 1924.

Ст. ск.— Сергей Есенин. Стихи скандалиста, Берлин, Изд. И.Т.Благова, 1923.

Стр. сов.— С.Есенин. Страна советская, Тифлис, «Советский Кавказ», 1925.

$Т_{20}$ — Сергей Есенин. Трерядница, М., «Злак», 1920.

$Т_{21}$ — Сергей Есенин. Трерядница, [М.], «Имажинисты», 1921.

Тел.— Сергей Есенин. Телец, М., Госиздат, 1920 (невышедший сборник).

Тетр. ГЛМ — тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о его творчестве (ГЛМ).

Триптих — С.Есенин. Триптих. Поэмы, Берлин, «Скифы», 1920.

Хроника 2 — В.Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника, ч. 2, М., «Советская Россия», 1970.

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редкой книги (Санкт-Петербург).

В этот том вошли произведения, составившие второй том «Собрания стихотворений». Его рукопись — т.н. наборный экземпляр, подготовленный Есениным в 1925 году,— сохранилась в ГЛМ*. С нее набирался, а затем печатался второй том Собр. ст., в который Есенин включил тридцать шесть произведений. Большинство их представлено в виде вырезок из его книг. Из Грж. взято 15 текстов: «Марфа Посадница», «Микола», «Русь», «Ус», «Певущий зов», «Товарищ», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Пантократор», «Кобыльи корабли», «Сорокоуст», «Исповедь хулигана»; из Стр. сов.— 14 текстов: «Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь бесприютная», «Русь уходящая», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Баллада о двадцати шести», «Письмо к женщине», «Письмо от матери», «Ответ», «Стансы», «Письмо деду», «Ленин» и «Метель». Кроме того, для наб. экз. Есенин взял по одному тексту из Сел. час. («Иорданская голубица») и ОРиР («Небесный барабанщик»). Три произведения — «Весна», «Письмо к сестре» и «Мой путь» — это вырезки из Бак. раб. и З. Вост. Завершали наб. экз. два рукописных текста: «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и

---

* Здесь и далее (как и в т. 1 наст. изд.) конкретные указания на архивные фонды опущены, если речь идет о фондах С.А.Есенина; в других случаях после указания места хранения источника даны фамилии фондообразователей.

коровьем царстве» и «Песнь о Евпатии Коловрате». Первый выполнен С.А.Толстой-Есениной, второй — А.В.Евдокимовой-Перегудовой (женой редактора Собр. ст. И.В.Евдокимова).

Есенин называл произведения второго тома Собр. ст. «маленькими поэмами». Он не однажды говорил об этом. Так, касаясь структуры однотомника, выпуск которого предполагался в Госиздате, поэт писал из Тифлиса Г.А.Бениславской в октябре 1924 г.: «Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: „Пугачев", „36", „Страна", „Песнь о походе"». Позднее, осенью 1925 года, обсуждая состав и композицию Собр. ст. с И.В.Евдокимовым, Есенин подчеркивал: «...Я обдумал... В первом томе — лирика, во втором — мелкие поэмы, в третьем — крупные» (Восп., 2, 289).

Это авторское намерение, воплощенное в трехтомной композиции Собр. ст., выражало постоянное стремление поэта, начиная с ранних публикаций и книг, так или иначе отделить произведения более крупной формы от лирических стихотворений.

Готовя в 1917 году стихи для сборника Ск-2, Есенин распределил их по двум большим циклам: «Под отчим кровом» и «Стихослов». Первый был составлен исключительно из лирических стихотворений, а второй — из маленьких поэм: «Товарищ», «Ус», «Певущий зов», «Отчарь». Цикл «Стихослов», дополненный еще одной поэмой — «Марфа Посадница»,— вошел также в коллективный сборник «Красный звон» (февраль 1918 г.).

Весной 1918 года журнал «Наш путь» напечатал новые произведения Есенина — «Пришествие», «Октоих», «Преображение». В содержании журнала они даны под общим заголовком — «Три поэмы» (журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, апрель, 2-я стр. обложки). Позже они

составили отдельную книгу «Триптих» (Берлин, «Скифы», 1920). Первым же авторским сборником поэм Есенина, включающим «Иорданскую голубицу», «Отчарь», «Товарищ» и «Певущий зов», стал «Сельский часослов» (декабрь 1918 г.).

Затем — скорее всего для литературно-издательского отдела политического управления Реввоенсовета Республики — был подготовлен макет книги «Вече (Революционные поэмы)» (1919). В этот, сохранившийся в рукописи, сборник входили «Небесный барабанщик», «Товарищ», «Иорданская голубица», «Ус» и «Отчарь» (РГАЛИ).

Тогда же Есенин сдал в Госиздат книгу «Телец». Она была доведена лишь до стадии верстки, которая позднее частично использовалась поэтом в готовившемся для издательства «Альциона» макете сборника «Руссеянь», также не увидевшего свет (наблюдение А.А.Козловского; подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 402). В этом макете сохранилось полностью оглавление «Тельца» с разделом «Поэмы»: «Марфа Посадница», «Русь», «Микола», «Ус», «Октоих», «Пантократор», «Преображение», «Пришествие», «Инония» и «Отчарь» (ИМЛИ).

Работая над «Руссеянью», Есенин предполагал сохранить тот же состав раздела «Поэмы», что и в «Тельце», но с некоторыми перестановками. Свидетельство тому — авторская правка оглавления из верстки «Тельца», находящегося в макете «Руссеяни». После правки композиция раздела «Поэмы» приобрела такой вид: «Марфа Посадница», «Русь», «Микола», «Ус», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Пантократор». Однако затем весь этот раздел из содержания «Руссеяни» был исключен автором целиком (ИМЛИ).

Вероятно, как раз на этом этапе Есенин принял решение выпустить поэмы в том же издательстве «Альциона», но уже отдельной книгой под заглавием «Ржаные кони». Сохранилась верстка этой книги, вышедшая из типографии 31 марта 1921 г. (ИМЛИ). Судя по ее пагинации, первоначально Есенин расположил вошедшие в Рж. к. маленькие поэмы 1914—1920-х годов в таком порядке: «Марфа Посадница», «Русь», «Ус», «Микола», «Отчарь», «Товарищ», «Певущий зов», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Пантократор», «Кобыльи корабли», «Сорокоуст», «Исповедь хулигана». При дальнейшей подготовке книги к печати, в основном сохранив исходную композицию, поэт лишь поменял местами два произведения — «Отчарь» и «Певущий зов». Это нашло отражение как в авторском изменении пагинации в верстке Рж. к., так и в оглавлении книги, написанном Есениным собственноручно и приложенном им к корректуре (ИМЛИ).

Так же, как упомянутые «Телец» и «Руссеянь», книга «Ржаные кони» в свет не вышла.

В 1922 году издательство З.И.Гржебина в Берлине выпустило первый (и оставшийся единственным) том «Собрания стихов и поэм» Есенина. В него вошли все поэмы из Рж. к. Они составили пять заключительных разделов тома («Юношеские поэмы», «Февраль», «Господи, отелись», «Инония» и «Кобыльи корабли») и были напечатаны почти в том же порядке, что и в Рж. к. Небольшая композиционная перестановка коснулась только первых четырех произведений — их последовательность в Грж. стала такой: «Марфа Посадница», «Микола», «Русь», «Ус».

По существу, порядок расположения поэм, к которому пришел Есенин в Грж.,— это итог его четырехлетних раздумий над композицией тома своего «Избранного».

Позже Есенин включал маленькие поэмы 1914—1920-х годов выборочно в ряд своих сборников («Русь» — в И22, ОРиР, Б. сит., И25; «Пантократор» — в И22, ОРиР, Б. сит.; «Небесный барабанщик» и «Кобыльи корабли» — в ОРиР; «Сорокоуст» и «Исповедь хулигана» — в Ст. ск. и Ст24). Однако более поздние маленькие поэмы (1924 года) с близкими к ним стихотворными посланиями (типа «Письма к женщине») поэт вновь объединил в самостоятельные книги — «Русь советская» (Баку, декабрь 1924) и «Страна советская» (Тифлис, январь 1925). Композиция и состав последнего сборника не только были определены Есениным, но и закреплены в подписанном им 3 декабря 1924 г. официальном документе — договоре с издательством «Советский Кавказ» (ГЛМ)*.

Еще до выхода Р. сов. и Стр. сов. Есенин, обращаясь к Г.А.Бениславской (в цитированном выше письме), указывал, имея в виду предполагаемое «Избранное»: «...издайте по берлинскому тому <т.е. Грж.>... „Возвращение на Родину" и „Русь советскую" поставьте после „Исповеди хулигана"». В дальнейшем этот композиционный замысел был реализован поэтом во втором томе Собр. ст.

* Исключение составили три завершающих произведения Стр. сов. («Письмо деду», «Ленин», «Метель»), включенные в сборник без ведома автора (подробнее см.: *Вдовин В.А.* Письма к Сергею Есенину.— ВЛ, 1977, № 6, июнь, с. 246—247). Заметим при этом, что в наб. экз. Есенин сохранил расположение этих текстов таким же, как в Стр. сов.

Все это убедительно показывает: структура второго тома Собр. ст.— результат длительных составительских поисков автора.

Немалая работа была проведена Есениным и над текстами поэм, напечатанных в Грж. и включенных затем в этой же редакции в наб. экз. Об этом, в частности, можно судить по сохранившейся верстке Рж. к., которая, всего вероятнее, была частично использована поэтом при подготовке берлинского издания. В верстке Рж. к. наглядно видна эта работа автора. Некоторые из маленьких поэм — в частности, «Марфу Посадницу», «Пантократора» и особенно «Инонию» — Есенин подверг правке. В результате возникли новые редакции текстов, впоследствии напечатанные в Грж. При работе над версткой Рж. к. поэтом также достаточно тщательно были исправлены опечатки.

Тем не менее, в текстах поэм, появившихся в Грж., все же имеются погрешности. Судя по всему, корректуру Грж. поэт не читал. Договор с издателем был подписан 18 мая 1922 г. (копия документа — ГЛМ). В июне (до 21-го числа) Есенин выехал из Берлина и в 1922 году туда уже не возвращался. Книга вышла в свет в октябре — ноябре 1922 г., когда Есенин находился в Америке.

То же произошло при подготовке к печати Стр. сов.: ее корректуру Есенин не держал. Почти все время от сдачи книги в издательство «Советский Кавказ» до ее выхода поэт находился не в Тифлисе, а в Батуме. Из письма председателя правления Акционерного издательского Общества «Советский Кавказ» Вирапа (Н.А.Вирапяна) Есенину от 24 января 1925 г. (Письма, 271) явствует, что корректура Стр. сов. поэту не высылалась. В результате сборник вышел с заметным количеством разного рода погрешностей.

При формировании наб. экз. второго тома Собр. ст. Есенин использовал в общей сложности вырезки тридцати четырех печатных текстов. Три из них содержат правку поэта — «Русь бесприютная», «Русь уходящая» и «Весна» (по одному исправлению на каждое произведение). Поскольку тех или иных погрешностей в текстах вырезок существенно больше, очевидно, что авторская правка в наб. экз. тома не носила систематического характера.

Совокупность всех этих обстоятельств сделала задачу выявления искажений и опечаток в текстах Грж., Стр. сов. (да и самого Собр. ст.) весьма актуальной. Большинство их было устранено еще в первом научно подготовленном Собрании сочинений Есенина в пяти томах (М., 1961—1962) и более позднем — в шести томах (М., 1977—1980). Что касается сплошного поиска скрытых опечаток и неявных искажений, то в этом плане тексты настоящего тома были по существу проанализированы впервые.

Исправления текстов оговорены в комментариях к отдельным произведениям.

Среди использованных источников — материалы, вводимые в научный оборот впервые. Это автографы поэм «Ус» и «Отчарь» (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского; авторизованный список «Сказки о пастушонке Пете...» (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского); авторизованные машинописи «Возвращения на родину», «Руси советской» (ГМЗЕ) и «Моего пути» (РГАЛИ, новое поступление в ф. С.А.Есенина); вырезка текстов «Письма от матери» и «Ответа» из З. Вост. с авторской правкой (собрание Ю.Л.Прокушева); копия авторской правки текста «Руси бесприютной», напечатанного в З. Вост. (ГЛМ).

Заново были прочитаны черновые автографы таких произведений, как «Марфа Посадница», «Иорданская го-

лубица», «Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь уходящая», «На Кавказе», «Письмо деду», «Ленин», «Метель», «Весна», что позволило существенно уточнить и пополнить свод вариантов к ним.

Как и в первом томе наст. изд., в свод вариантов не включены разночтения источников неавторского характера. В случае необходимости (напр., указания на редакторское вмешательство и т.п.) делаются соответствующие оговорки в комментариях.

Для целого ряда произведений Есенина важное смысловое значение имеет графическое расположение стихотворного текста, с выделением отдельных фрагментов, строф и строк, связанным, как правило, с общим творческим замыслом. К таким сочинениям относятся, прежде всего, «Ус», «Певущий зов», «Товарищ», «Отчарь», «Пришествие». При их неоднократных перепечатках графический рисунок зачастую нивелировался, за чем не всегда мог уследить и сам поэт. В настоящем томе сделана попытка восстановить авторское графическое расположение текста там, где оно было искажено.

* * *

Авторская датировка произведений, составивших том, имеет, в отличие от т. 1 наст. изд., свои особенности. Известно, что Есенин обычно не датировал лирические стихотворения, как в рукописях, так и при их публикациях (подробнее об этом см. наст. изд., т. 1, с. 403—404). Что касается сочинений более крупной формы, в том числе маленьких поэм, то они чаще всего Есениным датировались, к тому же неоднократно: и в печати, и в корректурах, и в рукописи. Причем авторские даты во многих случаях включали не только год, но месяцы и даже дни, когда создавалось произведение, а порой — и место, где оно

было написано. Так, например, поэма «Отчарь» имеет авторскую дату: «1917, 19—20 июня. Константиново», «Сорокоуст» — «Август 1920. [Кисловодск — Баку]», «На Кавказе» — «Тифлис, сентябрь, 1924» и т.п. Значительная часть произведений, составивших наб. экз. второго тома Собр. ст., ранее, в разное время, была датирована Есениным.

При подготовке Собр. ст. Есенин (большей частью собственноручно) датировал в наб. экз. второго тома 17 из 36 произведений. Эти даты были проставлены карандашом, во многих случаях в усеченном виде (например, «17» вместо «1917» и т.п.), причем чаще всего это было сделано на первой странице текста произведения. Кроме того, расстановка дат была проведена лишь для сочинений, написанных до 1924 года (начиная с «Песни о Евпатии Коловрате» и кончая «Исповедью хулигана»). Тексты же 1924—1925-х годов остались без дат.

Перед отправкой рукописи тома в типографию рабочие датировочные пометы, сделанные Есениным в наб. экз., не были перенесены в надлежащие места и не могли быть набраны. В результате в гранках Собр. ст., 2 (ГЛМ) не было воспроизведено ни одной из этих помет. Набранной оказалась лишь дата под «Иорданской голубицей»: в наб. экз. поэма была представлена вырезкой из Сел. час., где произведение датировано — «Июнь, 1918, 20—23. Константиново».

Рассказывая о подготовке Есениным рукописи Собр. ст. и, в частности, о датировке поэтом своих произведений, редактор издания И.В.Евдокимов отмечал: «Собирались и еще и еще. Есенин несколько раз приносил новые стихотворения, но уже небольшими частями, проставлял некоторые даты, а главную, окончательную про-

верку по рукописям откладывал до корректуры» (Восп., 2, 292).

Уезжая 23 декабря 1925 г. в Ленинград, Есенин попросил И.В.Евдокимова: «Ты мне поскорее высылай корректуру».

«Как только придут <гранки> из типографии, в тот же день и направлю тебе,— обещал Евдокимов.— Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?» (Восп., 2, 299).

Узнав, что поэт едет в Ленинград «совсем, навсегда», Евдокимов вновь напомнил Есенину: «Даты не позабудь». Есенин ответил: «Нет, нет! И даты — все проставлю. Раз „Собрание", надо по-настоящему сделать. Я помню все стихи. Мне надо остаться одному. Я припомню» (Восп., 2, 299—300).

Этому стремлению поэта не суждено было осуществиться — Собр. ст. стало посмертным изданием.

При дальнейшей подготовке тома к выходу в свет И.В.Евдокимов был вынужден опереться на рабочие авторские датировки, описанные выше. Это подтверждается тем, что все авторские даты наб. экз., кроме одной — для поэмы «Пантократор» (1919), пропущенной, очевидно, случайно,— были напечатаны в Собр. ст., 2 в надлежащих местах. Скорее всего, они были перенесены из наб. экз. в текст уже на стадии верстки тома.

Позиция издательства по отношению к датировке Есениным своих произведений для «Собрания стихотворений» была выражена следующим образом: «Некоторые хронологические даты создания отдельных стихотворений, проставленные Есениным, также сохранены в неприкосновенности, хотя нет твердой уверенности в их точности, поскольку иногда сомневался в них и сам поэт. В будущей работе над текстами стихотворений Есенина по рукописям

эти сомнительные даты легко могут быть исправлены» (Собр. ст., 1, с. IX).

Уже в конце пятидесятых годов, при подготовке для Государственного издательства художественной литературы Собрания сочинений Есенина в пяти томах (М., 1961—1962), а позднее — при подготовке шеститомника поэта 1977—1980 гг., на основании рукописей и других документальных источников были исправлены, уточнены и дополнены некоторые даты. Так, например, во втором томе шеститомного Собрания сочинений (М., 1977) в шести случаях («Певущий зов», «Товарищ», «Инония», «Пантократор», «Сорокоуст», «Исповедь хулигана») в текст наряду с годом создания произведения было введено авторское обозначение месяца его завершения, а в отдельных случаях — места, где оно создавалось.

Кроме того, при сверке по другим авторским источникам текстов выяснилось, что некоторые даты наб. экз. второго тома Собр. ст. оказались ошибочными. В частности, Есенин по памяти датировал поэмы «Отчарь», «Октоих», «Пришествие» и «Преображение» 1918-м годом — временем их публикации (кроме «Отчаря»). Написаны же они были между июнем и ноябрем 1917 года: такова их авторская датировка в Сел. час., Рж. к. и др. Ошибочно датируются 1920-м годом в наб. экз. и «Кобыльи корабли», созданные Есениным осенью 1919 г. Еще в пятитомном Собр. соч. эти даты наб. экз. были исправлены, а во втором томе шеститомника (М., 1977) — дополнены указаниями автора на месяц (в случае «Отчаря» — и на место) написания.

Эта работа, проведенная в 1950—1970-х годах, существенно облегчила задачу научной датировки произведений Есенина, вошедших в данный том. Вместе с тем нужно было, принимая во внимание авторские датировочные

пометы в наб. экз., еще раз проанализировать их с учетом новых материалов по истории текстов; среди них — гранки трех томов Собр. ст. (ГЛМ), вводимые в научный оборот впервые.

Этот контроль был проведен по источникам, авторитетность которых не вызывает сомнений. Кроме уже упомянутых датированных рукописей, наиболее крупными источниками такого рода являются Сел. час. (четыре произведения) и Рж. к. (пятнадцать произведений, три из которых входили в Сел. час.): в этих сборниках имеются авторские даты под всеми текстами без исключения.

Восемнадцать произведений 1924—1925 гг., представленные в наб. экз. вырезками из Стр. сов., З. Вост. и Бак. раб. (в одном случае — списком рукой С.А.Толстой-Есениной), там не датированы. Нет дат под ними и в гранках (ГЛМ). Однако в Собр. ст., 2 датировано четырнадцать из них. Эти даты, скорее всего, были проставлены уже в верстке при участии С.А.Толстой-Есениной, чью роль год спустя так охарактеризовал И.В.Евдокимов: «...Вы принимали участие в литературной работе над 3 томами „Собрания“ сочинений С.А.Есенина, читали корректуру в окончательном виде и как бы за него подписывали тома к печати» (из письма к С.А.Толстой-Есениной от 16 мая 1927 г.— Письма, 449). Высокая степень достоверности дат Собр. ст., 2 подтверждается также анализом других документальных материалов. В необходимых случаях эти даты приняты и в настоящем томе.

Отдельные авторские датировки в наб. экз. («Небесный барабанщик», «Песнь о Евпатии Коловрате») оспариваются некоторыми исследователями творчества Есенина. Их аргументация изложена в соответствующих местах комментариев.

* * *

Следуя общим принципам комментирования, принятым для данного издания в целом, необходимо указать также и на некоторые особенности комментария к произведениям, составившим том.

Большинство крупных сочинений поэта (в том числе и многие из вошедших в том) было создано уже в послереволюционное время. Эти сочинения (особенно поэмы 1917—1918 годов) получили не только литературный, но и общественный резонанс, вызвав значительное количество откликов как в отечественной печати, так и в изданиях русского зарубежья. В пределах комментария к каждому конкретному произведению по возможности представлено (хотя бы конспективно) разнообразие критических оценок и отзывов о нем в печати.

При жизни автора на многие его произведения откликалась иностранная пресса. Некоторые маленькие поэмы Есенина вскоре после их публикации были переведены на французский, немецкий, японский, польский и другие языки. К настоящему времени нет полной библиографии зарубежных откликов на них. Поэтому было признано целесообразным отметить в комментарии хотя бы те, о которых знал сам поэт. Часть откликов — это газетные, журнальные и книжные вырезки в принадлежавших Есенину тетрадях, куда вклеивались эти отзывы.

Произведения раннего периода, которые сам Есенин назвал «юношескими поэмами» (шмуцтитул в Грж.) — «Марфа Посадница», «Микола», «Русь», «Ус» и примыкающая к ним «Песнь о Евпатии Коловрате»,— содержат заметное количество слов из «рязанского языка» (выражение Есенина из его письма Н.А.Клюеву от 24 апреля 1915 г.). Кроме того, в них есть лексемы, отсутствующие как в словаре В.И.Даля, так и в современных словарях

русских народных говоров. Некоторые ученые-лингвисты (в частности, Л.А.Шеронова) склонны поэтому рассматривать такие слова как неологизмы либо окказионализмы Есенина, что, в свою очередь, оспаривается другими исследователями.

Проблемы лексического состава произведений раннего Есенина и «перевода» некоторых из употребленных им слов на понятный всем язык еще далеки от полного разрешения. Поэтому в комментарии тома даны пояснения лишь к тем диалектизмам, значение которых установлено безоговорочно.

При комментировании поэм Есенина следующего периода его творчества (1917 — начало 1919 г.) главным образом принимались во внимание те источники «духа и глаза» поэта, к которым он тогда обращался постоянно.

«Его любимыми книгами,— свидетельствовал В.С.Чернявский,— в это время были Библия, в растрепанном, замученном виде лежавшая на столе, и „Слово о полку Игореве". Он по-новому открыл их для себя, носил их в сердце и постоянно возвращался к ним в разговорах, восторженно цитируя отдельные куски...» (Восп., 1, 220—221).

С.А.Толстая-Есенина писала: «На протяжении всей жизни Есенина, почти до самого конца, одними из самых любимых и одно время даже настольных книг были: „Русские народные сказки" А.Н.Афанасьева и «Поэтические воззрения славян на природу» того же автора. Он говорил, что черпал из них много материалов для своего творчества» (Восп., 2, 260).

В 1926—1928 гг. в распоряжении исследователей еще находились ныне не известные «бумаги поэта, из которых видно, что Есенин делал всякого рода выборки из афанась-

евского текста <„Поэтических воззрений славян на природу“> и тут же переделывал их в стихи...» (Е.Ф.Никитина со слов Б.В.Неймана: Художественный фольклор, М., 1929, [вып.] 4/5, с. 212).

И в самом деле, в есенинских поэмах и статьях 1917—1919 гг. названные произведения получили бесспорный отзвук. В силу этого в комментариях настоящего тома они учтены систематически.

Результативным оказалось также выявление изобразительных источников произведений Есенина, составивших данный том. Для поэм 1917—1919 гг.— это прежде всего христианская иконография, то есть иконопись; подробнее об этом см. статью Л.А.Киселевой «Христианско-иконографический аспект изучения поэтики Сергея Есенина» («Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II», М., 1995, с. 168—180). Среди других изобразительных источников — уже упоминавшийся (в связи с трактатом «Ключи Марии») Н.Ф.Бабушкиным (сб. «Вопросы фольклора», Томск, 1965, с. 103) многотомный атлас русского лубка Д.А.Ровинского «Русские народные картинки» (СПб., 1881; дополнительный том — СПб., 1893). Источники есенинского текста такого рода также учитываются в комментариях.

За разнообразную помощь в работе благодарю В.А.Вдовина, В.П.Гарнина, Л.Д.Громову, Л.А.Киселеву (Украина), А.А.Козловского, С.П.Кошечкина, Г.Маквея (Англия), А.И.Михайлова, М.Никё (Франция), О.К.Переверзева, Ю.Л.Прокушева, Е.А.Самоделову, Т.П.Флор-Есенину, Т.С.Царькову и Н.Г.Юсова.

Марфа Посадница (с. 7).— Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 9 апреля, № 20; Ск-1, с. XIII—XVI; Кр. звон, с. 25—28; $Р_{18}$; Рж. к.; $Р_{21}$; Грж.

Черновой автограф ст. 1—80 (РНБ, ф. К.К.Владимирова) не датирован.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по первой публикации («1914, сентябрь»). Эта дата воспроизведена также в большинстве других источников текста, кроме $Р_{21}$ и Грж. В наб. экз. помечено 1914 г.

Первые зафиксированные в литературе о Есенине сведения о поэме относятся к весне 1915 года: В.С.Чернявский вспоминал (впрочем, предположительно), что Есенин читал «Марфу Посадницу» на литературном вечере в редакции «Нового журнала для всех» 30 марта 1915 года (Восп., 1, 203). Зимой 1915—1916 гг. Есенин отдал поэму для публикации в горьковский журнал «Летопись», о чем сохранилось свидетельство самого М.Горького — 24 февраля 1916 года он писал И.А.Бунину: «...вчера цензор зарезал длинное и недурное стихотворение Есенина „Марфа Посадница“,— назначенное <для журнала „Летопись“> в февраль...» (Письма, 309). В «Летописи» поэма не появилась; документов о цензурном запрещении «Марфы Посадницы» в архиве С.-Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати (РГИА) обнаружить не удалось.

Со слов В.А.Мануйлова известна характеристика «Марфы Посадницы» Есениным (август 1921 г.): «Я эту вещь чуть ли не шестнадцати лет задумал, а написал в первые месяцы после начала войны. Теперь так бы не написал, другой стал. Хоть и раннее сочинение, а мне дорого. Бывает, что и ранние стихи без стыда потом вспоминаешь» (Восп., 2, 166).

Первая публикация произведения в газ. «Дело народа» была сопровождена редакционным примечанием: «На-

стоящая поэма С.Есенина, написанная в 1914 году, напечатана в сборнике „Скифы", который появится в свет в ближайшие дни». Решение включить «Марфу Посадницу» в Ск-1 было принято после Февральской революции: поэма Есенина, наряду с редакционным предисловием, была подверстана к уже готовой книге (об этом свидетельствует римская пагинация предисловия и поэмы Есенина в Ск-1).

В Кр. звоне «Марфа Посадница» открывала цикл из пяти маленьких поэм Есенина «Стихослов». Эпиграфом ко всему циклу в целом были слова: «Помяни меня каплями дождевыми, яко стрелами пронизаема. *Даниил Заточник*». Они взяты из «Моления» названного древнерусского автора. Есенин процитировал здесь (по памяти и в сокращении) следующее место второй редакции этого сочинения: «...помяни мене, под единем рубом лежащаго, зимою умираяща, и каплями дождевными, яко стрелами, пронизаема» («Русская хрестоматия: Памятники древней русской литературы и народной словесности». Для средних учебных заведений / Сост. Ф.Буслаев. Изд. 12-е, М., 1912, с. 135).

В мемуарном очерке «Нездешний вечер» М.И.Цветаева так описывает свое впечатление от авторского исполнения поэмы (вероятно, в 1916 г.): «Есенин читает „Марфу Посадницу", принятую Горьким в „Летопись" и запрещенную цензурой. Помню сизые тучи голубей и черную — народного гнева.— „Как московский царь — на кровавой гульбе — продал душу свою — антихристу...". Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим, это Milchgesicht*, это оперное „Отоприте! Отоприте!"** — этот — это написал? — почувствовал? (С Есениным я

---

* Лицо цвета молока (нем.).

** Слова, которые произносит в опере М.Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») один из персонажей — мальчик Ваня.

никогда не перестала этому дивиться)» (журн. «Современные записки», Париж, 1936, <кн.> LXI, с. 179).

Одобрительное замечание о поэме содержится в письме Андрея Белого Иванову-Разумнику от 28 августа 1917 г., написанном после ознакомления со Ск-1: «„Марфа Посадница" порадовала особенно» (Есенин С.А. «Собр. соч. в шести томах», М., 1980, т. 6, с. 282).

Иванов-Разумник дал одну из первых оценок поэмы в печати: «На войну он <Есенин> отозвался „Марфой Посадницей" — первой революционной поэмой о внутренней силе народной, написанной еще в те дни (сентября 1914 года), когда почти все наши большие поэты <...> восторженно воспевали внешнюю силу государственную» (Ск-2, с. 2).

Несколько кратких отзывов о «Марфе Посаднице» появилось по выходе Кр. звона. Так, если З.Д.Бухарова почувствовала в поэме «яркую живую мистику, овеянную мощным духом новгородской вольницы» (Зн. тр., 1918, 3 марта (18 февраля), № 147; подпись: Фома Верный), а И.А.Майоров именовал «Марфу Посадницу» «провидением поэта» (газ. «За землю и волю», Казань, 1918, 9 июня (27 мая), № 112; подпись: Блокнот), то Н.Л.Янчевский оценил ее более сдержанно: «Есенин щеголяет музейной русской стариной, уже изжитой нашей деревней,— былинным складом своей „Марфы Посадницы"...» (журн. «Вестник шанявцев», М., 1918, № 5, 29 апреля, с. 126).

Годом позднее развернутый отклик на поэму был дан В.Л.Львовым-Рогачевским: «Сергей Есенин отозвался на революцию в 1918 г. в сборнике „Красный звон" целым рядом прекрасных стихотворений, проникнутых красотой ярких и необычных своих образов, согретых огнем неподдельного вдохновенья. Лучшим из этих стихотворений бы-

ла былина о Марфе Посаднице, стильная, величественная и ударяющая по сердцам с неведомою силой... Это изумительное по строгой красоте стихотворение... показывало, какие возможности предстояли молодому поэту, которому в 1914 г. было всего 19 лет» (Львов-Рогачевский В. «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», М., 1919, с. 53—55). Почти в тех же выражениях («изумительная по силе и яркости») говорил о «балладе о Марфе Посаднице» В.В.Сиповский в своей книге «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней» (Пг., 1923, с. 116).

Статья В.П.Правдухина «Искусство в стихии революции» содержит примечательное наблюдение общего характера, подкрепленное отсылкой к «Марфе Посаднице»: «Пролетариат еще не дал поэта своей эпохи. Поэты, вышедшие из крестьян,— Клюев, Есенин в первую пору своего творчества, Орешин, Клычков, сибирский поэт Ерошин гораздо больше дали поэзии... Сила поэтов в народных, просто человеческих образах, так, сила Есенина в поэме „Марфа Посадница“ рождается потому, что он сумел революцию соединить с древнерусскими мотивами — с новгородской Марфой Посадницей» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, № 1, март-апрель, с. 142).

Своего рода развитие этого тезиса дал А.К.Воронский: «Кротость, смирение, примиренность с жизнью, непротивленство <...> уживаются одновременно с бунтарством, с скандальничеством и прямой поножовщиной. <...> Все, что шло у Есенина отсюда, побуждало его писать в противовес елейным акафистам. В юношеской поэме „Марфа Посадница“ Есенин призывает вспомнить завет Марфы, „заглушить удалью московский шум“, заставить царя дать ответ, разбудить Садко с Буслаем, чтобы с веча

вновь загудел колокол. Все это звучит совсем не по-дедовски» (Кр. новь, 1924, № 1, январь—февраль, с. 275).

В 1925 году, повторив за В.Л.Львовым-Рогачевским и В.В.Сиповским общую характеристику поэмы («прекрасное, сильное стихотворение»), Б.Маковский писал: «Но уже здесь... выявляется характерное для Есенина как для крестьянского поэта. Это — власть „дедовских преданий", засилие религиозного чувства. Марфа переписывается с богом, в качестве почталионов ей служат голуби — символ смирения и кротости» (газ. «Полесская правда», Гомель, 1925, 17 мая, № 111). Отмеченная критиком тенденция получила в редакционном послесловии к его статье более жесткую оценку: «...религиозный национализм продолжает лежать в основе чувствований Есенина...» (там же). Поэт был знаком с этими суждениями — вырезка из «Полесской правды» есть в Тетр. ГЛМ.

Под именем *Марфы Посадницы* в русскую историю (а впоследствии и в литературу) вошла вдова новгородского посадника И.А.Борецкого, выступившая в 1471 г. во главе части новгородских бояр против Ивана III Васильевича, великого князя Московского. Политика Ивана III, стремившегося объединить под своей эгидой русские земли в единое целое, привела в 1478 г. к падению «Господина Великого Новгорода» и вхождению его в состав Русского государства. Марфа Борецкая была выслана в Москву (по другим сведениям, в Нижний Новгород).

Внуки Васькины — имеется в виду Василий Буслаев, один из героев новгородских былин.

Правнуки Микулы — речь идет о былинном богатыре Микуле Селяниновиче.

Дулейка (дулетка) — род верхней женской одежды; безрукавка с ватной подкладкой и накладными украшениями.

Извольно — своевольно, своенравно.

Поставник — шкаф, ящик.

Дикомыть — ловчая птица, выученная своему ремеслу уже после того, как она сменила оперение.

Ушук (см. в разделе «Варианты», с. 207) — шорох, шуршание.

Микола (с. 12).— Бирж. вед., 1915, 25 августа, № 15047; Р$_{16}$; Р$_{18}$; Рж. к.; Р$_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Датируется по Рж. к., где дата (1915) проставлена автором (о степени достоверности авторских датировок в Рж. к. см. в преамбуле к комментариям наст. тома, с. 274). По свидетельству И.В.Евдокимова, в его распоряжении был экземпляр Р$_{16}$ с другой авторской датой написания поэмы: «Август 1914 г.» (Собр. ст., 4, 378). В наб. экз.— помета: «1913».

Принятая датировка поэмы вполне согласуется с совокупностью сохранившихся документальных данных по предыстории ее первой публикации в Бирж. вед. Так, Л.В.Берман писал Есенину 26 июля 1915 г.: «Был как раз у Дмитрия Владимировича <Философова, редактора журнала «Голос жизни»>, когда (в июне) пришло от Вас письмо <ныне неизвестное> и стихи, которые читал, как всегда, с радостью и... немножко с завистью» (Письма, 203). Судя по всему, Есенин прислал тогда Философову для публикации свои новые сочинения. Еще до получения письма Бермана поэт узнал о внезапном закрытии журнала («Я очень жалею, что „Голос жизни“ закрылся»,— писал он В.С.Чернявскому 22 июля). Примерно после 15 августа Есенин обращается к Философову: «Мне очень бы хотелось быть этой осенью в Питере, так как думаю издавать две книги стихов. Ехать, я чую, мне не на что. Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего „Мико-

лая Угодника". Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю». Из сопоставления приведенных сведений следует, что поэма «Микола» бесспорно находилась среди тех новых произведений Есенина, которые получил редактор «Голоса жизни» в июне 1915 г.

Философов выполнил просьбу поэта и переслал рукопись «Миколы» редактору Бирж. вед. М.М.Гаккебушу с сопроводительным письмом от 22 августа 1915 г.: «...прилагаю стихи Сергея Есенина, с его письмом на мое имя. Стихи этого талантливого поэта из народа печатались уже в „Русской мысли" и в „Северных записках"» (Письма, 306). Днем раньше он написал Есенину: «Стихи Ваши „Микола" я отправил <...> редактору „Биржевых ведомостей". О судьбе их Вас извещу» (Письма, 205). Через несколько дней поэма появилась в Бирж. вед.

Ее датировка 1915-м годом подкрепляется также наблюдениями современных текстологов. Так, анализируя третью строфу третьей главки «Миколы», В.А.Вдовин полагает, что эти строки Есенина «исключают датировку стихотворения 1913 годом, ибо Россия вступила в первую мировую войну, как известно, лишь в августе 1914 года. Но стихотворение это не могло быть написано и в начале войны, когда русские войска одерживали победы и в откликах Есенина на войну преобладали мажорные тона <...>. В дальнейшем, примерно с середины 1915 года, в стихах Есенина появляются сосредоточенность, сдержанная скорбь и глубокое сочувствие к страданиям простых людей» (ВЛ, 1969, № 8, август, с. 191). Приведя далее библиографические данные о первой публикации «Миколы» в августе 1915 года, исследователь заключает: «Примерно в это время оно <стихотворение> и было написано» (там же). С доводами В.А.Вдовина соглашался Е.И.Прохоров (ВЛ, 1972, № 9, сентябрь, с. 187).

Автобиография Есенина (в записи И.Н.Розанова от 26 февраля 1921 г.) содержит краткие сведения о генезисе поэмы: «...в детстве я рос, дыша атмосферой народной поэзии. Бабка, которая меня очень баловала, была очень набожна, собирала нищих и калек, которые распевали духовные стихи. Очень рано узнал я стих о Миколе. Потом я и сам захотел по-своему изобразить Миколу» (Восп., 1, 442). Почти три года спустя (1 января 1924 г.) Есенин написал «Предисловие» к своему собранию стихотворений (издание которого тогда не состоялось). Бо́льшая часть этого текста посвящена разъяснению «щекотливого этапа» — религиозности автора: «Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим матерям и Миколам как к сказочному в поэзии. Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же, как и все человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры, но все эти собственные церковные имена нужно так же принимать как имена, которые для нас стали мифами: Озирис, Оаннес, Зевс, Афродита, Афина и т.д.».

Одно из первых публичных авторских чтений поэмы состоялось на вечере литературного общества «Краса» в Петрограде 25 октября 1915 г. В отчете о вечере «Красы» З.Д.Бухарова отметила, что в «Миколе» «живет, дышит, колышется вся до последней черточки наша деревня, с мудро-детскими верованиями, исконно-благолепной обрядностью, языческой, природной непосредственностью, трудовым по́том и праздничным разгулом» (газ. «Петроградские ведомости», 1915, 4 ноября, № 247; подпись: З.Б.).

Было отмечено в печати и другое тогдашнее выступление Есенина с чтением «Миколы» — 19 ноября 1915 г. на первом вечере литературно-художественного общества «Страда» (газ. «Новое время», Пг., 1915, 21 ноября,

№ 14261; газ. «Петроградский вечер», 1915, 22 ноября, № 166).

В.Л.Львов-Рогачевский, назвав «Миколу» «прекраснейшей поэмой», подчеркнул, что «Микола Есенина — поэт и созерцатель, русский Франциск Ассизский, влюбленный в красоту Божьего мира». Далее критик продолжал:

«Своему Христу, Николе, он сообщает тепло и ласку чего-то родного...

— Я учился в селе Спас,— рассказывал он мне,— и путал в детстве молитву Богородице, читая вместо „Яко Спаса родила" — *около* Спаса родила <...>.

У этого поэта не византийские грозные лики, а радостные Франциски, благословляющие леса, поля и горы...» (Львов-Рогачевский В. «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», М., 1919, с. 72—73).

Три года спустя П.С.Коган писал: «Колыбель его охраняли Христос и святые, и до сих пор он продолжает их видеть среди родных лесов. <..> Ласковый угодник Микола, как и встарь, в лаптях и с котомкой на плечах ходит мимо сел и деревень. <...> В этом эпическом мире, откуда вышел Есенин, неведомы гордые пути организованной человеческой борьбы за свое счастье. <...> Господь с престола посылает Миколу, своего верного раба, обойти русский край, защитить там „в черных бедах скорбью вытерзанный люд". <...> Вот эту смиренную Русь любит Есенин» (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 254—255; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В книге А.П.Машкина поэма «Микола» была привлечена для иллюстрации следующего положения: в ранней лирике Есенина с деревенским бытом «органически срослась легенда про угодников божьих и других членов божественной иерархии до кроткого Спаса включительно.

Здесь и путешествие господа-бога в одеянии нищего, <...>; здесь в лапотках и „милостник" Микола, с котомкой за плечами и с посохом в руке, бродит по земле для защиты скорбью „вытерзанного" люда <...>. Святители как бы входят в житейский обиход деревни поэта, сроднились, слились с ней...» (Машкин А.П. «Литература и язык в современной школе», Харьков, 1923, с. 50).

Чуть позже напостовец Г.Лелевич в категорической форме сопричислил Есенина к кулакам: «Довольством зажиточного крепкого крестьянства дышали первые книги Есенина, и, как подобает домовитому кулачку, Есенин насквозь пропитал эти книжки религиозностью. Телка у него уживается рядом с богородицей, кутья — с угодником Николой, аромат лугов — с душным запахом ладана. И на мир он глядит не только сквозь двери клети, но и сквозь церковные окна» (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь—октябрь, с. 180—181; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Микола — св. Николай, «архиепископ мирликийский, великий христианский святой, прославившийся чудотворениями при жизни и после смерти, память его чтится повсеместно в христианской церкви, западной и восточной, в еретических обществах Востока, часто даже между мусульманами, живущими на Востоке, и язычниками в России» («Полный православный богословский энциклопедический словарь», СПб., <б.г.>, т. II, стб. 1654). День перенесения мощей святителя празднуется церковью 9 мая, а память совершается (в России) 6 декабря по ст. стилю.

Стягловица (стягольница) — веревка или бечевка для затягивания чего-либо.

Охлопья — от охлопать (отрясти, отряхнуть). Ср. также: охлопье — пакля.

Лузга — здесь: мякина.

В честь угодника Миколы // Сеют рожью на снегу.— Это действие производилось в ночь на 6 декабря, чтобы умилостивить св. Николая для обеспечения обилия будущего урожая (обычай был распространен, в частности, в Рязанской губернии).

Окосье — рукоятка косы, косовище.

Косница — лента в косе.

Русь (с. 17).— «Новый журнал для всех», Пг., 1915, № 5, май, с. 4 (строки 17—28); журн. «Северные записки», Пг., 1915, № 7/8, июль—август, с. 77—79; $Р_{18}$; Рж. к.; $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б. сит.; $И_{25}$.

Беловой автограф (РНБ, ф. А.М.Ремизова) предварен авторской надписью: «Переписывал для Серафимы Павловны Ремизовой. С.Есенин. 18/IV 15 г.». Второй беловой автограф (ст. 17—28) был записан в альбом А.А.Измайлова 6 октября 1915 г. (РГАЛИ). Третий беловой автограф (РГАЛИ) датирован: «31 мая 1916 г.»; после даты — помета рукой автора: «У Конотопа». Этот авторский список, возможно, предназначался для печати, поскольку на обороте первого листа (после слова «объяснить») Есенин карандашом написал следующее:

«1. В погорающем инее.	1. Облетающем, исчезающем инее.
2. Застреха.	2. Полукрыша, намет соломы у карниза.
3. Шаль пурги.	3. Снежный смерч (выога) (зга) (мзга).
4. Бласт.	4. Видение».

Печатается и датируется по наб. экз. (вырезка из Грж.). Строки, в переработанном виде ставшие второй строфой третьей главки поэмы «Русь», первоначально открывали стихотворение «Богатырский посвист», опубликованное в ноябре 1914 г. (см. воспоминания Д.Н.Семёновского: Восп., 1, 153).

С.Д.Фомин, член Суриковского кружка, вспоминал: «...в начале 1915 г., еще перед отъездом в Петербург, Есенин является к товарищам, где был и я, с большим новым стихотворением под названием „Русь". В тесной накуренной комнате все притихли. Зазвенел голос белокурого Сережи. <...> Читал Сережа с душой и с детски чистым и непосредственным проникновением в те события, какие надвигались на любимую им, мужичью, в берестяных лапотках, Русь. <...> Есенин стихотворением „Русь" <...> гигантски шагнул вперед. Этим стихотворением он и приобретает себе известность и имя» (сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 130—131).

Действительно, после выхода поэмы в свет Л.И.Каннегисер извещал автора (письмо от 25 августа 1915 г.): «За лето читал твои стихи в „Огоньке", в „Русской Мысли", в „Северных записках". Всем они очень нравятся, а особенно „Русь"» (Письма, 206). Вскоре после прочтения поэмы Н.А.Клюев назвал ее (в письме Есенину от 6 сентября 1915 г.) «Белой прекрасной Русью» (Письма, 209).

Один из первых печатных отзывов о поэме, принадлежащий З.Д.Бухаровой, был проникнут впечатлением от авторского чтения (на вечере «Красы» 25 октября 1915 г.): «И когда он начал с характерными рязанскими ударениями на „о" рассказывать меткими ритмическими строками о страданиях, молитвах, надеждах родной деревни („Русь"), когда засверкали перед нами необычные по

свежести, забытые по смыслу, а часто и совсем незнакомые обороты, слова, образы,— когда перед нами предстал овеянный ржаным и лесным благоуханием „Божией милостью“ юноша-поэт,— размягчились, согрелись холодные, искушенные, неверные, темные сердца наши, и мы полюбили рязанского Леля» (газ. «Петроградские ведомости», 1915, 4 ноября, № 247; подпись: З.Б.).

Через три с лишним года Н.Ангарский перед тем, как процитировать всю вторую (и первые три строфы третьей) главку «Руси», заметил: «Есенин — поэт с несомненным дарованием. <...> Там, где Есенин остается самим собой, там у него чувствуется подлинное вдохновение» (журн. «Творчество», М., 1919, № 1—3, с. 25).

В 1922 г. П.С.Коган написал о «Руси» в своем очерке творчества Есенина так: «...эту смиренную Русь любит Есенин. К ней прилагает он эпитеты мирной и кроткой. Русь — „милая родина, сладкий отдых в шелку купырей“. И даже тогда, когда грянул гром и „повестили под окнами сотские ополченц<ам> идти на войну“, он постигает поэзию покорности в том, как „мирные пахари“ собирались в поход — без печали, без жалоб, без слез» (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 155; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В 1925 г., рецензируя И$_{25}$, К.В.Урлин назвал «Русь» в ряду тех произведений поэта, которые «являются по своей яркой образности несравненными по изображению деревни» (газ. «Нижегородская коммуна», 1925, 1 октября, № 224).

Купырь — растение Angelica silvestris L., семейства зонтичных (дудник лесной); по другим данным — дягиль.

Сотский — в царской России низший полицейский чин в деревне, выбираемый из крестьян.

Бластиться — мерещиться, чудиться.

Ус (с. 22).— Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 30 апреля, № 37;Ск-2, с. 19—21; Кр. звон, с. 33—35; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рж. к.; Грж.

Беловой автограф поэмы (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского) имеет помету рукой неустановленного лица: «Варвара Николаевна! Перестукайте на машинке!» Адресат пометы — В.Н.Иванова, жена Иванова-Разумника, участвовавшая в подготовке к печати Ск-2 как технический сотрудник (материалы об этом см.: ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника). Скорее всего, «Ус» был опубликован в Ск-2 по описываемому автографу, что подтверждается также следующим: ст. 38 в Ск-2 — такая же, как в этой рукописи (в остальных источниках текста — всех без исключения, в том числе и в наб. экз.— ст. 38 читается по-другому).

В $Г_н$ имеется также вырезка из «Дела народа» с текстом поэмы и авторской правкой опечаток в нем. Сохранился, кроме того, авторизованный список 1919 г., выполненный рукой неустановленного лица с этого правленого печатного текста (сб. революционных поэм «Вече», РГАЛИ).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 57 («радостью» вместо «радостно») по всем другим источникам.

Датируется по наб. экз. (та же дата проставлена в Ск-2 и Рж. к.).

Ст. 45—56 поэмы имеют отчетливые тематические взаимосвязи со стихотворением Есенина «Молитва матери», написанным на военную тему и опубликованным впервые в октябре 1914 г. Кроме того, эти строки «Уса» и «Молитва матери» имеют одинаковую метрику. Возможно, «Молитва матери» — своего рода прообраз указанных строк «Уса» (так же, как стихотворение «Богатырский по-

свист» для третьей главки «Руси»: см. комментарий на с. 289).

В.А.Вдовин выдвинул предположение, что название неизвестного произведения Есенина «Усильник», предполагавшегося к публикации в первом сборнике «Краса» (проект издания возник весной 1915 года; книга в свет не вышла), относится к поэме «Ус» или ее варианту (журн. «Научные доклады высшей школы: Филологические науки», М., 1968, № 5, с. 67 (примеч. 3), 74—75).

Сравнительно с другими ранними сочинениями Есенина этого жанра, поэма «Ус» имела меньшее количество откликов. Когда вышел в свет Кр. звон, К.Н.Боженко отозвался об «Усе» одним снисходительным словом «недурно» (журн. «Жизнь для всех», М., 1918, № 2—3, февраль—март, стб. 294). Н.Л.Янчевский обнаружил в поэме «подделку под народ»: «...не из словаря ли Даля извлек С.Есенин, перешагнувший грань, отделяющую оригинальность от оригинальничанья, замысловатые словечки вроде: „краснёва дремь", „сугредок", „путина" и т.п.?» (журн. «Вестник шанявцев», М., 1918, № 5, 29 апреля, с. 126). Впрочем, семь лет спустя, говоря о тех же строках «Уса», В.А.Красильников отнесся к ним уже иначе: «...он <Есенин> ввел в законное стиховое употребление много неизвестных деревенских провинциализмов, и часто они так остро поставлены (например, на рифме), что неосведомленному читателю просто хочется считать их словообразованиями поэта» (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 117).

В сентябре 1919 г. Н.А.Клюев, живший тогда в Вытегре, опубликовал в местной газете подборку стихотворных произведений нескольких авторов под общей «шапкой» — «Поэты Великой Русской Революции». Откры-

вала эту подборку поэма «Ус», которой Н.А.Клюев предпослал такую характеристику Есенина:

«Поэт-юноша. Вошел в русскую литературу, как равный великим художникам слова. Лучшие соки отдала Рязанская земля, чтобы родить певущий лик Есенина.

Огненная рука революции сплела ему венок славы, как своему певцу.

Слава русскому народу, душа которого не перестает источать чудеса даже средь великих бедствий, праведных ран и потеры!» (газ. «Звезда Вытегры», 1919, 7 сентября, № 62, без подписи; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В.Л.Львов-Рогачевский тоже трактовал «Ус» (и «Марфу Посадницу») в революционном духе: «Эти немногие революционные стихотворения С.Есенина были отмечены печатью большого, оригинального дарования. И во всех этих красных поэмах и песнях была одна характерная для поэта-крестьянина черта: его Марфа Новгородская переписывается с *Богом*, московский царь продает душу *Антихристу* <...> , донской казак Ус „смотрит *Исусом...*“ Певцу революции хочется слить пасхальный звон храмов с красным звоном революции <...> , *повенчать религиозное с революционным*» (Львов-Рогачевский В. «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», М., 1919, с. 57; выделено автором). В.В.Сиповский, однако, усмотрел в «Усе» нечто другое: «Казак отправился в поход сражаться за казацкую волю и, сидя на коне, „смотрел Исусом“ — и был убит. Это убийство Христа революцией характерно для Есенина» (Сиповский В. «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней», Пг., 1923, с. 116).

Высказывание о поэме собственно филологического характера принадлежит В.А.Красильникову: он назвал начальные четыре строки «Уса» «лучшим примером» «па-

раллелизмов, так характерных для народной поэзии», (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 123—124).

Можно предположить, что прототипом героя поэмы послужил реальный исторический деятель — донской атаман Василий Родионович *Ус*, предшественник и сподвижник Степана Разина.

Краснёвый (краснётый) — красноватый.

Певущий зов (с. 26).— Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 28 июля, № 86; Ск-2, с. 22—24; Кр. звон, с. 36—38; Зн. бор., 1918, 28 апреля, № 35; Сел. час.; Рж. к.; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с уточнением графического расположения частей текста (и некоторых его строк) по другим источникам.

Датируется по Сел. час. Та же дата — в Ск-2 (без указания места написания) и в Рж. к. В наб. экз.— авторская помета: «<19>17».

Первый отклик на «Певущий зов» появился в статье Иванова-Разумника «Две России» (ноябрь 1917 г.). Перед тем как процитировать первую и третью строфы поэмы, критик писал о Есенине и Клюеве: «...они расслышали „певущий зов“ нового благовестия — и воспели рожденную в вифлеемских яслях русскую революцию» (Ск-2, с. 202). И далее: «Да, меч прошел через наши души, да, все мы разделились на два стана, и пропасть между нами. <...> Ремизов — на одной стороне пропасти, Клюев и Есенин — на другой ее стороне. <...> „Слово о погибели <Русской земли>“ могильно звучит у Ремизова. „Певущий зов“ и „Песнь Солнценосца“ победно слышатся у Есенина и Клюева. <...> На его панихиду они отвечают молебном. Два завета, два мира, две России. <...> К старому возврата нет: „Она загорелась, звезда Востока! Не погасить ее Ироду кровью младенцев“... Не погасить; но

и нам — не изменить предначертанного мировой историей крестного пути возрожденного народа к новой исторической Голгофе» (Ск-2, с. 205, 216, 218).

Полемизируя с автором «Двух Россий», Е.И.Замятин писал в начале 1918 г.: «...мечный звон усиленно разыскивает Иванов-Разумник в <...> Клюеве и Есенине, даже там, где его нет. К основному, лучшему, величайшему, что есть в русской душе: благородству русскому, нежности русской, любви к последнему человеку и к последней былинке — к этому слеп Иванов-Разумник. А именно это лучшее русской души и лежит в основе неодолимой русской тяги к миру всего мира. В любви к серпу и в ненависти к мечу — подлинно русское, народное. И потому́ так хороши отсюда идущие строфы в <...> революционных стихах Есенина и Клюева. Вот великолепные заключительные строфы из «Певущего зова» Есенина <приведен фрагмент финальной части поэмы>» (сб. «Мысль», Пг., 1918, <кн.> 1, с. 290—291; подпись: Мих. Платонов). Д.Н.Семёновский назвал эти же строки «прекрасными, проникновенными, доходящими до сердца» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1919, 21 февраля, № 41; подпись: Дельта; вырезка — Тетр. ГЛМ), а А.Е.Кауфман заметил в связи с ними, что «даже революционные песни поэта пропитаны любовью» (журн. «Вестник литературы», Пг., 1921, № 11, с. 7; подпись: А.Евгеньев).

Позитивное отношение к «Певущему зову» было также и у других критиков. Среди них — И.А.Оксёнов (журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, 15 октября, с. 7; подпись: А.Иноков), И.А.Майоров (газ. «За землю и волю», Казань, 1918, 9 июня (27 мая), № 112; подпись: Блокнот), В.Е.Миляев (газ. «Известия Воронежского Совета рабочих и красноармейских депутатов», 1919, 26 января, № 18; подпись: Вас. М-в; вырез-

ка — Тетр. ГЛМ), В.В.Сиповский (в его кн. «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней», Пг., 1923, с. 116), А.А.Туринцев (журн. «Своими путями», Прага, 1925, № 6/7, май—июнь, с. 26).

Иначе отнеслась к поэме пролеткультовская критика. П.К.Бессалько, говоря о начале третьей строфы «Певущего зова», утверждал, что Есенин «решительно неправ»: «Христос родился в яслях, но он не спас рабов от рабства, не сделает свободными их рожденный на сене, возле кротких скотов. Чтобы разбить цепи, нужен Спас, вышедший из огня доменных печей, чтобы мышцы его рук были стальные и чтобы сердце его не стало на путь любви, жалости и всепрощения» (журн. «Грядущее», Пг., 1918, № 7, октябрь, с. 13). Вторая строфа поэмы была охарактеризована П.И.Лебедевым-Полянским таким образом: «Разве это не напоминает древнерусского заговора или причитания? Разве здесь не налицо мистицизм религиозно-мифического сознания первобытной эпохи? К чему это рабочему классу?» (журн. «Пролетарская культура», М., 1919, № 6, февраль, с. 15; подпись: В.Полянский).

А еще раньше, как бы предвосхищая эти односторонние оценки, в рецензии на Кр. звон бывший соученик Есенина по университету имени Шанявского Н.Л.Янчевский писал (по поводу строк «Сгинь ты, а́нглийское юдо» и т.д.): «...в своем „патриотизме“ фарисействующий в религии С.Есенин превзошел своих более умеренных коллег по сборнику, и, кажется, не издательством социалистов-революционеров, а воскресшим из мертвых нововременским „Лукоморьем“ изданы следующие молодцеватые стихи <далее следует вышеупомянутая цитата>. И невольно напрашивается вопрос: приличествует ли *таким* стихам называться «Красным звоном» русской революции?»

(журн. «Вестник шанявцев», М., 1918, № 5, 29 апреля, с. 126; выделено автором).

Спустя шесть лет Л.И.Повицкий (взяв в качестве иллюстрации те же первую и третью строфы «Певущего зова», что и Иванов-Разумник) дал автору поэмы такую характеристику:

«Есенин — крестьянин-утопист. Для него Октябрьская Революция — не столько ключ к освобождению крестьян от помещичьего ига, сколько ключ к переустройству крестьянского мира на новых, невиданных доселе, основаниях. Каковы эти новые материальные и духовные формы жизни будущей русской деревни, он сам неясно себе представляет, но говорит об этом неустанно, с уверенностью и жаром нового пророка. Вот излюбленный его язык, полубиблейский, изобилующий религиозными сравнениями» (газ. «Трудовой Батум», 1924, 8 июня, № 128).

Лишь один отклик на «Певущий зов», опубликованный при жизни Есенина, касался (да и то мимолетно) чисто стилевых особенностей поэмы — В.А.Красильников писал: «...есенинский текст вообще живет пейзажем <...>. Сейчас ограничусь приведением хотя бы только таких метафор, интересных тем, что они даже о людях говорят через элементы пейзажа:

Все мы яблони и вишни
Голубого сада...»

(ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 117).

Остановившие // На частоколе // Луну и солнце...— Восходит к Книге Иисуса Навина (X, 13): «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим».

Назарет — городок в Галилее, где в детстве жил Иисус Христос.

Фавор — гора в Палестине близ Назарета, на которой, по преданию, произошло преображение Иисуса Христа.

Звезда Востока — образ из Нового Завета. См.: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф. II, 1—2).

Не погасить ее Ироду // Кровью младенцев.— Восходит к новозаветному эпизоду: «...Ирод... послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Мф. II, 16).

Саломея — племянница и падчерица тетрарха (правителя) Галилеи Ирода Антипы (в Новом Завете по имени не названа), которая по наущению своей матери Иродиады попросила у Ирода в награду за пляску на пире голову Иоанна Крестителя — предшественника Христа (см.: Мк. VI, 16—28).

...Иоанн... поднял с земли отрубленную голову.— В 1919 г. Н.К.Гудзий справедливо заметил по поводу этих строк, что при написании их Есенин исходил, скорее всего, из «иконографического изображения Иоанна Крестителя, изображающегося держащим свою собственную голову» («Известия Таврической ученой археологической комиссии», Симферополь, 1919, № 56, с. 100).

Содом — город на берегу Мертвого (Соленого) моря, в долине Сиддим, истребленный небесным огнем (вместе с Гоморрой) за грехи его жителей (Быт. XVIII, 16—33; XIX, 24—29).

Товарищ (с. 30) — Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 26 мая, № 58; Ск-2, с. 15—18; Кр. звон, с. 29—32; Сел. час.; сб. «Россия и Инония», Берлин, 1920, с. 61—67; Рж. к.; Грж.

Авторизованный список (РГАЛИ) — в составе макета сборника революционных поэм «Вече» (1919).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с уточнением взаимного графического расположения некоторых частей текста по другим источникам.

Датируется по Сел. час. Та же дата — в Рж. к. и Ск-2 (в последнем случае — без указания места написания). В наб. экз.— авторская помета: «<19>17».

В Ск-2 «Товарищем» открывался цикл из четырех произведений «Стихослов»; эпиграфом ко всему циклу были слова из «Моления» Даниила Заточника (см. комментарий к «Марфе Посаднице», с. 279).

В первые послеоктябрьские годы поэма Есенина неоднократно перепечатывалась в провинциальной периодике, альманахах и сборниках (напр.: «Стихи и проза о русской революции: Сборник первый». Киев, 1919; Львов-Рогачевский В. «Революционные мотивы в русской поэзии». Тула, 1921; «Октябрь. Революционный чтец-декламатор». Харьков, 1921; «Революционный чтец-декламатор». <М.>, 1922 и др.). В.М.Левин вспоминал: «Какой фурор и слезы вызывала его поэма „Товарищ“, в которой фигурирует Мартин (мартовские дни семнадцатого года)» (РЗЕ, 1, с. 215).

Авторское исполнение поэмы (в 1918 г.) описано Л.В.Никулиным в воспоминаниях, датированных 1957 г. (Восп., 1, 305—307).

О «Товарище» заговорили в печати после его публикации в Ск-2 и Кр. звоне вместе со статьями Иванова-Разумника, в которых критик, в частности, давал произведе-

нию высокую оценку: «И целый круг поэм („Товарищ", „Певущий зов", „Отчарь") явились в дни революции единственным подлинным проявлением народного духа в поэзии...» (Ск-2, с. 2; Кр. звон, с. 8—9); «Да, еще в первые дни и часы революции говорил поэт о том, как „пал, сраженный пулей, младенец Иисус..." С тех дней — прошли года и года; революция, преданная рабами „справа", губится учениками „слева"» (Ск-2, с. 219); «...было у нас любезное сердцу ревнителей „Святой Руси" самодержавие, а ныне — „спокойно звенит за окном, то погаснув, то вспыхнув снова, железное слово „республика"» (Ск-2, с. 224).

В.С.Рожицын назвал поэму Есенина «апокрифом революции» (журн. «Колосья», Харьков, 1918, № 17, с. 7; вырезка — Тетр. ГЛМ), а В.Л.Львов-Рогачевский писал: «Из революционных стихов С.Есенина особенной задушевностью и необычной красотой отличалось чудесное стихотворение „Товарищ"... поэтичная „повесть"...» (в его кн. «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», М., 1919, с. 55). В подобном духе высказались также В.Е.Миляев (газ. «Известия Воронежского Совета рабочих и красноармейских депутатов», 1919, 26 января, № 18; подпись: Вас. М-в; вырезка — Тетр. ГЛМ), С.Ф.Знаменский (газ. «Вечер», Владивосток, 1920, 29 сентября, № 118; подпись: С.З.), П.Паскаль (журн. «Clarté», Paris, 1922, № 9, 15 mars, p. 198—200; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Однако тон этих оценок не был всеобщим. Сочувственный отзыв З.Д.Бухаровой («Товарищ»..., «жутко и тепло рисующий трагедию злободневного пролетарского быта») был сопровожден оговоркой, что это произведение Есенина «далеко от красоты» «Марфы Посадницы» (Зн. тр., 1918, 3 марта (18 февраля), № 147; подпись: Фома Верный). Более жестко о «Товарище» сказал Н.Л.Янчев-

ский: «...„за волю, за равенство, за труд“,— поет Есенин чужими словами красных плакатов. <...> „Ревущие валы“, „поющая гроза“ и даже,— шедевр безвкусицы,— страх, ломающий „свой крепкий зуб“ — не говорят ли эти образы о покушении с негодными средствами на революционное творчество?» (журн. «Вестник шанявцев», М., 1918, № 5, 29 апреля, с. 126).

С.М.Городецкий в статье «Две России или одна?» писал: «Если у Ремизова не видел он <Иванов-Разумник> общенародного пафоса, то у Клюева и Есенина он не видит старой Руси. Ведь оба эти поэта выросли из „ветхого завета“, из любви ко всему древнему укладу русской жизни. Но все это обстригает у них критик и слышит только одно слово „Ррес-спуу-ублика!“» (газ. «Кавказское слово», Тифлис, 1918, 26 сентября, № 205). Чуть позже С.М.Городецкий вновь вернулся к «Товарищу» в отдельной рецензии на Ск-2: «...была у него <Есенина> в стихах та мистическая тишина, которая характерна для картин Нестерова. Теперь же у него чувствуется внешнее соединение механической (Иванова-Разумника) мистики с темами революции („Товарищ“)». Процитировав далее финал поэмы вслед за Ивановым-Разумником (Ск-2, с. 224, см. выше), С.М.Городецкий резюмировал: «Если вы это преподносите нам, г. Иванов-Разумник, как „подлинное проявление народного духа в поэзии“ и творчество „поэтов революции“, мы благодарим вас, но отказываемся. Лучше было бы, чтоб вы исправили синтаксические ошибки в таких стихах, если вы уверены, что это стихи. Для нас же останется под большим сомнением, что „р-ес-пуу-ублика“ — стихи. <...> Больно видеть, что на Клюеве и Есенине повторяется судьба <И.С.>Никитина, талант которого также замучили те же петербургские умники» (газ.

«Кавказское слово», Тифлис, 1918, 28 сентября, № 207).

Вскоре после отзывов С.М.Городецкого в печати появилось стихотворение Н.А.Клюева «Товарищ» (журн. «Пламя», Пг., 1918, № 27, 7 ноября, с. 2). Самим своим заглавием оно прямо указывает на поэму Есенина как на один из своих источников (наблюдение А.А.Козловского — наст. изд., т. 1, с. 523—524), перекликаясь с есенинским произведением по содержанию (напр.: «Убийца красный — святей потира, // Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...»).

После переиздания «Товарища» в Берлине (сб. «Россия и Инония», 1920) появились отклики на поэму в печати русского зарубежья. М.Л.Слоним сетовал: «Иногда стремление во что бы то ни стало освятить мистическим преображением кровь и грязь совершающегося, желание под грубой корой событий увидать божественный смысл доводит даже такого талантливого поэта, как Есенин, до безвкусных и вымученных произведений вроде поэмы о „товарище"» (газ. «Воля России», Прага, 1921. 3 февраля, № 119; подпись: М.Сл.). Напротив, М.О.Цетлин оказался более снисходительным: «Народность его <Есенина> в традиции резных коньков и расшитых полотенцев, расшитых ярко и талантливо. И „переплетающие в вихре" целых две революции его стихи совершенно нереволюционны. В них, правда, иногда употребляются слова „Акатуй", „Марсово Поле", „железное слово Р-ре-сс-пуу-блика". Но все же это не „красный", а „малиновый звон", звон бубенцов под дугой» (журн. «Современные записки», Париж, 1921, <кн.> III, 27 февраля, с. 250).

Глубинный смысл произведения Есенина по существу не был понят современниками поэта при его жизни. Лишь спустя много лет В.М.Левин (одним из первых) опреде-

лил этот смысл так: «Только один Есенин заметил в февральские дни, что произошла не „великая бескровная революция", а началось время темное и трагическое, так как

пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

И эти трагические события, развиваясь, дошли до Октября. И в послеоктябрьский период образ Христа появляется снова у Блока в „Двенадцати", у Андрея Белого в поэме „Христос воскрес". Но *впервые* он в эту эпоху появился у Есенина в такой трактовке, к какой не привыкла наша мысль, мысль русской интеллигенции» (РЗЕ, 1, с. 216; выделено автором).*

Поэма «Товарищ» при жизни Есенина была переведена на грузинский, французский, японский и другие языки.

Он лежит // На Марсовом // Поле — т.е. в месте торжественного захоронения жертв Февральской (1917 года) революции в Петрограде.

Отчарь (с. 35).— Газ. «Дело народа», Пг., 1917, 10 сентября, № 151; Ск-2, с. 25—28; Кр. звон, с. 39—42; Сел. час.; Рж. к.; Грж.; ОРиР (ст. 1—20).

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. С.Д.Мстиславского) являлся наборной рукописью для первой публикации поэмы. Над заголовком — карандашная помета: «Л. и Р.», т.е. «Литература и революция» (так называлась литературная страница газеты «Дело народа» в 1917 г.), и другая помета Иванова-Разумника: «В набор». Ст.11 («Гибельной свободы») подверглась здесь двукратной правке Ива-

* Более широко эти слова стали известны в пересказе С.К.Маковского, сделанном им по статье В.М.Левина в книге «На Парнасе „Серебряного века"» (1962) — см.: РЗЕ, 2, с. 141.

новым-Разумником. Вначале поверх первого слова стиха он написал — «радостной» (и в таком виде строка была напечатана в «Деле народа»). Затем авторский текст в рукописи был им же восстановлен, и в Ск-2, как и во всех последующих переизданиях «Отчаря», ст. 11 воспроизведена в первоначальном виде. Кроме того, в первой публикации поэма не датирована; однако под текстом рукописи неустановленным лицом проставлена дата: «1917». В Ск-2 также имеется дата: «июнь 1917». Все это, вместе взятое, по-видимому, означает, что рукопись РГАЛИ послужила оригиналом набора не только для «Дела народа», но и для Ск-2.

В макете сб. «Вече», 1919 (РГАЛИ) находится также авторизованный список поэмы рукой неустановленного лица, сделанный по Сел. час.

Ст. 72 «Отчаря» в «Деле народа» имела вид «Волга, Кама и Дон» (вместо «Каспий»), вопреки не только наборной рукописи, но и всем другим источникам текста поэмы. Вероятно, эта строка при публикации в газете была искажена.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по Сел. час., где стоит: «1917, июнь, 19—20. Константиново» (согласно Собр. ст., 4, 385, такая же датировка была в Тел.). О датах в автографе РГАЛИ и Ск-2 см. выше. В Рж. к. дата рукой Есенина: «1917, июнь». В наб. экз. помета: «<19>18», что противоречит как всем другим авторским датировкам, так и дате первой публикации.

В статье «Две России» Иванов-Разумник предварил две последние строфы четвертой главки «Отчаря» такими словами: «Всемирность русской революции — вот что пророчески предвидят народные поэты, и в этом их последняя, глубокая радость <...>. И русский народ идет ко всему миру с открытой душой и с благой вестью о всемир-

ной свободе». И далее, перефразируя начальные строки пятой главки есенинской поэмы, критик вопрошал: «Удастся ли закинуть его в небо? поставить на столпы? — удастся или нет, лишь бы не уставала в нас воля к всемирности, лишь бы не изменяло нам сознание всечеловечности...» (Ск-2, с. 224—225).

Пафос Иванова-Разумника оказался близким И.А.Майорову (газ. «За землю и волю», Казань, 1918, 9 июня (27 мая), № 112; подпись: Блокнот), В.Е.Миляеву (газ. «Известия Воронежского совета рабочих и красноармейских депутатов», 1919, 26 января, № 18; подпись: Вас. М-в; вырезка — Тетр. ГЛМ), И.А.Оксёнову. Последний, в частности, писал: «И вот Есенин приветствует революцию — в своей родной деревне: „Здравствуй, обновленный // Отчарь мой, мужик!" С такой верой принял поэт великий переворот, что никакие беды, никакие тягости не поколебали этой веры: ибо знает он, что „гибельной свободы в этом мире нет". А если свобода — не гибельна, то она возьмет свое и возродит мир, скольких бы мук это не стоило» (журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, 15 октября, с. 7—8; подпись: А.Иноков).

Е.И.Замятин воспринял те же строки о свободе под иным углом зрения, назвав их, «быть может, самым лучшим, подлинно-скифским словом»: «Именно так: гибельна не свобода, гибельно насилие над свободой. Но говорить об этом — для открыто связавших себя с победоносцами — не значит ли в доме повесившегося говорить о веревке?» (сб. «Мысль», Пг., 1918, <кн.> 1, с. 287; подпись: Мих. Платонов).

Некоторые критические отклики касались стиля произведения и сосредоточились прежде всего на третьей главке поэмы. С.М.Городецкий, прежде чем процитировать строки: «Укачай мою душу // На пальцах ног своих»,

сетовал: «Опять прежде всего бросается в глаза маяковщина, необузданный метафоризм. Я никогда не поверил бы, чтобы Сергей Есенин, птичка певчая, рязанский соловей, дописался до такой штуки...», а затем резюмировал: «Глазам не веришь, как обработали мальца» (газ. «Кавказское слово», Тифлис, 1918, 28 сентября, № 207). Приведя начальную строфу третьей главки «Отчаря» полностью, Е.П.Камень аттестовал ее как «скверную прозу» (журн. «Книжный угол», Пг., 1918, № 3, с. 17), а анонимный «новосатириконец» снабдил ту же цитату таким послесловием: «Смеем уверить, что в качестве просьбы такое обращение, как „широкоскулый и красноротый", не принято даже среди трудового крестьянства. Еще менее принято во всех слоях общества укачивать чужую душу, даже младенческую, на пальцах ног. У ног есть другое, более скромное назначение» (журн. «Новый сатирикон», 1917, № 37, октябрь, с. 7, рубрика «Перья из хвоста»). Без энтузиазма оценивалась и вторая строфа пятой главки поэмы. Приведя ее и выделив жирным шрифтом слово «однаждный», К.Н.Боженко обвинил автора в «кривляньи и излишнем манерничаньи» (журн. «Жизнь для всех», Пг., 1918, № 2/3, февраль—март, стб. 294).

Через несколько лет это произведение Есенина стало рассматриваться уже в гораздо более широком плане. Так, процитировав вторую и третью строфу второй главки поэмы, П.С.Коган в своем очерке о Есенине перешел затем к далеко идущим рассуждениям: «Деревня не знает жертвы и отречения во имя отвлеченных идей или таких благ, оправдать которые может холодный аргументирующий ум. Она не боится гибели, но только во имя ясного для нее счастья. Ее удаль, ее отвага во имя счастья сегодняшнего, а сегодняшнее счастье дается волей, свободой творить свою жизнь, созидать свой уклад по-своему, в условиях

природы <...>. За эту волю он <крестьянин> станет горой, за свою вселенскую правду примет смерть и муки, но равнодушен он к идеям и реформам, где не учует связи с сегодняшним днем» (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 257). В свою очередь, К.В.Мочульский, исходя из идеи о том, что «все стихи Есенина — песни одной большой поэмы» (поэмы об «избранном народе, стоящем во всех делах своих перед лицом Господа», живущем «и поныне, в „деревянной“ России»), так характеризовал место «Отчаря» (вкупе с «Певущим зовом») в этой «большой поэме»: «Концепция Есенина завершается пророчеством. <...> Россия — Назарет: в „мужицких“ яслях рождается Христос. <...> Исполнились строки, сбылось писание: избранный народ — „чудотворец“, „широкоскулый и красноротый“, приял в свои „корузлые руки“ Младенца. Значит, правда, что „деревянная Русь“ — рай, что русский мужик — священен и величав, как библейские пастыри» (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31; РЗЕ, 2, с. 37—41).

Отчарь — согласно Л.А.Шероновой, новообразование от слова «отец» («Учен. зап. Горьк. гос. пед. ин-та», Горький, 1966, вып. 62, с. 119). В.П.Гарнин возводит это слово к прилагательному «отчарованный» — отчаянный, разбойный (Есенин С. Стихотворения и поэмы // Библиотека поэта. Малая сер. 4-е изд. Л., 1990, с. 426). Объяснение Л.А.Шероновой выглядит предпочтительнее, особенно если учесть, что слово «отчарь» могло восходить к звательному падежу слова «отец» (т.е. «отче»).

Облачное древо.— Эта метафора связана с мифопоэтическим представлением тучи как мирового дерева (Аф. II, 277).

Небесные дщери.— По мнению Б.В.Неймана, автор ведет здесь речь, «разумеется, <о> пресловутых „девах облаков“, „небесных пряхах“, которым Афанасьев посвятил одну из самых поэтических, но фантастических глав <Аф. III, гл. XXIII> своей книги» (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 213). Согласно А.Н.Афанасьеву, «индусы видели в облаках и тучах... божественных водяных жен, обитающих в воздушном океане... С ними родственны апсарасы — небесные девы, населяющие воздушную область между землею и солнцем... Греческие нимфы... суть облачные девы; они живут в пещерах (= недрах туч), прядут, приготовляют ткани... Одновременно с уподоблением облаков и туч спутанным волосам, возникло представление их куделями, из которых прядутся нити... Отсюда становится вполне понятной связь облачных жен и дев с работами пряденья...» (Аф. III, 119, 120, 128—129). Кроме того, «облачные девы» (в частности, *вилы* южнославянской мифологии) связаны также с молниями и вихрями. Они, «как девы весенних гроз <...>, пускают из облачных стран острые стрелы-молнии» (Аф. III, 163).

Куделить — прясть пряжу; в переносном смысле — взлохмачивать, таскать за волосы.

Кремник — кремль или кремь (в словаре В.И.Даля оба слова с пометой «*стар.*»): крепкий и крупный строевой лес.

Огневик — кремень; здесь, очевидно, в переносном смысле — человек твердого закала, крепкой веры. Впрочем, В.В.Коржан, опираясь на А.Н.Афанасьева (Аф. I, 254—256), предположил, что «седой огневик» — это «бог грозы у славян-язычников» (в его кн. «Есенин и народная поэзия», Л., 1969, с. 122).

Он дал тебе пику, // Грозовый ятаг // И силой Аники // Отметил твой шаг.— В этих строках отрази-

лось изображение Аники-воина (героя народных духовных стихов и народной драмы «Царь Максимилиан», похвалявшегося своей силой разорителя церквей и монастырей) на народных лубочных картинках. Непременные атрибуты костюма Аники-воина на них — копье (пика) и кинжал (у Есенина — «ятаг»: от «ятаган»). Соответствующее изображение — Ровинский: Атлас, III, № 751.

О, чудотворец! // Широкоскулый и красноротый, // <...> // Укачай мою душу // На пальцах ног своих! — Вероятно, это описание также восходит к лубочным картинкам. Святители и чудотворцы на них, как правило, босы (Ровинский: Атлас, III, № 1377, 1440, 1471), иногда широкоскулы (преп. Феодосий тотемский — там же, № 1648(А). Широколицым, красноротым и босым предстает на лубочных картинках из Библии работы мастера Василия Кореня (XVII век) и сам Господь Бог Саваоф (Ровинский: Атлас, III, № 810, листы 1—4, 6, 8, 9, 11—14 и др.).

...приявший в корузлые руки // Младенца нежного...— Этот образ связан как с новозаветным эпизодом, когда в иерусалимском храме Симеон взял на руки младенца Иисуса (Лк, II, 25—34), так и с соответствующей иконой, где Симеон Богоприимец изображен с Иисусом-младенцем на руках. Одна из икон с таким изображением Симеона принадлежала Н.А.Клюеву (ныне — частное собрание, С.-Петербург), у которого и мог ее видеть Есенин.

И горит на плечах // Необъемлемый шар!..— Лубочная картинка с похожим сюжетом описана Д.А.Ровинским следующим образом: «Человек <полунагой и босой>, несущий на плечах своих огромный шар, в котором представлены семь добродетелей, избивающие семь смертных грехов (в лицах); <...> Над человеком <надпись>:

„Тяжко есть иго на сынѣхъ адамлихъ“» (Ровинский, III, с. 160, поз. 779). Ныне один из ее вариантов воспроизведен в каталоге «Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века: Из собрания Государственного Исторического Музея, Москва». М., 1992, с. 122, № 73.

Рыжий Иуда // Целует Христа.— Речь идет об известном евангельском эпизоде (Мф. XXVI, 47—50; Мк. XIV, 43—46; Лк. XXII, 47—48).

Акатуй — рудники близ Нерчинска, место каторжных работ.

Там дряхлое время... // Сычёною брагой // Обносит их круг.— Ср. в «Ключах Марии» (1918): «...рай в мужицком творчестве так и представлялся, где <...> дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сычёною брагой». *Сычёный* — подслащенный сытой (медовым взваром).

Октоих (с. 41) — Зн. тр., 1918, 7 апреля (25 <марта>), № 174; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 43—46; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Триптих; Рж. к.; Грж.

Беловой автограф первой редакции с авторской правкой — $Г_{н}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 11 («бденья» вместо «бдения»). Датируется по Рж. к., где имеется помета рукой Есенина: «1917 август». Авторская дата в наб. экз. (1918) не соответствует действительности, поскольку еще 16 ноября 1917 года Иванов-Разумник отправил Андрею Белому письмо, содержащее полную копию «Октоиха» (Письма, 315).

До публикации поэмы в целом, в конце декабря 1917 года, треть ее текста (ст. 1—8, 13—16, 25—28, 40—49,

67, 87—92) была обнародована Ивановым-Разумником в его статье «Две России» (Ск-2, с. 217, 218, 221, 225, 228—229). Со- и противополагая «две России», персонифицированные для него, с одной стороны, в А.М.Ремизове с его «Словом о погибели Русской земли», а с другой — в Есенине и Клюеве, Иванов-Разумник писал:

«У Ремизова — „злоба кипит в душе, кипит бессильная: ведь полжизни сгорело из-за той России, которая обратилась теперь в ничто..." И не одинок он теперь в своей злобе — густая толпа злобящихся с ним и за ним. Но беззлобна радость народных поэтов: „Радуйтесь! Земля предстала новой купели!.." <следуют первые две строфы «Октоиха»>. Ремизов проклинает — и: „не проклинаю я никого, потому что знаю час, знаю предел, знаю исполнение сроков судьбы... Ничто не избежит гибели..." И отвечает ему поэт (Есенин, в поэме „Октоих") сильными и полными веры словами <следует отрывок финальной части от слов „Восстань, прозри и вижди" по строку „Огнем и бурей труб">. <...> Что ж удивляться тому, что и революция для него <Ремизова> есть лишь „беззаконство" несметной бесовской силы „из темных ям"? <...> Что ж удивляться и тому, что нет и не может быть взаимного понимания между таким отношением к мировой вести,— и верою в то, что нынешняя и грядущая мировая трагедия есть не беззаконство темной силы, а тяжелый, тернистый светлый путь человеческого освобождения, что светлая победа — впереди, что

ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье Божьих рук. <...>

Так разделилась русская литература, русское общество и вся русская земля; так, быть может, скоро разде-

лится весь мир... И каждый из нас должен твердо знать, за какую правду он готов стоять до конца. И если правда Ремизова мне чужда, темна и враждебна, то правда народных поэтов мне светла, близка и радостна» (Ск-2, с. 217, 221, 229).

В.А.Амфитеатров-Кадашев откликнулся на первую публикацию «Октоиха» статьей «Дождь без портов и теленок с востока» (неидентифицированная газетная вырезка — Тетр. ГЛМ; подпись: В.Кадашев; возможно, напечатана в московской вечерней газете «Новости дня», 1918, 8 апреля, № 11), высказавшись о поэме Есенина в фельетонно-публицистическом духе: «По-моему, <...> поэт гениально прозрел сущность счастливой эпохи, переживаемой нами.

В самом деле, разве дождь не есть образ, наиболее полно выражающий наше время?

Благодеяния советской власти разве не выявляются в дожде декретов?

Счастье жизни в социалистическом отечестве разве не сливается мистически с дождем пуль, свистящих, зря и не зря, по городам и весям государства российского?

Нет, дождь — превосходная аллегория советской России. <...>

Весь пестрый, путаный сумбур русской жизни, вся сложность явления, именуемого социальной революцией, выражена поэтом ясно и исчерпывающе: „Где пляшет, сняв порты, златоколенный дождь".

Честь и хвала Есенину!»

Далее В.А.Амфитеатров-Кадашев мимоходом иронизировал и над первой строфой «Октоиха», назвав ее «мадригалом», вызванным «исключительной преданностью» поэта «рогатому скоту». Другие критики, однако, отнеслись к зачину «Октоиха» вполне сочувственно. Отклика-

ясь на $Г_{18}$, В.С.Рожицын писал: «Могучий зооморфизм, чувство природы и Руси, как огромного живого, животного существа, веет над этой книгой старинным языческим сумраком <...>. Суровая грубость этих образов еще звучней в стихе „Октоих“ <следует первая строфа>. Без душевной раздвоенности, без налета книжной культурности, без раздумья, с варварски-мощным напевным стихом и стихийной ясностью язычника С.Есенин чертит свой стих, рисует Русь, как иконописец Андрей Рублев...» (журн. «Колосья», Харьков, 1918, № 17, с. 7; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Эмоционально приподнятые оценки начала поэмы дали также А.Б.Оленин (газ. «Мир», М., 1918. 29 сентября, № 46; вырезка — Тетр. ГЛМ), И.А.Оксёнов (журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, 15 октября, с. 7; подпись: А.Иноков), П.Н.Савицкий (журн. «Русская мысль», София, 1921, кн. I/II, с. 215—216; подпись: Петроник).

Некоторые замечания касались поэтики «Октоиха». Так, Н.В.Рыковский посетовал на «небрежные рифмы (деду — кедру; рощ — дождь; дед — звезд и т.д.)» (газ. «Раннее утро», М., 1918, 27 июня, № 117; подпись: Ник. Р-ий; вырезка — Тетр. ГЛМ). О «неправильных рифмах» упомянул в рецензии на $Г_{20}$ и В.Я.Брюсов (журн. «Художественное слово», М., 1920, кн. 1, с. 57; подпись: В.Б.), назвав здесь же строки «дождь пляшет, сняв порты» и «на долину бед спадают шишки слов» метафорами, «вряд ли жизненными». Через два года Н.Н.Асеев, высказываясь о Триптихе, пожелал «никому под эти шишки не подвертываться», а финальную строфу «Октоиха» привел как пример стихов «ниже среднего уровня» (ПиР, 1922, кн. 8, ноябрь—декабрь, с. 40—41).

Скорее всего, Есенин имел в виду отзыв В.Я.Брюсова, когда в мае 1921 года писал Иванову-Разумнику, подводя некоторые итоги своих творческих исканий, начатых в 1917 году: «Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, которое соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыслов, только тогда это и имеет значение. Но ведь „пошла — нашла", „ножка — дорожка", „снится — синится" — это не рифмы. Это грубейшая неграмотность... <...> я <...> отказался от всяких четких рифм <...> Так написан был отчасти „Октоих" и полностью „Кобыльи корабли"».

Со слов И.В.Грузинова известно следующее высказывание Есенина 1921 г.: «Кто о чем, а я о корове. Знаешь ли, я оседлал корову. Я еду на корове. Я решил, что Россию следует показать через корову. Лошадь для нас не так характерна. Взгляни на карту — каждая страна представлена по-своему: там осел, там верблюд, там слон... А у нас что? Корова! Без коровы нет России» (Восп., 1, 353).

Октоих (греч.) — осьмигласник, богослужебная книга православной церкви, указывающая чинопоследование для будней и воскресений общественного богослужения. Здесь это слово употреблено метафорически.

Гласом моим пожру Тя, Господи (искаж. церковнослав.) — голосом моим принесу жертву Тебе, Господи. Это парафраза начала шестого ирмоса канона, поемого на глас четвертый: «Пожру Ти со гласом хваления, Господи»; канонический перевод — «Со гласом хваления принесу жертву Тебе, Господи» («Православный молитвослов с краткими катихизическими сведениями», СПб., 1907, с. 117). Сокращение «Ц.О.» раскрыто в копии поэмы рукой Иванова-Разумника (РГБ, ф. Андрея Белого) как «Церк. окт.», т.е. церковный октоих.

При чтении труда А.Н.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» Есенин скорее всего не прошел мимо места, где говорится о связи слова «жертва» со словом «жрѣти» (греть, гореть), позднее получившем значение «поедать, жрать» (Аф. II, 39). Словами «пожру Тя» (которые можно понять и как «съем Тебя») поэт перефразировал канонический текст, тем самым придав ему определенный богоборческий оттенок, хотя здесь это вряд ли произошло намеренно.

Преполовенье — срединный день между Пасхой и Пятидесятницей (днем Святой Троицы); церковный праздник, связанный, как и Рождество, с водосвятием. В тропаре, посвященном этому празднику, есть слова: «Преполовившуся празднику, жаждущую душу мою благочестия напой водами».

Рождество — здесь: праздник Рождества Христова.

О Дево // Мария...// На нивы златые // Пролей волоса.— В книге А.М.Авраамова «Воплощение: Есенин — Мариенгоф» (М.: Имажинисты, 1921, с. 24) эти строки стоят в ряду цитат из других стихов Есенина, где, по мнению критика, поэт изображает луну или месяц. Возможно, среди источников приведенных строк — одна из лубочных картинок, имеющая такое описание: «Богоматерь, стоящая на лунном серпе, на облаке, в короне и со скипетром в руках, с длинными распущенными волосами. Кругом головы ее (обращенной вправо) сияние» (Ровинский, III, с. 446, поз. 1126).

Плывут корабли. // В них души усопших // И память веков.— Ср.: «Воздушный океан, по которому плавают корабли=облака и тучи, отделяют мир живых людей (землю) от царства умерших, блаженных предков (от светлого небесного свода). Души усопших <...> должны были переправляться в страну вечного покоя через шум-

ные волны этого океана, и переплывали их на облачных ладьях и кораблях. Потому фантазия первобытного народа уподобила корабль-облако плавающему в воздушных пространствах *гробу*» (Аф. I, 574; выделено автором).

Шумит небесный кедр.— Б.В.Нейман справедливо видит здесь «образ мирового дерева», правда, трактуемый им как «домысел» мифологов, «вкоренившийся» в сознание поэта (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 213). Ср.: Аф. II, 277 и сл. страницы.

И на долину бед // Спадают шишки слов.— По словам самого Есенина, «мир для него <Бояна, т.е. эпического певца древности> есть вечное, неколеблемое древо, на ветвях которого растут плоды дум и образов» («Ключи Марии», 1918).

Осанна (церк., евр.) — спаси, сохрани; «*Осанна в вышних*» — слова из Божественной Литургии (песнопение хора: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф <...>; осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних». Строка открывает заключительную главку «Октоиха», которую Б.В.Нейман жестко квалифицировал как «лишь ритмическую обработку серии таких народно-поэтических образов или мифологических домыслов, <...> где последовательно, из строфы в строфу идут образы Маврикийского дуба, звездной шубы, кошачьей шапки, дремлющих кедров, желтоклыкого облака и т.д.» (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 215). Это суждение исследователя, практически не учитывавшего в своей работе ни многозначности есенинских образов, ни их полигенетичности, вряд ли можно признать справедливым.

Холмы поют про рай. // И в том раю... // Под Маврикийским дубом // Сидит мой рыжий дед.— Ср.: «Древняя тень Маврикии // Родственна нашим холмам»

(«Иорданская голубица», 1918); «...символическое древо, которое означает „семью"... в Иудее это древо носило имя Маврикийского дуба... Мы есть чада древа, семья того вселенского дуба...» («Ключи Марии», 1918). Этот образ «вселенского дуба», не раз возникающий в сочинениях Есенина того времени, имеет источником не только Библию (см. Быт. XVIII, 1—9), но и книгу «Поэтические воззрения славян на природу»; напр.: «Предание о мировом дереве славяне по преимуществу относят к *дубу*» (Аф. II, 294; выделено автором).

Употребляемое Есениным название дуба происходит от библейского именования места, где этот дуб рос,— Мамре или Мамврия; впрочем, происхождение есенинской транскрипции этого топонима («Маврикия») не выяснено.

И тот, кто мыслил Девой, // Взойдет в корабль звезды.— Одним из источников этого образа является изображение Богоматери-Девы на иконе «Неопалимая Купина». Сопричастность Ее трем мирам — земному, небесному (ангельскому) и духовнопрестольному (Божественному) — обозначена тем, что Ее образ помещен в центре трех пространств — трех четырехугольников различных цветов; два из них представляют ромбические фигуры, образующие в сочетании подобие восьмиконечной звезды. Согласно христианской символике, «символ звезды имеет самое непосредственное отношение к изображенной на иконе „Звезде Незаходящей, вводящей в мир Великое Солнце"» (Кокухин Н. Купина неопалимая.— Журн. «Православная беседа», М., 1994, № 4, с. 15). Кроме того, на иконах «Преображение Господне» Фаворский свет, знаменующий обетование грядущих человеческих судеб, почти всегда изображен в виде звезды, окружающей Спасителя, то есть Он, говоря словами Есенина, находится в «корабле звезды» (наблюдения Л.А.Киселе-

вой — см.: «Есенин академический...», М., 1995, с. 170—173). Показательно, что вскоре после «Октоиха» Есенин написал поэму «Преображение».

Пришествие (с. 46).— Зн. тр., 1918, 24(11) февраля, № 141; сб. «Мысль», кн. 1*, Пг., 1918, с. 7—11; Зн. тр., 1918, 7 апреля, (25 <марта>), № 174; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 38—42; $П_{18}$; Триптих; Рж. к.; $П_{21}$; Грж.

Беловой автограф (ИРЛИ) являлся наборной рукописью произведения для сб. «Мысль», кн. 1 (указано В.В.Базановым в кн. «Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли». СПб., 1994, с. 20). Рукопись имеет титульный лист, в центре которого рукой автора написано: «Пришествие // Сергей Есенин». В его правом верхнем углу — помета другой рукой: «4/XII», очевидно, означающая дату поступления произведения в редакцию упомянутого сборника. Таким образом, рукопись «Пришествия» была зарегистрирована в «Мысли» 4 декабря 1917 г. (год устанавливается однозначно по времени выхода сборника в свет).

От более поздних публикаций текста эта ранняя рукопись поэмы (как и ее публикация в сб. «Мысль») отличается тем, что в пятой главке Есенин рифмовал «Пётро — вётла» и «Пётро — кто-то» с употреблением звательного падежа диалектного варианта имени «Пётр» (то есть «Пётра») и диалектной формы множественного числа существительного «ветла» («вётла», а не «вётлы»).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с уточнением взаимного расположения некоторых строк текста по

---

* Вышел не позднее 30(17) марта 1918 г. (см. газ. «Дело народа», Пг., 1918, 31(18) марта, № 9, с. 4).

другим источникам. Датируется по Рж. к., где рукой Есенина проставлено под типографским текстом: «1917 октябрь». В наб. экз.— помета автора: «<19>18», противоречащая факту, что Иванов-Разумник послал текст «Пришествия» Андрею Белому при письме от 9 ноября 1917 г. (сама копия ныне неизвестна). В этом письме критик так отозвался о поэме:

«В ней есть чудесные места, некоторые я твержу уже несколько дней. И снова революция как Крестный путь, как Голгофа. Конец какой чудесный:

Пролей ведро лазури
На ветхое деньми...

Растет мальчик (и откуда что берется); пройдя через большие страдания, быть может, и до Клюева дорастет. Кое в чем он уже теперь равен ему» (Письма, 314).

17 января 1918 г. Андрей Белый просил своего адресата: «Если увидите Есенина, поблагодарите его еще раз за поэму, посвященную мне; она мне очень понравилась; и я часто ее перечитываю» (Письма, 316).

Еще до публикации «Пришествия» Иванов-Разумник обнародовал почти половину текста поэмы (ст. 7—16, 27—32, 35—36, 53—59, 62—65, 90—99, 107—120) в статье «Две России» (Ск-2, с. 218—219, 220, 224, 227). Как и в случае «Октоиха» (см. комментарий выше), критик использовал «Пришествие» для иллюстрации представления позиций «людей двух станов»: «...бесконечно разно чувствуют происходящее в мире две наши России. Для одной — черная бездна революции разверзлась вверху и внизу; и дьявол повесился, и Бога нет — ибо пришел Ангел Зла, пришла революция, и до конца свершит свой путь. Для другой — снова „раздралось небо“, церковная завеса, снова „дьяволы на руках укачали землю“, и Бог безмолвствует — ибо распинается народ, ибо не дадут ре-

волюции свершить пути до конца, ибо „снова пришествию Его поднят крест“... Как понять друг друга этим людям двух разных миров?» (Ск-2, с. 219—220). Приведя затем финал «Пришествия» (от слов «О верю, верю — будет...» до конца), Иванов-Разумник дал ему такое истолкование: «Нам дана была великая радость — увидеть пришедшую в мир свободу, и нам же дана великая скорбь — крестный путь свободы <...>. Грязь мирового ливня покроет теперь поля — если еще не близко чудо всемирной революции. Свое мы сделали — мы боролись, и впредь до конца будем бороться за свою правду <...>. И если мы погибнем, „дочерпав волю“, то погибнем не напрасно: мы „вытекшей душою удобрим чернозем“, и взойдут на нем весенние семена, которые разбрасывает теперь по всему миру русский вихрь» (Ск-2, с. 227).

Рецензируя сб. «Мысль», М.О.Цетлин констатировал: «Начинается сборник стихотворением Есенина „Пришествие“ (пришествие большевистской революции) <...>. Первые слова сборника — есенинское „Господи, я верую“» (газ. «Новости дня», М., 1918, 13 апреля (31 марта), № 16). Эту же строчку (вместе с тремя последующими) И.А.Оксёнов определил как «пламенную молитву» (журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 13, 15 октября, с. 8; подпись: А.Иноков).

О мировоззренческих основах тогдашнего есенинского творчества (с примерами из «Пришествия») говорил в том же 1918 году С.Гордон: «Характерно, что фаталистический оптимизм как бы заглушает чувство трагизма совершающегося. Оно лишь мигами мелькает,— и растворяется в пафосе веры.

— Как взойду я по ней (лестнице) с кровью на отцах и детях <так>,— спрашивает Есенин, но не развивает идейно этого вопрошающего чувства трагедии:

Но долог срок до встречи,
А гибель так близка.

Гибель несет освобождение, а долгий срок до встречи сокращается верой в преображение. <...> Трагедия современности не ослабила в народных поэтах чувства земли-родины. Они видят ее озаренной небесным светом и не раскрывают нам всей сложности трагедии, мысля ее как логическое развитие христианского фатализма. И это не случайно. Люди земли, они крепко стоят на ней: для тех, кто крепко связан с землей, с миром, фатализм является наиболее естественным выражением их мироощущения, и трагедия — такое же явление в ряду прочих мировых явлений, как листопад, осень, смена времен года, рождение, расцвет и смерть...» («Слово и культура: Сб. критич. и философских статей», М., 1918, с. 82).

Характерно, что после берлинского переиздания в 1920 г. «Пришествия» и других поэм Есенина 1917 года (Триптих) появился отклик М.Л.Слонима, где время написания этих произведений было отождествлено со временем их появления в печати: «После прекрасной поэмы Ал.Блока „Двенадцать" уподобление революционной России воскресающему Христу стало излюбленной темой той „Мессианистической" поэзии, которая пышно расцвела сейчас в советской России. <...> Сергей Есенин... называет Русь „приснодевой — осынившей дол". Он верит, что новый спаситель родится на полях России» (газ. «Воля России», Прага, 1921, 3 февраля, № 119; подпись: М.Сл.; ср. также отзыв Ф.В.Иванова — газ. «Голос России», Берлин, 1921, 20 июля, № 714). Парижский критик В.Мацнев писал: «В песнях Есенина много не только любопытного, но и значительного, но все это с огромной дозой бесстыжества, лукавства, распутиновщины. Как и Есенин, мы верим в „Преображение", но придет

оно тогда, когда такие вожди и певцы народа, как он с Клюевым и те, кому они служат, исчезнут, как болотные огни, когда Россия действительно прозреет, а пока скажем словами Есенина: „Опять Его вои // Стегают плетьми // И бьют головою // О выступы тьмы“» (газ. «Общее дело», Париж, 1921, 17 января, № 186).

На родине же по выходе Триптиха и $П_{21}$ критики, опираясь на «Пришествие», вменили в вину Есенину религиозность: по словам П.Д.Жукова, Есенин «все еще плутает среди трех сосен отжившего православия» (журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 ноября, с. 10). Примерно в том же духе высказался и Н.Н.Асеев (ПиР, 1922, кн. 8, ноябрь—декабрь, с. 40).

В.Ф.Ходасевич писал о «Пришествии»: «...силы и события <...> даны им <Есениным>в образе воинов, бичующих Христа, отрекающегося Симона Петра, предающего Иуды и, наконец, Голгофы. Казалось бы, дело идет с несомненностью о Христе. В действительности это не так. Я внимательно перечел революционные поэмы Есенина, предшествующие „Инонии“, и вижу, что все образы христианского мифа здесь даны в измененных (или искаженных) видах, в том числе образ самого Христа. <...> ...в полном согласии с основными началами есенинской веры, мы можем расшифровать его псевдохристианскую терминологию и получим следующее:

Приснодева=земле=корове=Руси мужицкой.

Бог-отец=небу=истине.

Христос=сыну неба и земли=урожаю=телку=воплощению небесной истины=Руси грядущей» (журн. «Современные записки», Париж, 1926, <кн.> XXVII, с. 306—307).

О роли *Андрея Белого* (Бориса Николаевича Бугаева; 1880—1934) в творческом становлении Есенина см. наст. изд., т. 1, с. 503—506.

Дождевыми стрелами... пронзенный...— Перифраза строк «Моления» Даниила Заточника, взятых Есениным как эпиграф к циклу «Стихослов» в Ск-2 и Кр. звоне (соответствующую цитату из «Моления» см. выше в комментарии к «Марфе Посаднице», с. 279).

Опять Его вои // Стегают плетьми.— Ср.: «Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. XXVI, 67).

«Я видел: с Ним он // Нам сеял мрак!» // «Нет, я не Симон... // Простой рыбак»... // То третью песню // Пропел петух.— Эти слова имеют источником известный новозаветный эпизод отречения от Иисуса Христа его ученика Петра (Симона Петра) прежде, чем петух возвестит зарю (Мф. XXVI, 69—73; Мк. XIV, 66—72).

Лестница к саду твоему // Без приступок.— Речь идет о лестнице (лествице), ведущей в рай; именно «без приступок» обычно изображалась она на лубочных картинках с соответствующим сюжетом (Ровинский: Атлас, III, № 774; № 1346, карт. 7). Впрочем, А.М.Авраамов усмотрел в «лестнице без приступок» иной образ, поскольку поместил эти есенинские слова среди тех строк поэта, которые, по мнению критика, обозначают месяц или луну (в его кн. «Воплощение: Есенин — Мариенгоф», М., 1921, с. 24).

Симоне Пётр — обращение к ученику Иисуса, причем первое его имя дано в звательном падеже («Симоне»), а второе — в обычной форме именительного падежа единственного числа (о раннем варианте этих слов — «Симоне Пётро» — см. на с. 318).

...Вздыбился мрак. // Вышел... // Рыжий рыбак.— По мнению А.М.Авраамова (там же), и здесь у Есенина имеется в виду месяц.

Облачные ризы.— Образ восходит к народной метафоре: «Небо — ...риза Господня» (приведено в Аф. I, 63), отразившейся также и в поэме «Преображение»: «...Зиждитель щедрый, // Ризою над землею // Свесивший небеса» (см. ниже).

Ласточки-звезды // Канули вниз.— Ранее уже намеченная в «Октоихе» (третья строфа второй главки) тема усопших душ (см. также комментарий на с. 315—316 наст. тома) получила здесь дальнейшее развитие — путем осознанного образного воплощения Есениным соответствующих народных мифопоэтических представлений. Последние подробно изложены и проиллюстрированы многочисленными примерами в гл. XXIV «Поэтических воззрений...» (Аф. III, 195—317). По Афанасьеву, у древних «душа представлялась *звездою*» (Аф. III, 206; выделено автором); «Падающая звезда почитается в русском народе знаком чьей-либо смерти» (Аф. III, 207); «Народный язык и предания говорят о душах, как о существах *летающих, крылатых.* <...> Говоря о полете душ, они намекают на древнейшее представление их птицами» (Аф. III, 218—219; выделено автором); среди других олицетворений души — «проворная ласточка» (Аф. III, 301). Ср. также с есенинскими строками: «Малиновкой журчащею // Слетит в кусты звезда» («Преображение», 1917).

...не в суд или во осуждение.— Последние слова молитвы ко святому причащению (пятой) св. Василия Великого («Православный богослужебный сборник», М., 1991, с. 338). В $П_{18}$ эти слова были напечатаны искаженно — «не во суд или в осуждение». Сохранился экземпляр $П_{18}$ (собрание П.В.Куприяновского, Иваново), куда Есенин крас-

ными чернилами внес поправки, необходимые в этом месте текста*.

Елеон — гора вблизи Иерусалима; место бесед Иисуса Христа с апостолами и его вознесения (Деян. I, 9—12).

Медведица — здесь: созвездия в северном полушарии (Большая Медведица и Малая Медведица); состоят из семи звезд, образующих фигуру в виде ковша.

Преображение (с. 52).— Зн. тр., 1918, 13 апреля (31 <марта>), № 179; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 47—50; $П_{18}$; сб. «Явь», М., 1919, с. 50—53; Триптих; Рж. к.; $П_{21}$; Грж.

Автограф неизвестен. Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по Рж. к., где рукой автора под типографским текстом поэмы проставлена дата: «1917 ноябрь». Помета Есенина в наб. экз. (<19>18) опровергается упоминанием «Преображения» в письме поэта Иванову-Разумнику о Ск-2 конца декабря 1917 г.

В 1926 г. П.В.Орешин вспоминал, как он впервые в конце 1917 г. услышал из уст самого автора начало «Преображения»: «...Есенин... слегка отодвинулся от меня в глубину широкого кожаного дивана и наивыразительнейше прочитал одно четверостишие <первую строфу> почти шепотом. И вдруг громко, сверкая глазами:

— Ты понимаешь: господи, отелись! Да нет, ты пойми хорошенько: го-спо-ди, о-те-лись!.. Понял? Клюеву и даже Блоку так никогда не сказать... Ну?

* Ранее владельцем этой книги был Д.Н.Семёновский. Ему принадлежит недатированная карандашная помета на ее титульном листе: «Поправки сделаны Есениным в январе 1919 г. в Москве» (сообщено О.К.Переверзевым).

Мне оставалось только согласиться, возражать было нечем. <...> Я совершенно искренне сказал ему, что этот образ „господи, отелись" мне тоже не совсем понятен, но тем не менее, если перевести все это на крестьянский язык, то тут говорится о каком-то вселенском или мировом урожае, размножении или еще что-то в этом же роде.

— Другие говорят то же! А только я, вот убей меня Бог, ничего тут не понимаю... <...>

— А знаешь,— сказал он, после того как разговор об отелившемся господе был кончен,— во мне... понимаешь ли, есть, сидит эдакий озорник! Ты знаешь, я к Богу хорошо относился, и вот... Но ведь и все хорошие поэты тоже... Например, Пушкин...» (Восп., 1, 265—266, 268).

Зачин «Преображения» и в самом деле был воспринят некоторыми читателями как озорная выходка: один из первых газетных откликов на появление поэмы в печати так и назывался — «Озорник» (газ. «Воскресные новости», М., 1918, 8(21) апреля, № 5; подпись: Альфа; вырезка — Тетр. ГЛМ). О четвертой строке поэмы с осуждением либо с иронией писали обозреватель под псевдонимом «Альгрен» (газ. «Дело народа», Пг., 1918, 17(4) апреля, № 21), А.В.Амфитеатров (газ. «Петроградский голос», 19(6) апреля, № 63), И.Трубецкая (газ. «Новости дня», М., 1918, 20(7) апреля, № 22), М.А.Осоргин (газ. «Понедельник», М., 1918, 13 мая (30 апреля), № 11, рубрика «Из пасхальных газет»; подпись: М.И.), Д.Н.Семёновский (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 20 июля, № 110; подпись: С.), О.Л.Шиманский (журн. «Свободный час», М., 1919, № 8 (1), январь, с. 8; подпись: О.Леонидов), Л.И.Повицкий (газ. «Наш голос», Харьков, 1919, 11 апреля, № 78)* и др.

* Все вышеперечисленные отклики представлены в Тетр. ГЛМ.

После переиздания поэмы за рубежом в составе Триптиха появились вполне аналогичные отзывы и в эмигрантской печати; среди их авторов — В.Мацнев (газ. «Общее дело», Париж, 1921, 17 января, № 186), М.Л.Слоним (газ. «Воля России», Прага, 1921, 3 февраля, № 119; подпись: М.Сл.), К.Я.Шумлевич (газ. «Новое время», Белград, 1921, 23 июля, № 73; подпись: Ренэ Санс) и др.

Иванов-Разумник дал отповедь таким оппонентам Есенина еще в июне 1918 г.: «Вот, кстати, тема для дешевых лавров: Бог — корова! „Пою и взываю: Господи — отелись!“ Многие, видно, ничего еще не слыхали о мировых религиозных символах, о „корове“ в космогонии индуизма, в Ведах и Пуранах (эта связь тем интереснее, что и в этой области поэт лишен какой бы то ни было „эрудиции“*)» (журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май [фактически: 15 июня], с. 148). Четыре с лишним года спустя М.О.Цетлин назвал все ту же строку «метафизическим восклицанием, вызвавшим много напрасного смеха» (газ. «Последние новости», Париж, 1922, 16 сентября, № 740).

Между тем, сам Есенин дал такое разъяснение: «„Отелись“ — значит „воплотись“» (сб. «Есенин: Жизнь. Личность. Творчество», М., 1926, с. 163). Очевидно, это же толкование поэта имел в виду и Г.Ф.Устинов, когда сетовал: «Конечно, мы понимаем, что С.Есенин словом „отелись“ хочет сказать Богу, чтобы он, наконец, принял реальный образ. Но где же додуматься до таких тонкостей простому рабочему и крестьянину?!» (газ. «Советская

* Критик, бесспорно, заблуждался относительно объема познаний Есенина в этих вопросах; см., например, «Ключи Марии» (1918), а также реальный комментарий к «Преображению».

страна», М., 1919, 3 февраля, № 2; подпись: Ю.Гордеев; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В чем-то сходную трактовку зачина «Преображения» предложил В.Ф.Ходасевич: «...Есенин даже не вычурно, а с величайшей простотой, с точностью, доступной лишь крупным художникам, высказал свою главную мысль. <...> Есенин обращался к своему языческому Богу — с верою и благочестием. Он говорил: „Боже мой, воплоти свою правду в Руси грядущей". А что при этом он узурпировал образы и имена веры Христовой — этим надо было возмущаться при первом появлении не только Есенина, но и Клюева» (журн. «Современные записки», Париж, 1926, <кн.> XXVII, с. 307—308).

Первая общая характеристика «Преображения» была дана Ивановым-Разумником в сопоставлении со стихами Андрея Белого: «От „народных" глубин, от „культурных" вершин — поэты и художники радостно и скорбно, но чутко и проникновенно говорят нам о совершающемся в мире. Не боятся они грозы и бури, а принимают ее всем сердцем и всею душою: „Вестью овеяны — души прострём в светом содеянный радостный гром" (Андрей Белый). Так говорит один, и отзывается ему другой <следует четвертая строфа первой главки «Преображения»>. От вершин, от глубин — чутко чуют они то новое мировое, что идет теперь в грозе и буре революции: разрушение Содома старого мира <...> и рождение, осуществление новой России, новой Европы, нового мира» (журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 1, <13> апреля, с. 133). Тогда же о начальной строфе финала поэмы Есенина писал И.А.Оксёнов: «...светлым обетом, радостным напоминанием для верующих, непреложным свидетельством — для отчаявшихся, звучат бесценные слова Есенина» (журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, 15 октября, с. 8;

подпись: А.Иноков). Через три года, приведя ту же строфу из «Преображения», Ф.В.Иванов резюмировал: «В мягкости, задушевности дарования — тайна очарования есенинской поэзии. Скорбь тихая, женственная вера в чудо — ее содержание. И оттого в смелых своих образах он далеко не всегда кощунственен» (газ. «Голос России», Берлин, 1921, 20 июля, № 714).

Размышляя над «Преображением» как произведением патриотическим, П.Н.Савицкий, процитировав фрагменты третьей главки поэмы, писал: «Приведенные строфы ни в коем случае не являются политическим рассуждением в стихах <...>. И в то же время это есть несомненное сказание о России. <...> ...никогда, быть может, за все существование российской поэзии, от „Слова о полку Игорезе“ и до наших дней,— идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружева и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, как в этих стихах...» Далее, еще раз приведя начало третьей главки «Преображения», П.Н.Савицкий продолжал: «Это ли не „народная гордость“? „Народная гордость“ — это слово Карамзина. И на самом обращении: „Ей, Россияне!“ лежит печать карамзинского стиля, „Истории Государства Российского“...» (журн. «Русская мысль», София, 1921, кн. I/II, с. 220—221; подпись: Петроник).

Ряд откликов касался образной поэтики «Преображения». Согласно ретроспективному (1925 год) взгляду А.И.Ромма, «сложное, затрудненное сравнение, Госпожа Большая Метафора, временами переходящая в Госпожу Большую Аллегорию (Господи, отелись!) — вот что сблизило Есенина с имажинистами, и сближение это было далеко не случайно» («Чет и нечет: Альманах поэзии и критики», М., 1925, с. 36). И в самом деле, не случайно

в 1920 году А.Б.Мариенгоф приветствовал «доимажинистский» образ из четвертой главки есенинской поэмы: «Почему у Есенина... „над рощами <так!>, как корова, хвост задрала заря“ <...>? Одна из целей поэта вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа. Подобные скрещивания чистого с нечистым служат способом заострения тех заноз, которыми в должной мере щетинятся произведения имажинистской поэзии. <...> Поставьте перед <...> „коровьим хвостом“ <...> знак — и + перед <...> „зарей“ <...>, и вы поймете, что не из-за озорства, а согласно внутренней покорности творческому закону поэт слил их в образе» (Мариенгоф А. «Буян-остров: Имажинизм», М., 1920, с. 11—12). С этим рассуждением вступил в полемику А.К.Воронский: «Мариенгофу очень нравится у Есенина „нарочитое соитие в образе чистого и нечистого“ <...>. Правда, *нарочитое соитие* может „всадить“ образ в читателя, но только своей нарочитостью, а не гармоничностью, не своим внутренним соответствием тому, что хочет воплотить художник, <...> образ зари, задравшей хвост, как корова, безобра́зен и безо́бразен в итоге» (Кр. новь, 1924, № 1, январь—февраль, с. 288; выделено автором).

В свою очередь, последняя строфа той же четвертой главки «Преображения», наряду с некоторыми лирическими стихами Есенина, была (впервые в отечественном литературоведении) трактована В.Л.Львовым-Рогачевским в терминах классификации образов, предложенной самим поэтом в «Ключах Марии»: «...метафоры застывших образов бледнеют перед его действительно струящимися образами, передающими импрессионистически жизнь природы, дрожание света, песни лучей, от этих его образов веет изумительной красотой» (Львов-Рогачевский В. «Новей-

шая русская литература». 2-е изд., испр. и доп. М., (обл.: М.—Л.), 1924, с. 323—324).

Об *Иванове-Разумнике* (псевд. Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946) см. комментарий в т. 1 наст. изд. (с. 467). О его роли в становлении творческой личности Есенина (вторая половина 1917 г.) писал В.С.Чернявский: «С большим уважением и любовью относился Сергей к Иванову-Разумнику, с которым неизменно встречался по делам практическим и душевным. „Иду к Разумнику, покажу Разумнику, Разумнику понравилось“,— слышалось постоянно. Статьи Р.В.Иванова, принимавшего Есенина целиком <...>, совершенно удовлетворяли и поддерживали Сергея. Такой „отеческой щедрости“ он, наверное, ни позже, ни раньше не находил ни у кого из авторитетных критиков» (Восп., 1, 221—222). Сам Есенин так отозвался о критике в письме к А.В.Ширяевцу от 24 июня 1917 года: «...есть... один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим,— это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя. На остальных же просто смотреть не хочется».

Облаки лают...— По справедливому наблюдению Б.В.Неймана (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 215), эти слова восходят к мифопоэтическому представлению туч в виде собак (Аф. I, 728).

Ревет златозубая высь.— Один из мифологических источников этого образа — Агни, *златозубый* бог-громовник индийских Вед, к тому же именовавшийся «*водорожденным* — сыном или внуком воды, т.е. дождевого облака» (Аф. II, 1; выделено автором).

Небесное молоко.— Ср.: «Прародительское племя ариев называло дождь небесным молоком» (Аф. III, 117). См. также: Аф. I, 653.

Даждь мне днесь (церковнославянск.) — дай мне сегодня; парафраза слов из «Молитвы Господней» («Хлеб наш насущный даждь нам днесь» — Мф. VI, 11).

Содом — см. комментарий к поэме «Певущий зов» (с. 298 наст. тома).

Егудиил (Иегудиил) — архангел, в обязанности служения которого входит укрепление веры христиан и ходатайство перед Богом о воздаянии им по вере их.

Лот — житель Содома, за его праведность спасенный Богом перед уничтожением города (см. Быт. XIX, 12—29).

Осенница — дождливая холодная погода.

Малиновкой... // Слетит в кусты звезда.— См. комментарий к словам «Ласточки-звезды <и т.д.>» из поэмы «Пришествие» (с. 324 наст. тома).

И выползет из колоса, // Как рой, пшеничный злак, // Чтобы пчелиным голосом // Озлатонивить мрак...— Прояснению истоков этих строк помогает следующее место из есенинской «Инонии»:

Чтобы поле его <народа> словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак,—

а также соответствующий пункт перечня образов в «Ключах Марии» (1918), где значится:

«Звезды — <...>, зёрна, <...>, ласточки».

Здесь, по слову самого Есенина, идет «струение» или даже «переструение» различных мифопоэтических образов. Ср.: «Припомним, что в звездах арийские племена видели, с одной стороны, души блаженных предков, а с

другой — рои небесных пчел» (Аф. III, 217—218); «Чудесное свойство вдохновлять поэтов, наравне с медом, приписано было и пчелам. Древние называли пчел — птичками муз» (Аф. I, 403); «...Боги весенних гроз... засевают землю разными злаками», а «поэтическое представление дождя» — «хлебные семена» (Аф. I, 572—573), то есть зёрна; наконец, «исходя из тех же уст, откуда звучит и речь человеческая, слюна была сближена с *словом*, получила *вещее* значение, и тем легче могла отождествиться с шумящим дождем» (Аф. I, 397—398; выделено автором).

Рушит скалы златоклыкий // Омеж <т.е. сошник, лемех>.— См. пояснение к словам «златозубая высь» (с. 331). Ср. также: «В гимнах Ригведы облака и тучи постоянно изображаются горами и камнями. Своею громовою палицею Индра <бог-громовник> буравит облачные скалы...» (Аф. II, 350; это — первая страница главы XVIII, имеющей название: «Облачные скалы и Перунов цвет»).

По тучам бежит // Кобылица. // Шлея на кобыле — // Синь. // Бубенцы на шлее — // Звезды.— А.М.Авраамов считает, что здесь говорится о луне (в его кн. «Воплощение: Есенин — Мариенгоф», М., 1921, с. 25). Возможно и другое толкование, поскольку «кобылицею» в Ведах называется заря (Аф. I, 594). Ниже у Есенина читаем: «Над тучами... // Хвост задрала заря», поэтому последнее толкование выглядит предпочтительнее.

С небес... // Дождит молоко.— Ср.: «Одно из древнейших и наиболее распространенных верований представляет *дождевые облака* — *быками* и *дойными коровами* Индры, а *дождь* — *молоком...*» (Аф. I, 653; выделено

автором) См. также пояснение к словам «небесное молоко» (с. 337).

Мудростью пухнет слово.— Вот что сказано в «Поэтических воззрениях...» о мудром (вещем) слове и его происхождении: «В дуновении ветров признавали язычники *дыхание* небесного владыки, в <...> шуме падающего дождя слышали его дивную *песню*, а в громах — его торжественные *глаголы*; выступая в весенних грозах, он <...> будил ее <природу> от зимней смерти своей могучею *песнею*, вновь творил ее своим *вещим словом*. Слово божье = гром есть слово творческое» (Аф. I, 392—393; выделено автором).

Над тучами, как корова, // Хвост задрала заря.— Выше (с. 328—329) приведена полемика А.К.Воронского с А.Б.Мариенгофом относительно трактовки этого есенинского образа. Обращает на себя внимание также сходство употребленной здесь поэтом лексики со следующим местом из «Поэтических воззрений...»: «Вместо того, чтобы сказать: „заря занимается“, „рассветает“,— древние поэты Вед говорили: <...> «Заря выгоняет на пастбище светлых коров» (Аф. I, 658).

Зиждитель... // Ризою над землею // Свесивший небеса.— См. пояснение к словам «облачные ризы» в комментарии к поэме «Пришествие» (с. 324 наст. тома).

Солнце, как кошка, // С небесной вербы // <...> // Трогает мои волоса.— Б.В.Нейман сближает эти слова с загадкой «Белая кошка — Лезет в окошко» (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 207). Однако, по А.Н.Афанасьеву, эта загадка означает «*дневной рассвет*» (Аф. I, 647; выделено автором), а не солнце. О последнем в «Поэтических воззрениях...» приведена украинская загадка с более близкой Есенину

образностью: «Сидыт пивень на верби, спустыв косы (=лучи) до земли» (Аф. I, 519).

Он <светлый гость>, *в ладью златую свесясь, // Уплывет в свои сады.*— Ср.: «У греков был миф о золотой солнцевой *чаше*, в которой Гелиос *переплывает* воздушный океан, что совпадает с изображением солнечного бога *плавающим* в ладье, какое встречается на египетских памятниках» (Аф. II, 288; выделено автором).

И <...> // Как яйцо, нам сбросит слово // С проклевавшимся птенцом.— Этот образ возникал и в письмах, и в разговорах поэта того времени: «...Слово, которое не золотится, а проклевывается из сердца самого себя птенцом...» (из письма Иванову-Разумнику, конец декабря 1917 г.); «слова дороги — только „проткнутые яйца"» (из конспективной записи разговора с Есениным 3 января 1918 г., сделанной А.Блоком: Восп., 1, 175). Ср. также в «Инонии»: «Я сегодня снесся, как курица, // Золотым словесным яйцом». Источники этой метафоры систематически представлены в «Поэтических воззрениях...»: «...народ на своем богатом метафорическом языке выразил ежедневный восход *солнца* — баснею о том, что эта чудесная птица <заря> каждое утро несет по *золотому яйцу*, блеск которого прогоняет ночную тьму...» (Аф. I, 529; выделено автором); «Когда желают выразить мысль, что в настоящее время счастье нелегко дается, обыкновенно говорят: „Умерла та курица, что несла золотые яйца!"» (Аф. I, 530) и т.д. Среди других вероятных источников — стихотворение Н.А.Клюева «Меня Распутиным назвали...», присланное для публикации в Петроград в октябре 1917 г. и сразу же ставшее известным Есенину (см. только что цитиро-

ванное письмо его к Иванову-Разумнику, где идет речь о другом стихотворении Клюева «Ёлушка-сестрица...», опубликованном там же, где и «Меня Распутиным назвали...»):

По Заонежью бродят сказки,
Что я женат на Красоте,
Что у меня в суставе — утка,
А в утке — песня-яицо...

Иорданская голубица (с. 57).— Газ. «Известия Рязанского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов», 1918, 18 августа, № 170; газ. «Известия ВЦИК», М., 1918, 22 августа, № 180 (Лит. прил. № 1); Сел. час. В другие авторские сборники отдельные части «Иорданской голубицы» включались также как самостоятельные произведения: в $П_{18}$ и $П_{21}$ — части первая, третья и пятая; в Тел. и Рус.— части первая, третья, четвертая и пятая; в ОРиР — часть вторая.

Черновой автограф (ИМЛИ) охарактеризован в разделе «Варианты» наст. тома (с. 213—222). Беловой автограф РГАЛИ являлся первоисточником публикации «Иорданской голубицы» в «Известиях ВЦИК». Исходный текст произведения был исполнен целиком (черными чернилами). Затем из него была вырезана вторая часть; эта вырезка не сохранилась — скорее всего, вначале она была заменена написанным автором на отдельном листе (карандашом) текстом стихотворения «О Матерь Божия...» (см. его окончательную редакцию в т. 1 наст. изд.). Потом этот текст был Есениным перечеркнут, и на обороте того же листа он восстановил (также карандашом) вторую часть «Иорданской голубицы». Далее — уже другими людьми — были проведены: а) правка рукописи (замена слова «несчислимая» в ст.6 на «нечисли-

мая», изъятие ст.21—28, расстановка знаков препинания); б) последующая перепечатка частей «Небо — как колокол...» и «О Матерь Божия...» на машинке и правка машинописи; в) композиционные изменения в произведении (внесение текста «О Матерь Божия...» как отдельной части «Иорданской голубицы» между авторскими второй и третьей частями и соответствующая перенумерация остальных). В таком исправленном виде поэма появилась в «Известиях ВЦИК». Однако через несколько месяцев вышел в свет Сел. час., где «Иорданская голубица» была напечатана вновь. В этом сборнике все описанные выше под пунктами а), б) и в) операции с авторским текстом поэмы — кроме расстановки знаков препинания (впрочем, в Сел. час. она была сделана по-иному),— были Есениным отменены. Скорее всего, отмеченные изменения были сделаны сотрудниками «Известий ВЦИК» (на заключительном этапе редакционной подготовки «Иорданской голубицы» к печати) без участия поэта.

Сохранился также — в составе макета неизданного сборника 1919 г. «Вече (революционные поэмы)» — авторизованный список произведения рукой неустановленного лица, сделанный по Сел. час. (РГАЛИ). Кроме того, имеется экземпляр $П_{18}$ (он описан на с. 324—325), где в ст.6 Есениным исправлена опечатка (в слове «неисчислимая» вычеркнута первая из букв «и»).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Сел. час.) с изменением пунктуации в ст.19 по другим источникам: подробнее см. об этом работу В.А.Вдовина «Если обратиться к первоисточнику... Страницы творческой биографии С.Есенина» (сб. «В мире Есенина», М., 1986, с. 597—601). В «Известиях Рязанского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов» дата: «1918 г., июль». Да-

тируется по Сел. час., где под текстом поэмы значится: «Июнь, 1918, 20—23. Константиново».

Первые отклики на «Иорданскую голубицу» появились вскоре после ее обнародования в «Известиях ВЦИК». Н.Юрский отозвался о содержании и композиции поэмы следующим образом: «Прочтете вы это произведение, разделенное на VI частей, и не поймете — что, собственно, хотел сказать автор.

Прочтете второй раз и заглавие, и содержание — и... опять ничего не поймете.

Автор назвал свое произведение „Иорданскою голубицею" неведомо почему: содержание произведения не проливает на этот вопрос никакого ответа. Может, автор иносказательно старался пояснить, что для прочтения его произведения надо запастись голубиной кротостью,— все возможно.

В этом произведении имеется все: и гуси, и лебедь, впереди их летящий и имеющий „в глазах, как роща (!!) грусть", и „месяц — язык" (черным по белому значится!), и „нивы", и „апостол Андрей", и „Мати Пречистая Дева, стегающая розгой осла" (есть, между прочим, существа, более заслуживающие эту меру воздействия), и много кой-чего другого, всего и не перечислишь.

И вот эту массу предметов и образов предстояло связать в нечто целое. Сергей Есенин попытался это сделать, и в результате — „в огороде бузина, а в Киеве дядька"» (журн. «Вестник путей сообщения», М., 1918, № 14/15, с. 37).

П.И.Лебедев-Полянский писал: «Есенин уходит прямо в лагерь реакции. Он без всяких оговорок, вместе с церковным клиром, на радость всей черной и белой братии, уверяет, что на том свете куда лучше, чем здесь на земле.

Вы, читатель, не верите? Хорошо,— так прочтите, но, пожалуйста, спокойно, вот эти строчки <первые две строфы четвертой главки поэмы>.

— Но это же недопустимо!

Мы вполне согласны с вами, читатель, но будем сохранять спокойствие...» (журн. «Пролетарская культура», М., 1918, № 4, сентябрь, с. 37; подпись: В.Г-ъ).

Другой пролеткультовец (П.К.Бессалько) высказался в том же духе: «Неприятно поражает стихотворение Есенина «Иорданская голубица», где поэт, называя себя большевиком, говорит нам о борцах, убитых на своем посту <приведена вторая строфа четвертой главки произведения>.

Черт возьми, да ведь такое стихотворение понижает нашу волю к победе! Зачем нам бороться за социализм, когда там на небе лучше, чем на земле у нас?» (журн. «Грядущее», Пг., 1918, № 7, октябрь, с. 14).

Предметом подавляющего большинства последующих прижизненных критических оценок, разнообразных по содержанию и тону, стала начальная строфа второй главки. Так, С.В.Евгенов иронизировал: «„Отрок с полей коловратых“ Есенин громко „возопил“: „Мать моя родина, я — большевик“ — и перепорхнул в литературное приложение „Известий ЦИКа“, а оттуда и в пролетарские издания» (журн. «Грядущая культура», Тамбов, 1919, № 3, январь, с. 16; подпись: С.Клубень). Напротив, П.В.Пятницкий, процитировав указанную строфу, писал: «Из этого можно заключить, что поэт считает себя певцом революционной современности» (газ. «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов». 1920, 24 мая, № 111; подпись: Кий), а П.С.Когану она же дала повод для обобщений: «Революция для крестьянства скорее возврат к естественным формам жизни, чем потрясение ос-

нов. <...> Революция близка ему <Есенину> по необъятности трудовых задач, поставленных ею, потому что ей не войти теперь в берега, пока она не довершит до конца начатого и не перестроит весь мир, ибо на меньшем она не помирится. И сочувствие Есенина прежде всего к беспредельности ее цели. Здесь жертва — не отречение, не аскетизм, а радостное чувство, естественная игра сил» (Кр. новь., 1922, № 3, май—июнь, с. 258—259; вырезка — Тетр. ГЛМ).

В нескольких более поздних отзывах декларация поэта была поставлена под сомнение. Г.Ф.Устинов писал: «У Есенина большевизм ненастоящий. „Мать моя родина, я — большевик" — это звучит для подлинного большевика фальшиво, а в устах Есенина как извинение,— извинение все перед той же дедовской Россией» (в его кн. «Литература наших дней», М., 1923, с. 54). См. также высказывания А.П.Селивановского (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 15) и И.С.Герасимова (газ. «Вятская правда», 1925, 26 ноября, № 271; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Откликом чисто филологического характера на «Иорданскую голубицу» (вкупе с некоторыми другими произведениями) явилось наблюдение В.Л.Львова-Рогачевского о роли синего (голубого) цвета в творчестве Есенина — оно предвосхитило идеи исследований, предпринятых в 60-е — 80-е годы: «Весенний Есенин всюду видит *синий* свет <...>. Когда младенец Иисус уронил золотой колоб, который спекла ему „Мать Пречистая", и колоб покатился месяцем по синему небу, „замутили слезы душу *голубую* Божью"... У Есенина тоже голубая душа, да и сам он весь голубой, пришедший приголубить все живое, он в колокол синий месяцем бьет и славит голубую звездами вбитую высь...» (Львов-Рогачевский В. «Новейшая русская лите-

ратура». 2-е изд., испр. и доп., М. (обл.: М.—Л.), 1924, с. 317—318; выделено автором).

Иорданская голубица.— Один из источников этого образа — в Новом Завете: когда Иисус был крещен Иоанном в реке Иордан и вышел из воды, то «увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и испускался на Него» (Мф. III, 16). Ср. также определенную параллель первой строфы третьей главки поэмы со строчками «Снова голубь Иорданский // Над землею воспарил» из «Поддонного псалма» Н.А.Клюева — сочинения, к которому не раз обращался Есенин на рубеже 1917—1918 годов (см. его письмо Иванову-Разумнику конца декабря 1917 г. и статью «Отчее слово», <1918>). Впрочем, употребленное здесь Есениным слово «голубица» (вместо «голубь») несет дополнительную смысловую нагрузку — ведь в одном из народных поверий «называют голубицею» (Аф. III, 222) человеческую душу. В свете этого заглавие «Иорданская голубица» вполне соответствует содержанию произведения: в целом оно безусловно навеяно мифопоэтическими представлениями о посмертной судьбе тех человеческих душ, которые переселяются в рай или, говоря словами поэмы, в «благие селенья» (см. последующий комментарий).

Гусей <...> стая // <...> // То душ преображенных // <...> рать.— Ср.: «...душа, по мнению наших предков, излетала из человеческого тела птичкою, мотыльком или другим крылатым насекомым, и в этом виде возносилась в царство блаженных. Под влиянием такого воззрения, в <...> отлете птиц осенью стали усматривать удаление душ в небесные области...» (Аф. III, 292).

Летит в небесный сад. // А впереди их лебедь...— Ср.: «...тени усопших ищут вечно цветущих лугов и вечнозеленого сада, но достигают туда только одни доброде-

тельные. Этот небесный сад (рай) преисполнен роскошными цветами и плодами...» (Аф. III, 257); «предания представляют аиста, лебедя <...> проводниками усопших» в рай (Аф. III, 293).

Звездами вбитая высь.— Ср.: «Греко-римское представление звезд блестящими головками гвоздей, вбитых в кристальный свод неба, <...> подтверждается и нашими сказками...» (Аф. I, 281). Б.В.Нейман усмотрел параллель между этими словами и загадкой «Сито-Вито гвоздями убито» (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, [вып.] 4/5, с. 206).

Вижу вас, злачные нивы, // С стадом буланых коней. // С дудкой пастушеской в ивах // Бродит апостол Андрей.— Наблюдение А.М.Авраамова (в его кн. «Воплощение. Есенин — Мариенгоф», М., 1921, с. 24), что в данном случае апостол Андрей является метафорическим олицетворением месяца, соответствует сказанному в «Поэтических воззрениях...»: «...здесь <в загадке: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый»> дается ему <месяцу> человеческий образ, <...> он является <...> пастухом, который пасет небесное стадо. Стадо это — бесчисленные звезды...» (Аф. I, 692). Апостол Андрей — один из двух учеников Иоанна Крестителя, последовавших за Иисусом (Иоан. I, 40); по преданию, проповедовал и в России.

Все мы... // В тех благих селеньях будем, // Где протоптан Млечный Путь.— Ср.: «Когда человек умирает, душе его предстоит далекое и многотрудное странствование, чтобы достигнуть светлого неба и водвориться там в блаженных селениях...» (Аф. III, 279); «Млечный путь и мост-радуга в поэтических сказаниях индоевропейских народов представлялись священными дорогами, <которыми> <...> следовали души усопших, устремляясь в

пресветлый рай» (Аф. III, 282). Употребленное Есениным слово «протоптан» также имеется на одной из страниц «Поэтических воззрений...», соседствующих с цитированными (Аф. III, 280).

Древняя тень Маврикии.— Речь идет о дубраве Мамре; подробнее см. выше в комментарии к «Октоиху» (с. 316—317).

Дождиком в нивы златые // Нас посетил Авраам.— Вероятно, здесь Авраам выступает по воле автора не только как библейский персонаж, живший у дубравы Мамре (см. Быт., гл. XII—XXV), но и как водорожденный бог древних (о нем подробнее в комментарии к «Преображению», с. 331, 333).

Инония (с. 61).— Зн. тр., 1918, 19 (6) мая, № 205, без ст. 61—72, 101—104, 109—172 и с примечанием редакции: «Отрывки из поэмы, имеющей появиться в № 2 журнала „Наш Путь"»; журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май <фактически: 15 июня>, с. 1—8; $П_{18}$; сб. «Россия и Инония», Берлин, 1920, с. 69—80; $П_{21}$; Рж. к.; Грж.

Автограф ст. 1—2 поэмы (РГАЛИ) предварен словами: «Посвящаю З.Н.Е.», т.е. З.Н.Райх, в то время — жене поэта. Беловой автограф первоначальной редакции — РГАЛИ.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 89 («Олипий» вместо «Олимпий») по большинству остальных источников. Датируется по Рж. к.

В черновике автобиографии «О себе» (1925) Есенин заметил: «В начале 1918 года я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму «Инония»...» В.С.Чернявский, часто встречавшийся с поэтом в октябре—декабре 1917 года, вспоминал: «Про свою „Инонию", еще никому не прочитанную и, кажется, только заду-

манную, он заговорил со мной однажды на улице, как о некоем реально существующем граде, и сам рассмеялся моему недоумению: „Это у меня будет такая поэма... Инония — иная страна"» (Восп., 1, 220). Беседуя с А.А.Блоком 3 января 1918 года, Есенин, судя по блоковской дневниковой записи, сказал: «Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия)» (Восп., 1, 175). Отчетливо перекликаясь со ст. 7—8 «Инонии» (отмечено И.С.Правдиной — сб. «Есенин и русская поэзия», Л., 1967, с. 127—128), данное высказывание косвенно свидетельствует о том, что работа над поэмой была начата Есениным еще до этой встречи с Блоком. Кроме того, звучащие в «Инонии» проклятия Китежу (ст. 41) и Радонежу (ст. 61) имеют не только общий характер. Они говорят также о тогдашнем размежевании Есенина с Н.А.Клюевым, для которого Китеж и Радонеж были неоспоримыми национальными духовными святынями. Одним из поводов к этому послужил выход в свет (между 14 и 20 декабря 1917 года) Ск-2 с апологетической по отношению к Клюеву статьей Иванова-Разумника «Поэты и революция»; о подробностях ситуации и сопутствующих ей обстоятельствах см.: Субботин С.И. «Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений».— «О,Русь, взмахни крылами...: Есенинский сборник. Вып. I», М., 1994, с. 104—120. Из всего этого явствует, что зарождение замысла «Инонии» приходится на последние месяцы 1917 года. К тому же и сам Есенин в Рж. к. первоначально датировал поэму не 1918-м, а 1917-м годом. В январе 1918 года она, очевидно, была завершена.

Известно, что Есенин одно время рассматривал «Инонию» как часть более широкого творческого замысла: так, в анонсе Зн. тр. (1918, 7 апреля, № 174) она именовалась отрывком из поэмы «Сотворение мира». Од-

нако никаких более поздних сведений о произведении Есенина с таким заглавием нет.

Спустя несколько лет, пользуясь терминологией своих «Ключей Марии», Есенин попытался так истолковать образ, ставший названием его поэмы: «Образ ангелический, или изобретательный, есть воплощение движения или явления, так же как и предмета, в плоть слова. На чувстве этого образа построена вся техническая предметная изобретательность, а также и эмоциональная. <...> На образе эмоционального ангелизма держатся имена незримого и имматериального, когда они, только еще предчувствуемые, облекаются уже в одежду имени, например, чувство незримой страны „Инония“...» (статья «Быт и искусство», <1920>).

О творческом подъеме поэта на рубеже 1917—1918 годов В.С.Чернявский писал: «В дни, когда он был так творчески переполнен, „пророк Есенин Сергей“ с самой смелой органичностью переходил в его личное «я». Нечего и говорить, что его мистика не была окрашена нездоровой экзальтацией, но это все-таки было бесконечно больше, чем литература; это было без оговорок — почвенно и кровно, без оглядки — мужественно и убежденно, как все стихи Есенина»* (Восп., 1, 220). Сходное ощущение осталось от встреч с Есениным (в Москве 1918 года) и у В.П.Полонского: «...он исходил песенной силой, кружась в творческом неугомоне. В нем развязались какие-то скрепы, спадали какие-то обручи,—

* Весь словарь его поэм («Инонии» в первую голову) при тогдашней его фанатической вере в самодовлеющее слово-образ определяет в своих сгустках напряжение его личного темперамента. Характерны его глаголы: «не устрашусь, вздыбливаю, выплевываю, раскушу, проклюю, вылижу, вытяну, придавлю» <*примеч. В.С.Чернявского*>.

он уже тогда говорил о Пугачеве, из него ключом била мужицкая стихия, разбойная удаль, делавшая его похожим на древнего ушкуйника, молодца из ватаги Степана Разина. Надо было слышать его в те годы: с обезумевшим взглядом, с разметавшимся золотом волос, широко взмахивая руками, в беспамятстве восторга декламировал он свою замечательную „Инонию", богоборческую, дерзкую, полную титанических образов,— яростный бунт против старого неба и старого бога. Он искал точку, за которую ухватиться: „Я сегодня рукой упругою // Готов повернуть весь мир". Это было в те годы самым сильным его ощущением» (журн. «Новый мир», М., 1926, № 1, январь, с. 154—155). Чтение Есениным «Инонии» на улицах Харькова весной 1920 года описано свидетелями — Л.И.Повицким (Восп., 2, 241) и Э.Кротким (в кн. «С.А.Есенин: Материалы к биографии», М., 1993, с. 173, 397) — разноречиво.

«Инония» (сравнительно с другими сочинениями поэта) вызвала, пожалуй, наибольшее число откликов при его жизни — ныне их выявлено свыше пятидесяти (причем эти данные вряд ли можно рассматривать как исчерпывающие).

Уже через неделю после публикации отрывков из поэмы появились отзывы, в которых обозначились две противоположные тенденции ее трактовки. Статья И.А.Оксёнова «Слово пророка» была проникнута сочувствием к содержанию «Инонии» и к ее автору: «Не всякому дано сейчас за кровью и пылью наших (все же величайших) дней разглядеть истинный смысл всего совершающегося. И уже совсем немногие способны поведать о том, что они видят, достаточно ярко и для всех убедительно.

К последним немногим, отмеченным Божией милостью счастливцам, принадлежит молодой рязанский певец, Сергей Есенин, выросший за три года в большого народного поэта. <...>

Венцом его поэтической деятельности кажется нам поэма „Инония“ <...>. Пророчески звучит эта поэма. Небывалой уверенностью проникнуты ее строки. Головокружительно высоки ее подъемы» (Зн. бор., 1918, 26 мая, № 56; вырезка — Тетр. ГЛМ; ср. также еще один отклик И.А.Оксёнова — журн. «Жизнь железнодорожника», Пг., 1918, № 30, 15 октября, с. 8; подпись: А.Иноков).

Московский рецензент, напротив, иронизировал: «Наши молодые поэты из футуристов друг перед другом щеголяют гиперболами.

Маяковский наряжает облако в штаны. <...>

Сергей Есенин не отстает от них, наоборот, старается перегнать: „До Египта раскорячу ноги <и т.д.>“ <...>

Ну-ка, братцы, Маяковский, Каменский и прочие, чем вы теперь <...> убьете Есенина? Публика ждет очередных гипербол.

Все же развлечение» (газ. «Воскресные новости», М., 1918, 26 (13) мая, № 9; подпись: Перо; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Чуть позже — 9 июня 1918 года — Н.И.Колоколов писал Д.Н.Семёновскому: «Есенин подвизается, кажется, в „Знамени труда“. Если не ошибаюсь, именно там появился его вопль „Господи, отелись!“ и обещание „раскорячить ноги до Египта“ или что-то в этом роде... Забавно и — очень грустно. Вот что могут сделать в год-два беззастенчивые захваливания безответственных людей, коих мы в простоте сердечной именуем критиками. Кажется, Есенин начинает подражать... Маяковскому. Нелепый

опыт! Я по-своему ценю Маяковского, этого поэта-лешего, вносящего живописный хаос в парнасские сады, но видеть Есенина в роли его подражателя мне не хотелось бы. Впрочем, я все же надеюсь, что когда-нибудь Есенин вынырнет из того омута литературной дешевки, в который упал» (Письма, 318).

Скорее всего, под впечатлением от этого письма Д.Н.Семёновский вскоре так высказался в печати: «Не будем говорить о так называемых „поэтах-народниках" из „Знамени труда", к числу которых принадлежат: Н.Клюев, С.Есенин, П.Орешин и другие. Под величавый шаг восставших масс, под пестрый вихрь великих событий, они, подобно канатным плясунам, стремясь обратить на себя внимание, принимают неестественные позы... <...> С.Есенин воображает себя пророком: „...я по библии — пророк Есенин Сергей" — хочет „выщипать у Бога бороду". <...> Не об этих фиглярах от поэзии мы будем говорить» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 15 июня, № 81(166); подпись: Д.С-кий).

В те же дни вышел в свет второй номер журнала «Наш путь», где «Инония» была напечатана полностью в сопровождении статьи Иванова-Разумника «Россия и Инония». Критик, продолжив начатую И.А.Оксёновым апологию поэта-пророка, в то же время использовал поэму Есенина для утверждения собственной социальной и мировоззренческой позиции:

«„Тело, Христово тело, выплевываю изо рта",— говорит <Сергей Есенин>. И, быть может, многие увидят в последнем только голое „кощунство", в то время как в нем — лишь разрыв с историческими формами христианства.

Нет, не с Христом борется поэт, а с тем лживым подобием его, с тем „анти-Христом", под властной рукой

которого двадцать веков росла и ширилась историческая церковь. <...>

<...> вся „Инония" — не богохульство, а богоборчество; всякое же богоборчество есть и богоутверждение нового Слова:

Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!..

Давно было сказано, что Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. С тех пор, однако, историческое христианство только и делало Бога живых — Богом мертвых. Оно постоянно входило в союз со всем мертвым, чтобы „прободать копьем клыков" все живое, „всех зовущих и всех дерзающих". И вот — в грозе и буре мирового вихря объявилась миру новая весть весны: старый мир смятется и сметется, новый мир восстанет и встанет, святое семя будет новым корнем. Пусть мертвые хоронят мертвых,—

Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых!

И в этом ином граде все будет по-иному.

<...> В христианстве страданиями одного Человека спасался мир; в Социализме грядущем — страданиями Мира спасен будет каждый человек. Старый путь отвергает новая вера: „Не хочу восприять спасения <и т.д.>"

Это говорит тот самый поэт, который в недавней поэме „Пришествие" взывал к неведомому Богу: „Ей Господи, Царю мой! Дьяволы на руках укачали землю. Снова пришествию Его поднят крест. Снова разверзается небо... Лестница к саду твоему — без приступок"... Видел тогда поэт: „лестница к саду твоему без приступок"; знает он

теперь: „не хочу я небес без лестницы... Я хочу, чтоб на бездонном вытяже мы воздвигли себе чертог“... <...>

Погибнет мир старый, родится мир новый; когда-нибудь,— верили раньше — после крови и мук придет человечество в „град чаемый“. Видит поэт его воочию: „вижу тебя, Инония, с золотыми шапками гор“... И видит он ее не потому, что в нее „когда-нибудь“ придут, на костях наших создавая себе далекое свое блаженство: это изжитая, еще Герценом опрокинутая „теория прогресса“ как цели мировой жизни. Нет, такая „Инония“ нам не нужна; ее-то и надо взорвать в первую очередь; это ее обещало когда-то христианство в своей эсхатологии. „Инония“ наша не *там*, а *здесь*, она не вне нас, она *в нас самих*. Но мы должны бороться за то, чтобы не осталась она *только* в нас...

<...> Поэмы Блока, Есенина, Белого <“Двенадцать“, „Инония“, „Христос Воскрес“> — поэмы „пророческие“, поскольку каждый подлинный „поэт“ есть „пророк“. И все истинные поэты всех времен — всегда были „пророками“ вселенской идеи своего времени, всегда через настоящее провидели в будущем *Инонию*» (журн. «Наш путь», Пг., 1918, № 2, май <фактически: 15 июня>, с. 144—150; выделено автором).

И.Н.Розанов обратил особое внимание на характер богоборчества Есенина: «Наиболее запросто обходится с Христом С.Есенин. У него он появляется „товарищем Иисусом“. <...> Поэты из народа пошли гораздо дальше А.Блока и А.Белого: Христос не только с нами, наш, но мы, т.е. революционный народ, и Христос — это, в сущности, только две ипостаси божества; а если „мы сами Христы“, то никакого другого и не нужно — вот итог, к которому приходит Есенин в своей последней поэме „Инония“, где он заявляет, что „тело, Христово

тело выплевывает изо рта", себя объявляет он пророком Сергеем и затем начинает бахвалиться — „даже Богу я выщиплю бороду". В этой поэме поэт из народа, кое-что обещавший, является бледным подражанием Маяковскому»* (газ. «Понедельник», М., 1918, 8 июля, № 19).

Поэма Н.А.Клюева «Медный Кит», напечатанная в октябре 1918 г. в Петрограде (на обложке одноименной книги: 1919), была написана вслед «Инонии» Есенина (непосредственно упоминаемой и в самом клюевском тексте). Рисуя в «Медном Ките» собственную символическую картину происходящих в России революционных событий, во многом перекликающуюся с полотном поэмы Есенина, Клюев, тем не менее, охарактеризовал здесь «новое небо и новую землю» России в смысле, противоположном есенинскому:

То новая Русь — совладелица ада,
Где скованы дьявол и Ангел Тоски.

Несколько откликов на «Инонию» появилось после выпуска П$_{18}$. Пролеткультовская критика была на этот раз не вполне единодушна. П.И.Лебедев-Полянский писал так: «В стихах Есенина нет даже здоровых крестьянских настроений. <...> Даже столь часто призываемый поэтом Бог „по-иному над нашей выгибью // Вспух не-

---

* Как бы ответом на это суждение стали слова Иванова-Разумника в статье «„Мистерия" или „буфф"? (О футуризме)» (другое название — «„Футуризм" и „вещь"»), написанной на рубеже 1918—1919 годов: «И не то что богоборчество Ивана Карамазова — куда там! — но и богоборчество „Инонии" Сергея Есенина еще не по плечу Владимиру Маяковскому» (в сб. «Искусство старое и новое», Пб., 1921, с. 54; см. также журн. «Книга и революция», Пб., 1921, № 8/9, февраль-март, с. 25).

зримой коровой..." Возможно, что любители такой „изысканной" поэзии кривляющихся интеллигентов есть; но рабочему классу она совершенно не нужна. В нашем трудном, но великом творчестве новой жизни она только мешает и раздражает. С.Есенин думает, конечно, иначе. Он горделиво заявляет „До Египта раскорячу ноги <и т.д.>". Что-то жутко бредовое. Зачем корячиться до Египта или впиваться в снежнорогие полюса? <...> По силам ли это, не есть ли это интеллигентское бахвальство...» (журн. «Пролетарская культура», М., 1919, № 6, февраль, с. 42—43; подпись: В.Г-ъ). Ф.Радванский высказался критически, но менее жестко: «Жив в нем <Есенине> тот боевой, хочется сказать, мальчишеский задор, который может стать революционным порывом, если пойдет на дело, сольется с мощным потоком пролетарского строительства нового мира. <...> Но у нас, у строящего новую, свободную культуру пролетариата,— это настоящее революционное дело, действительное строительство счастья на земле,— у Есенина лишь праздное, порою непристойное зубоскальство <...> из всей „народности" сохранились лишь буйный разгул, крикливость, нарочитая порою грубость образов <...> да лжемистицизм, „библейская мудрость" церковных начетчиков <...>. Будем все же надеяться, что для Есенина настанет скоро действительное *преображение*. Для того и говорим мы ему горькую правду: тормошить мертвецов — напрасный труд, нам же ты *такой* не нужен. Брось перекрашивать „под революцию" старую негодную ветошь, брось шутовские „пророческие" ризы, заговори простым человеческим языком» (журн. «Горн», М., 1919, № 2/3, февраль—март, с. 114—115; подпись: Ф.Р.; выделено автором; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Отрицательное отношение к богоборчеству Есенина разделили также и другие критики. Так, О.Л.Шиманский обвинил поэта в том, что он «побивает рекорд религиозной развязности», и даже в «mania grandioza» (журн. «Свободный час», М., 1919, № 8(1), январь, с. 8; подпись: О.Леонидов; вырезка — Тетр. ГЛМ). С горечью писал об «Инонии» В.Л.Львов-Рогачевский: «„Пророк Есенин Сергей", надо полагать, пока не страдающий манией религиозного помешательства, пытается создать на место Бога смерти божество живых <...>. С телячьей радостью поет-мычит Есенин о своем „отелившемся боге", на радость Шершеневичам и Мариенгофам славит новое Вознесенье, нагромождает образы, один нелепее другого...» (в его кн. «Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин», М., 1919, с. 58).

От нарочитой образности предостерегал автора «Инонии» и Л.И.Повицкий: «...заменить их <другие средства выразительности поэтической речи> одной „образностью" — это значит обезоружить себя, стать слабее и беспомощнее в трудной борьбе с таким могучим противником, как художественная речь. Этого не следует делать ни одному художнику, хотя бы он себя чувствовал трижды богатырем, хотя бы он мог гордо воскликнуть: „Не устрашуся гибели <и т.д.>"» (газ. «Наш голос», Харьков, 1919, 11 апреля, № 78; вырезка — Тетр. ГЛМ). В то же время Д.Н.Семёновский отнесся к образам «Инонии» вполне сочувственно: «Сергей Есенин — поэт образа. Образы в его стихах всегда выразительны, крепки, порой преувеличены. Есенин широко пользуется гиперболами. У него „сосны растут на ладонях полей", „кто-то натянул на небе радугу, как лук". А как изобразительны эти его строчки: „Грозовой расплескались вьюгою // От плечей моих восемь крыл"» (газ. «Рабочий край», Иваново-Воз-

несенск, 1919, 21 февраля, № 41(368); подпись: Дельта; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Спустя два года после $П_{18}$ «Инония» вышла вновь — в составе сборника «Россия и Инония» (издательство «Скифы», Берлин) — и тогда же получила заметный резонанс в печати русского зарубежья. Первый (из известных нам) по времени отклик на «скифское» издание поэмы имел явно выраженную политическую окраску, к тому же совершенно не отвечая действительности: Н.Г.Козырев объявил «Инонию» «диссертацией на получение привилегированного пайка» (газ. «Сегодня», Рига, 1921, 7 января, № 5; подпись: Ник.Бережанский). Сборником «Россия и Инония» был порожден и другой политический памфлет — статья Е.Н.Чирикова «„Инония"», в которой поэма Есенина стала материалом для демонстрации антисоветской позиции автора (газ. «Общее дело», Париж, 1921, 28 февраля, № 228).

Рецензент ревельской эсеровской газеты попытался вернуть «Инонию» (и поэмы А.Блока, А.Белого и др., тогда же переизданные в Берлине) в контекст времени, вызвавшего эти стихи к жизни: «...вся плеяда изданных „Скифами" поэтов, во главе со своим комментатором и идеологом Ивановым-Разумником, стоит на позиции признания октябрьского переворота актом революционным, прогрессивным и обновляющим. Такова была их оценка в 17 и 18 гг. Изменилась ли она с тех пор, мы, к сожалению, не знаем, ибо более поздние произведения их в зарубежной печати до сих пор не появлялись. <...> ...поэма „Инония" — определенное и глубокое отрицание всего старого мира, вплоть до изгнания христианских символов и замены их какими-то полуязыческими полуиндуистскими символами — вплоть до порицания национального прошлого „свя-

той Руси"» (газ. «Народное дело», Ревель, 1921, 3 февраля, № 25(149); подпись: Л.П.).

М.О.Цетлин, также памятуя о трехлетнем сроке, прошедшем со времени создания «Инонии» до ее выпуска в Берлине, высказался следующим образом: «Поэма „Инония" очень талантлива, очень ритмична и образна. Напрасно осмеяно в газетах столько нашумевшее мистическое „божье теление". Те, кто знали по прежним стихам Есенина про его страстную истинно крестьянскую любовь к коровам,— не удивятся, что именно этот образ явился у поэта для символа таинственного рождения в мире нового, в данном случае — страны Инонии. Поэт, видно, искренне вспыхнул радостным ожиданием нового мира. Увы, теперь мы знаем, во что преобразилась эта крестьянская „Инония" и что стало с ее хатами и нивами. Но ведь тогда этого еще не было видно» (журн. «Современные записки», Париж, 1921, <кн.> III, 27 февраля, с. 250—251).

На «сектантски-хлыстовскую» стихию поэмы обратили внимание П.Н.Савицкий (журн. «Русская мысль», София, 1921, кн. I/II, с. 224; подпись: Петроник), М.Л.Слоним (газ. «Воля России», Прага, 1921, 3 февраля, № 119; подпись: М.Сл.), А.С.Ященко (журн. «Русская книга», Берлин, 1921, № 3, март, с. 10).

Наиболее развернутым откликом на есенинскую поэму в тогдашней зарубежной русской печати стала статья А.Киселева «Мессианство в новой русской поэзии: „Пророк Есенин Сергей"». Ее автор, в частности, писал: «Я уверен, что большинству из читающих „Инонию" в первый раз она не понравится. <...> Но <...> даже наиболее возмущенные, наиболее недоумевающие должны будут сделать некоторое усилие, чтобы стряхнуть с себя обаяние ее угловатой силы. <...> Кто даст себе труд внимательно прочесть „Инонию", тот поразится ее мрачным огнем.

<...> Поэт, пришедший из темных низов, с периферии социального круга, чтобы перевернуть мир и оставить на нем следы „нового вознесения“, не мог втиснуть своей поэтической проповеди в старые, школьные, вылощенные формы. Они убили бы его вдохновение, стеснили бы его, как шнурованные башмаки стеснили бы Иеремию. <...> Характерные рубящие перебои ритма и мрачные, глухие ассонансы, шипящие и свистящие аллитерации <...>, обилие рифм, построенных на отдаленных созвучиях (гибели — библии, иконах я — Инония), диссонансы (Радонеж — залежи, погибнете — выгибью), навязчивые представления, как „прободать“ или „проклевать“, постоянные „говорю вам“ — все это дает свой своеобразный стиль, свою поэтическую манеру, дикую художественность, потрясающую, как музыка бури. Мы забываем, как Есенин грозит нам:

Пятками с облаков свесюсь (sic!),
Прокопытю души, как лось,

и готовы верить ему, когда он говорит:

Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

<...> Обращаясь к старому миру, олицетворенному в виде Америки, технически мощной, но слабой своею бездушностью и безверием, поэт еще раз ставит русскую тему о примате религиозно-этических ценностей над ценностями материальной культуры. Эта культура несет в себе зародыши гибели, опустошения души, упирающейся в бессмысленное накопление, ибо „проволочные лучи“, которыми культура опутала землю, „не осветят пришествия“ нового Бога. <...>

Таковы пророчества Есенина. Напрасно было бы, конечно, искать в его замечательной „Инонии“ предсказаний

конкретных исторических событий. Она вся вращается в сфере религиозно-социальных идей, облеченных в тяжелые символы. Исторические события развиваются, не считаясь с пророчествами. Но что мы стоим на великом переломе, что в душе нового человека назревают новые ценности, без которых „нечем жить“,— в этой основной мысли „Инонии“ ее значение, переходящее за грани текущего дня» (газ. «Путь», Гельсингфорс, 1921, 31 марта и 1 апреля, №№ 32 и 33).

В то же время Ф.В.Иванов, размышляя об особенностях лирической поэзии Есенина («Мягкий, женственный, <...>, тихой поступью монашки идет он по дороге русской литературы. <...> Пейзаж его любимый — тихий вечер, настроение — грустное раздумье...»), пришел к такой оценке поэмы:

«Неудачливость „Инонии“ — в свойстве дарования самого Есенина. От послушания — к богоборчеству. Это не его тема. Потому выкрики Есенина в „Инонии“ не действуют. <...> И Есенин чувствует свое бессилие. Поэма блещет преувеличенностью образов. Постоянное форсирование таланта. Крикнуть посильнее, чтобы скрыть свою собственную немощность. Напряженность в каждой строфе, в каждом слове <...>. И рядом маленький оазис в пустыне безнадежной революционной риторики, типичный в устах прежнего Есенина, творца „Триптиха“ и „Голубени“ <приведено начало четвертой главки „Инонии“>. <...> В „Триптихе“ — та же тема, что и в „Инонии“, но иной подход. В „Инонии“ — наигранное богоборчество. В „Триптихе“ — покорная женственная скорбь. <...> От Руси — к Инонии, от тихой веры к пафосу разрушения, от Китежа мечты родной к Китежу суровой действительности. Таков крестный путь Есенина. Опалит ли он крылья в разрушительном огне его или это новый искус

таланта — покажет будущее» (газ. «Голос России», Берлин, 1921, 20 июля, № 714. Переиздано в кн. Ф.Иванова «Красный Парнас», Берлин, 1922, с. 62—66; вырезка из этой книги с вопросительными знаками на полях — Тетр. ГЛМ).

Одновременно с берлинским изданием «Инонии» в Москве вышел в свет сборник П$_{21}$, где также содержалась поэма. Рецензируя его, П.В.Пятницкий писал, что «Инонию» «нужно считать самым значительным стихотворением» (журн. «Книга и революция», Пб., 1921, № 7, январь, с. 55; подпись: Кий).

К откликам на П$_{21}$ можно отнести также открытое письмо В.Г.Шершеневича, адресованное «в град ИНОНИЮ. Улица Индикоплова. Сергею Александровичу Есенину», где среди рассуждений о есенинской поэзии имелось и содержавшее долю яда: «Самой твоей характерной чертой является строительство нового образа, поскольку он помогает строительству нового мира, хотя бы мира несуществующего. <...> Когда не хватает образа, ты просто заменяешь словом „иной“ или „новый“ <следует целая страница из строк революционных поэм Есенина, примерно половина которых взята из „Инонии“>. И так далее, до бесконечности» (в кн. В.Шершеневича «Кому я жму руку», <М., 1921>, с. 42—44).

После выступлений поэта за границей (1922—1923 годы) и выхода в свет Грж. к уже имевшимся зарубежным отзывам об «Инонии» прибавились и другие. Эти высказывания (большей частью варьировавшие то, что было написано о поэме ранее) были сделаны И.Г.Эренбургом (в его кн. «Портреты русских поэтов», Берлин, 1922, с. 82; вырезка — Тетр. ГЛМ), Ю.В.Офросимовым (газ. «Руль», Берлин, 1922, 18 июня, № 481; вырезка — Тетр. ГЛМ), Е.С.Шевченко (газ. «За свободу!», Варша-

ва, 1922, 4 октября, № 271; подпись: Е.Ш.), А.В.Бахрахом (газ. «Дни», Берлин, 1922, 24 декабря, № 48, а также лит. альманах «Струги», кн. 1, Берлин, 1923, с. 204; вырезка — Тетр. ГЛМ), С.Я.Алымовым (журн. «Гонг», Харбин, 1923, № 2, март, с. 22; подпись: Арум), Н.Брянчаниновым (журн. «La Nouvelle Revue», Paris, 1923, Mai 15, p. 106; подпись: N. Brian Chaninov), К.В.Мочульским (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31). В то же время появился дополнительный оттенок трактовки есенинского богоборчества. Е.В.Аничков писал: «...не случайно, что упорно, с надрывом, точно сознательно преследуя какую-то неясную цель, богохульствует Есенин. <...> В самом деле, никогда не богохульствует безразличный к вере. Зачем бы он стал? Да и вышло бы бледно, не говоря уже о том, что это не доставило бы ему никакого удовольствия. Богохульствует богоборец: богоборец же всегда носит покаяние в сердце своем. Это не решающееся высказаться покаяние богохульников и вычитываешь из бахвальства стихов...» (в его кн. «Новая русская поэзия», Берлин, 1923, с. 141—142). Чуть позже в таком же духе высказался П.Д.Жуков (журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 ноября, с. 10).

В 1924—1925 годах более или менее беглые упоминания «Инонии» содержались в работах о Есенине таких авторов, как Л.И.Повицкий (газ. «Трудовой Батум», 1924, 8 июня, № 128), И.В.Грузинов (Гост., 1924, № 1(3), с. <17>), Г.Лелевич (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь—октябрь, с. 181; вырезка — Тетр. ГЛМ), А.Б.Селиханович (Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217; вырезка — Тетр. ГЛМ), В.Л.Львов-Рогачевский (в его кн. «Новейшая русская литература». 2-е изд., испр. и доп., М. (на обл.: М.— Л.), 1924, с. 319—320), Б.Маковский (газ. «Полесская правда», Гомель, 1925,

17 мая, № 111; вырезка — Тетр. ГЛМ), И.С.Ежов (в кн. «Русская поэзия XX века: Антология», М., 1925, с. XLVI). Лишь А.К.Воронский (в своем литературном портрете Есенина) уделил «Инонии» много внимания:

«Революция во многом все-таки преобразила поэта. Она выветрила из него затхлую, плесенную церковность: „Проклинаю я дыхание Китежа <и т.д.>". Это — хорошо по существу: с Китежем и с часословом в эпоху социальной революции, в век сверхкапитализма и сверхимпериализма далеко не уедешь. Но старый Китеж можно подменить новым, вместо древнего часослова можно попытаться написать другой, свой. Так оно на самом деле и есть у Есенина. <...> для Есенина его рай, его „Инония" — не метафора, не сказка, не поэтическая вольность, а ожидаемое будущее.

<...> „Инония" представляет значительный шаг вперед, так как знаменует отход от церковности к реальному миру. <...> „Инония" Есенина есть идеал нашего мелкого трудового собственника-крестьянина. Века крепостного, помещичьего, полицейского гнета воспитали в нем жажду покончить со старым <...>. Эта жажда лучшего, иного, несомненно, в борьбе с царизмом, с крепостничеством сыграла крупнейшую и благотворнейшую роль. Своеобразно, с мистикой, в нарочитых, имажинистских образах Есенин отразил это в своих стихах об „Инонии", прокляв „Радонеж" и „тело Христово".

<...> Революция наша, безусловно, несет крестьянству избавление не только от гнета помещика и царской опричнины, но и от капитализма, но несет его совсем поиному, чем полагал Есенин. Рабочий, руководящий революцией, уничтожая капитализм, совсем не намерен отказать в гостеприимстве железному гостю. Наоборот, его социализм — индустриальный, совсем непохожий на при-

митивную мужицкую „Инонию“ с сыченой брагой» (Кр. новь, 1924, № 1, январь—февраль, с. 276—279).

Спустя почти полтора года, полемизируя с А.К.Воронским, А.А.Туринцев, в частности, отмечал: «...сказав:

Я иным Тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой цветочный луг,

неминуемо — „Проклинаю я дыхание Китежа и все лощины его дорог“, но сейчас же, сейчас же — „обещаю Вам град Инонию, где живет Божество живых“. Нет, сколько бы ни извинялся Есенин <...> за „самый щекотливый этап“ свой — религиозность, сколько бы ни просил читателя „относиться ко всем его Иисусам, Божьим Матерям и Миколам как к сказочному в поэзии“*, для нас ясно: весь религиозный строй души его к куцему позитивизму сведен быть не может. И после того, как одержимое требование преображения, жажда обрести немедленно же обетованную Инонию чуда не произвели — отчаяния, богоотступничества — нет. По-прежнему взыскует он нездешних „неведомых пределов“. Неизменна его религиозная устремленность, порыв к Божеству...» (журн. «Своими путями», Прага, 1925, № 6/7, май-июнь, с. 26).

С иронией изложил содержание поэмы В.А.Красильников в статье «Сергей Есенин»: «Необходима революция неба <...> — пора растрясти и всколыхнуть миры... Начать революцию следует немедленно. Задача сегодняшнего дня — свержение всех окопавшихся на небе и на земле, как-то: вылизать на иконах лики угодников и святых, снять штаны с Христа, крепко схватить за „белую гриву“ Саваофа и пр. и пр. ...Рук с угодниками не жалеть, ве-

* Цитаты из предисловия поэта (1 января 1924) к несостоявшемуся двухтомному собранию сочинений приведены здесь по очерку А.К.Воронского (Кр. новь, 1924, № 1, январь—февраль, с. 273).

руя — в награду получишь град Инонию...» (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 121). Но еще более пристрастно отнесся к «Инонии» и ее автору И.А.Бунин:

«И вот, наконец, опять „крестьянин" Есенин, чадо будто бы самой подлинной Руси, вирши которого, по уверению некоторых критиков, совсем будто бы „хлыстовские" и вместе с тем „скифские" (вероятно потому, что в них опять действуют ноги, ничуть, впрочем, не свидетельствующие о новой эре, а только напоминающие очень старую пословицу о свинье, посаженной за стол):

Кометой вытяну язык,
До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду,
Молюсь ему матерщиною...
Проклинаю дыхание *Китежа*,
Обещаю вам *Инонию*...

<...> Инония эта уже не совсем нова. Обещали ее и старшие братья Есениных, их предшественники, которые, при всем своем видимом многообразии, тоже носили на себе печать, в сущности, единую. Ведь уже давно славили „безумство храбрых" (то есть золоторотцев) и над „каретой прошлого" издевались. <...> Ведь блоковские стишки:

Эх, эх, без креста,
Тратата! —

есть тоже „инония", и ведь это именно с Есениными, с „рожами", во главе их, заставил Блок танцевать по пути в Инонию своего „Христосика в белом венчике из роз". <...>

„Я обещаю вам Инонию!" — Но ничего ты, братец, обещать не можешь, ибо у тебя за душой гроша ломаного нет, и поди-ка ты лучше проспись и не дыши на меня

своей миссианской самогонкой! А главное, все-то ты врешь, холоп, в угоду своему новому барину!» (газ. «Возрождение», Париж, 1925, 12 октября, № 132, выделено автором).

Своего рода ответом И.А.Бунину стал анализ «Инонии» в контексте всего творчества Есенина, вскоре проведенный В.Ф.Ходасевичем:

«Прямых проявлений вражды к христианству в поэзии Есенина до „Инонии" не было,— потому что и не было к тому действительных оснований. По-видимому, Есенин даже считал себя христианином. Самое для него ценное, вера в высшее назначение мужицкой Руси, и в самом деле могло ужиться не только с его полуязычеством, полухристианством, но и с христианством подлинным. Если и сознавал Есенин кое-какие свои расхождения,— то только с христианством историческим.

<...> Есенин в „Инонии" отказался от христианства вообще, не только от *„исторического"*, а то, что свою новую истину он продолжает именовать Исусом, только „без креста и мук",— с христианской точки зрения наиболее кощунственно. Отказался, быть может, с наивной легкостью, как перед тем наивно считал себя христианином,— но это не меняет самого факта.

Другое дело — литературные достоинства „Инонии". Поэма очень талантлива. Но для наслаждения ее достоинствами надобно в нее погрузиться, обладая чем-то вроде прочного водолазного наряда. Только запасшись таким нарядом, читатель духовно-безнаказанно сможет разглядеть соблазнительные красоты „Инонии".

„Инония" была лебединой песней Есенина как поэта революции и чаемой новой правды. Заблуждался он или нет, сходились или не сходились в его писаниях логические концы с концами, худо ли, хорошо ли,— как ни судить, а

несомненно, что Есенин высказывал, „выпевал" многое из того, что носилось в тогдашнем катастрофическом воздухе. В этом смысле, если угодно, он действительно был „пророком". Пророком своих и чужих заблуждений, несбывшихся упований, ошибок,— но пророком. С "Инонией" он высказался весь, до конца. После нее ему, в сущности, сказать было нечего. Слово было за событиями. Инония реальная должна была настать — или не настать. По меньшей мере Россия должна была к ней двинуться — или не двинуться. <...> Раньше, чем многие другие, соблазненные дурманом военного коммунизма, он увидел, что дело не идет не только к Социализму с большой буквы, но даже и с самой маленькой. Понял, что на пути в Инонию большевики не попутчики. <...>

История Есенина есть история заблуждений. Идеальной мужицкой Руси, в которую верил он, не было. Грядущая Инония, которая должна была сойти с неба на эту Русь,— не сошла и сойти не могла. <...> Он думал, что верует во Христа, а в действительности не веровал, но, отрекаясь от Него и кощунствуя, пережил всю муку и боль, как если бы веровал. <...>

И, однако, сверх всех заблуждений и всех жизненных падений Есенина остается что-то, что глубоко привлекает к нему. Точно сквозь все эти заблуждения проходит какая-то огромная, драгоценная правда. Что же так привлекает к Есенину и какая это правда? Думаю, ответ ясен. Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и пред своею совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки, приняв на себя и то, на что соблазняли его другие... Правда же его — любовь к родине, пусть незрячая, но великая» (журн. «Современные записки», Париж,

1926, <кн.> XXVI, с. 308—311, 312—313, 322; выделено автором).

Пророк Иеремия «за 41 год своей пророческой жизни всюду был преследуем и гоним, зато после смерти, когда стали сбываться все его пророчества, он удостоился глубокого почитания иудеев. <...> Как памятники проповеднической деятельности пpop<ока> Иеремии остались: 1) книга его имени; 2) книга Плач; и 3) Послание» («Полный православный богословский энциклопедический словарь», том I, СПб., <б.г.>, стб. 1037). Книга пророка Иеремии и Плач Иеремии входят в Ветхий Завет.

Золотое словесное яйцо.— См. пояснение к заключительной строфе «Преображения» (с. 335).

Индикоплов Козьма (Косма) — византийский купец и путешественник (VI век н.э.), автор сочинения «Христианская топография», где на основе Библии была изложена теория строения Вселенной.

Чтобы поле... // Выращало ульями злак, // Чтобы зерна... // Озлащали, как пчелы, мрак.— Эти строки прокомментированы в связи с поэмой «Преображение» выше (с. 332—333).

Стая туч... // Словно стая... волков...— Мифологическое происхождение этого образа (с отсылкой к Аф. I, 736) впервые констатировал Б.В.Нейман (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, <вып.> 4/5, с. 215).

На реках вавилонских мы плакали.— Парафраза Пс. CXXXVI, 1.

Говорю вам — вы все погибнете...— Ср.: «Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. XIII, 3 или 5).

Олипий — Олипий (Алипий) Печерский; первое из имен русских иконописцев (XII в.), дошедшее до наших дней. Впоследствии канонизирован.

Не построить шляпками гвоздиными // Сияние далеких звезд.— О мифопоэтическом источнике этого образа см. в пояснении к словам «Звездами вбитая высь» из «Иорданской голубицы» (с. 342).

Слава в вышних Богу // И на земле мир! — Слова из Лк. II, 14; при богослужении предшествуют шестопсалмию на утрени.

Радуга, как лук.— Параллель этим словам в «Поэтических воззрениях...» (Аф. I, 349) обнаружена Б.В.Нейманом (сб. «Художественный фольклор», М., 1929, <вып.> 4/5, с. 215).

Радуйся, Сионе...— начало стихиры на «Господи воззвах», поемой на 8-й глас субботнего богослужения малой вечерни («Православный богослужебный сборник», М., 1991, с. 145). *Сион* — гора в Иерусалиме; символически — царство Божие на небесах и на земле.

Назарет — см. выше в примечаниях к «Певущему зову» (с. 297).

Небесный барабанщик (с. 69).— Журн. «Красный офицер», Киев, 1919, № 3, <июль>, с. 9 (ст. 17—32); журн. «Всевобуч и спорт» (обл.: «Красный всевобуч. Октябрь»), М., 1919, № 1, с. 43; сб. «Конница бурь», М., 1920, <кн. 1>, с. <7—9>; ОРиР.

Авторизованный список рукой неустановленного лица — в макете сб. «Вече», 1919 (РГАЛИ).

Печатается и датируется по наб. экз. (вырезка из ОРиР с пометой Есенина — «поставить после Инонии» и авторской датой: «1918»).

В.А.Вдовин назвал авторизованный список РГАЛИ (1919) «самым ранним текстом, которым мы располагаем» (сб. «Есенин и современность», М., 1975, с. 62). На этом основании было затем предложено датировать «Небесный барабанщик» 1919-м годом, поскольку в упомянутом спи-

ске поэмы есть строки: «Что нам плюющий иконами // В волжскую синь Колчак?», а наступление армии Колчака началось 4 марта 1919 г. (Там же). Однако отождествление самого раннего из известных ныне текстов поэмы с ее первоначальным текстом в настоящее время нельзя провести на строго документальной основе — автографы произведения неизвестны. Поэтому предложение исследователя пока может приниматься во внимание лишь как одна из гипотез.

Об обстоятельствах, предшествовавших и сопутствовавших первой попытке опубликовать поэму, Г.Ф.Устинов вспоминал: «Пред тем, как написать „Небесного барабанщика“, Есенин несколько раз говорил о том, что он хочет войти в коммунистическую партию. И даже написал заявление, которое лежало у меня на столе несколько недель. Я понимал, что из Есенина, с его резкой индивидуальностью, чуждой какой бы то ни было дисциплины, никогда никакого партийца не выйдет. Да и ни к чему это было. Только немного позднее, когда Н.Л.Мещеряков написал на оригинале „Небесного барабанщика“, предназначавшегося мною для напечатания в „Правде“: „Нескладная чепуха. Не пойдет. Н.М.“,— Есенин окончательно бросил мысль о вступлении в партию. Его самолюбие было ранено...» (сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 83—84). Косвенным подтверждением содержания рассказа Г.Ф.Устинова являются слова самого Есенина из очерка «Железный Миргород» (1923), в первопечатный текст не вошедшие: «...лишь бы поменьше было таких ценителей искусства, как Мещеряков...» (сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии», М., 1993, с. 300).

Откликов на поэму было немного. Рецензируя журнал «Всевобуч и спорт», В.И.Блюм отмечал, что в нем «литература пока представлена стихотворением С.Есенина —

„Небесный барабанщик“, при всех неизбежных у Есенина коровах с их хвостами и пасхами с обедней и свечкой все же достаточно бодр<ым> и яростн<ым>...» (газ. «Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов», М., 1919, 6 декабря, № 412; подпись: Тис).

По выходе первого сборника имажинистов «Конница бурь» С.Ф.Буданцев писал: «Сергей Есенин представлен маленькой поэмой „Небесный барабанщик“. Есенин — поэт с сильным лирическим дарованием. Только очень наивные критики могут всерьез принимать наигранный пафос, переходящий в крик, его поэм <следует первая строфа третьей главки поэмы>,— эта неглубокомысленная и старая погудка (слегка на новый лад) вовсе не худшие строки из „Небесного барабанщика“» (журн. «Художественное слово», М., 1920 (на обл.: 1921), № 2, с. 63; подпись: С.Б.).

Таким «наивным» (по терминологии Буданцева) критиком оказался П.С.Коган: «Есенин — один из немногих поэтов, душа которого бушует пафосом наших дней, который радостно кричит: „Да здравствует революция на земле и на небесах“, жаждет битвы и знает, что враги всякого движения — это „белое стадо горилл“. Он чувствует бурную динамику революции, как редкие из наших поэтов. Но он по-своему протянул нити от крестьянской исконной воли к ее конечным целям <приведены две заключительные строки первой главки и две последние строфы второй главки поэмы> (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 259; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Небесный барабанщик.— Источник этого образа — скорее всего мифопоэтический: по одному из народных преданий, изложенному в «Поэтических воззрениях...», «доныне видят в облаках и тучах небесных воинов. <...>

В среде этих ратников есть безголовый барабанщик; зашумит ли в лесу буря — это он стучит в свой громкий барабан» (Аф. III, 173).

Старк Леонид Николаевич (1889—1937) — литератор, партийный журналист, в 1919 году соредактор газеты «Советская страна», где публиковался Есенин; позднее — на дипломатической работе.

Нынче с воды луну // Лошади выпили.— Ср. с «Автобиографией» (1924): «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов».

Пантократор (с. 73).— Газ. «Советская страна», М., 1919, 17 февраля, № 4; сб. «Конница бурь. Второй сборник имажинистов», <М.>, 1920, с. 3—6; $Т_{20}$; Рж. к.; $Т_{21}$; Грж.; $И_{22}$; ОРиР; Б. сит.

Беловой автограф третьей части поэмы (ст. 33—48) — запись в альбоме И.В.Репина (РГАЛИ) с авторской датой: «1919. Февраль 18. Москва».

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по Рж. к.

В первой публикации имелось посвящение: «Р.Ивневу». *Рюрик Ивнев* (Михаил Александрович Ковалев; 1891—1981) — поэт; был знаком с Есениным с 1915 года, участвовал в группе имажинистов. Оставил развернутые воспоминания о Есенине, а также мемуарную заметку «Как Есенин посвятил мне „Пантократор“»:

«Уже первые строчки „Пантократора“ <приведена начальная строфа> меня восхитили. Я жадно слушал, что будет дальше.

Тысчи лет те же звезды славятся...

Я затаил дыхание (Есенин меня предупредил, что стихотворение будет довольно большое), со страхом думая, неужели будет срыв. Я по опыту знал, что если стихотворение сразу, с первых строк, очаровывает, ослепляя своим блеском, то любая следующая строка, чуть-чуть ниже мастерством, может испортить все впечатление даже от хорошего стихотворения.

Но строки летели, как разгоряченные кони, нигде не спотыкаясь. Образы, один ярче другого, плыли над нами, как облака.

Когда он кончил читать, я не мог сдержать своего восторга и, как это было принято у нас, когда какое-нибудь из прочитанных стихотворений нам очень нравилось, я обнял Есенина и поцеловал.

Он почувствовал, что стихотворение мне действительно понравилось, и сказал:

— Ну, раз оно тебе так нравится, то я посвящаю его тебе.

Через несколько дней после этого оно было опубликовано...» (РГБ, ф. Р.Ивнева, автограф с датой: 7 января 1969 г.).

О публичном чтении поэмы на вечере в московском кафе «Домино» (скорее всего, зимой 1919 года) вспоминал А.М.Сахаров: «Читали: Кусиков, Шершеневич и др. Последним вышел Есенин. Вошел на эстраду, кутаясь в свою чуйку, по-извозчичьи засовывая руки рукав в рукав, словно они у него мерзли — и начал читать „Пантократор“. Читал он хорошо, зажигаясь и освобождая себя от всего связывающего. Сначала были освобождены руки, и он энергически размахивал правой рукой, затем на помощь пришла левая, полетела, сброшенная с головы, шапка, из-под которой освободились пышные волосы цвета спелой ржи, волосы золотисто-соломенные с пробором посредине

головы, и он весь закачался, как корабль, борющийся с непогодой. Когда он закончил, в зале была минута оцепенения, а вслед за тем гром рукоплесканий» (ГЛМ).

В марте 1919 г. В.С.Миролюбов (бывший тогда в Москве) пометил в своей записной книжке: «Есенин так прокричал свое стихотворение „Пантократор", что я ничего не понял. Сильный крик. Так нельзя „читать"» (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова; цит. по кн. «Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли», СПб., 1994, с. 36).

Г.Ф.Устинов, в пору повседневного общения поэта с которым был создан «Пантократор», год спустя отмечал: «Человек — Гражданин мира — вот есенинский идеал, коллективное творческое всех во всем — вот идеал есенинского строительства мирового общежития. В „Пантократоре" <...> Есенин больше всего сказался как революционер-бунтарь, стремящийся покорить к подножию Человека-Гражданина мира не только Землю, но и весь мир, всю природу. Он верит в неисчерпаемый источник человеческих сил и талантов, верит в непобедимую силу коллективного творчества,— силу, которая, если захочет, то может вывести Землю из ее орбиты и поставить на новый путь...» (газ. «Советская Сибирь», Омск, 1920, 1 февраля, № 23(94): Лит. прил. № 2).

Эти слова вполне соответствуют дневниковой записи (от 6 марта 1919 года) другого собеседника Есенина того времени — И.В.Репина: «Москва. „Люкс", двенадцать часов ночи. Идет горячий спор о революции. Нас шесть человек. Сергею Есенину охота повернуть земной шар. Нашу русскую зиму отодвинуть на место Сахары, а у нас цвела бы весна: цветы, солнце. И все прочнее в нем горит поэтический огонь... Он живой, славный малой» (РГАЛИ, ф. И.В.Репина; разыскание В.В.Базанова).

По выходе второго сборника «Конница бурь» «Пантократор» был мимоходом выделен С.Ф.Буданцевым: «Поэма „Пантократор“ Сергея Есенина несравненно лучше „Небесного барабанщика“, не оттого ли, что лиричнее? Худшая часть — первая — плоха именно от насыщения ее несвойственной поэту патетикой и восклицаниями» (журн. «Художественное слово», М., 1920 (на обл.: 1921), № 2, с. 63).

Соратники Есенина по имажинизму вскоре стали использовать строки его поэмы в своих эссе для подкрепления тех или иных суждений. Так, А.Б.Мариенгоф открыл главку «В чреве образа» своего трактата об имажинизме следующими словами: «Поэтическое произведение, имеющее право называться поэмой и представляющее из себя один обширнейший образ, можно сравнить с целой философской системой, в то же время совершенно не навязывая поэзии философских задач, а ряд вплотную спиной к спине стоящих образов — с философскими трактатами, составляющими систему.

Для вящей убедительности я считаю возможным процитировать из поэмы „Пантократор“ С.Есенина место, почти удовлетворяющее колоссальным требованиям современного искусства <следуют первые три строфы второй главки поэмы>» (в его кн. «Буян-остров: Имажинизм», М., 1920, с. 15—16; авторская дата — «Май 1920»).

В июне 1920 года (авторская дата) И.В.Грузинов рассуждал: «Имажинизм — поэзия космическая. <...> Космическое в некоторых произведениях С.Есенина выявляется с особой торжественностью, с торжественностью народного праздника <приведены финальные четыре строки „Пантократора“ в первоначальной редакции>» (в его кн. „Имажинизма основное“, М., 1921, с. 19—20).

В свою очередь, Р.Ивневу отрывки из «Пантократора» понадобились для психологической характеристики Есенина: «Тебя нельзя не любить. Было бы дико отрицать твой талант. Но из бархата твоих „лапок“ часто высовывается этот убийственный железный коготок. Под славянскою маской, даже не маской, а кожей — „душное черное мясо“ татарского всадника.

Недаром тебе так хочется с чисто-татарской жестокостью „лошадиную морду месяца // Схватить за узду лучей“. <...> Недаром ты сознаешься: „Не молиться тебе, а лаяться // Научил ты меня, Господь“. Вот это твое нутро, твоя жизнь, твоя правда» (в его кн. «Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича», <М., 1921>, с. 9).

Этот эскиз есенинского «психологического портрета» своей камерностью заметно контрастировал, например, с мнением Н.Н.Асеева, в то время близкого футуризму. Рецензируя Т$_{20}$, Асеев, в частности, писал: «...всюду озлобление и жестокие голодные глаза. Всюду ненависть и недоверие одних — защищающих старое, и сухое невольно-схематическое (о, чтобы не сойти с ума!) расчетливое (1/4 ф<унта> хлеба в день на человека) „военное положение“ других. Что же делать среди этого кошмара реальности поэту? Удалиться ли в мнимые романтические <сны> о более „гуманных временах“? Или опроститься до рычания звериного, выжимаемого из горла, перехваченного рукою жизни. Если нет песни — пусть будет хрип; нет молитвы — пусть будет лай... <приведена вторая строфа „Пантократора“> Но и этот хрип, и этот лай, обвеянные внутренней певучей верой в жизнь и ее радуги, в жизнь, к которой ближе и ближе нас тащит „красный конь“ зари — одно из лучших стихотворений сборника, которое мы приводим целиком <следует четвертая часть

„Пантократора“>» (газ. «Дальневосточная трибуна», Владивосток, 1921, 12 февраля, № 16).

Те же строки о красном коне П.В.Пятницкий квалифицировал в социологическом плане: «Не есть ли это ожидание какой-то народнической революции? В этом нет правильности даже и исторических перспектив» (журн. «Грядущее», Пг., 1921, № 1/3, с. 62; подпись: Кий).

В печати русского зарубежья 1921—1922 годов «Пантократор» фигурировал лишь мимолетно — например, в статьях Б.Ф.Соколова (газ. «Воля России», Прага, 1921, 14 января, № 102) и А.Ветлугина (Нак., 1922, 4 июня, № 57: Лит. прил. № 6; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Более поздние обращения советской критики к поэме, как правило, были связаны со ст. 7—8; их обсуждали П.Д.Жуков (журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 ноября, с. 10), А.Б.Селиханович (Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217; вырезка — Тетр. ГЛМ), С.Б.Ингулов. Последний указывал в рецензии на Б. сит.: «Молитва — самый распространенный образ у нашего поэта. <...> И потому совсем непонятным является неожиданный возглас поэта: „Не молиться тебе, а лаяться // Научил ты меня, Господь“. Не доказано это. Человек на протяжении сотни страниц азартно бьет поклоны — и вдруг такое святотатственное заявление. <...> Непонятно только, почему советский Госиздат ведет дружбу с этим богобоязненным болтуном и так любовно издает в изящном томике мечты и думы о неудавшейся уголовной карьере, выродившейся в занятие ханжеской поэзией» (газ. «Звезда», Минск, 1925, 2 августа, № 175; вырезка — Тетр. ГЛМ). Тогда же В.А.Красильников, имея в виду ст. 11—12 поэмы, иронизировал относительно «способа осуществления... грандиозной революции — оказалось, что расходившаяся мет-

ла в его <Есенина> умелых руках эту революцию осуществит легко» (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 121).

Замечаний собственно о поэтике «Пантократора» было немного. И.В.Грузинов, говоря о «примерах конструкции фразы без глагола, зачастую великолепных» в творчестве имажинистов, первыми привел ст. 21—22 из «Пантократора». Далее он писал: «Иногда глагол, подобно акушеру, помогает рождению образа. Организует образ. Резче и определенней очерчивает его. Примеры <ими стали ст. 33—34>» (в его кн. «Имажинизма основное», М., 1921, с. 8). По мнению Н.Н.Асеева, футуризм несомненно повлиял на поэтику Есенина-имажиниста: «...Есенин откидывает часто предлоги по Бурлюку: „Хвостом земле ты прицепись“ <...>; самые лучшие строки построены по принципу того сложного примитива — сближения логически несоизмеримых понятий, которые озаряют внезапным огнем свежести и нового угла зрения мир. Это способ футуристов...» (газ. «Дальневосточная трибуна», Владивосток, 1921, 12 февраля, № 16).

Пантократор (греч.) — всевластитель, вседержитель. Эти слова, строго говоря, следовало бы писать здесь с прописных букв — богоборческие строки Есенина, о которых уже шла речь выше, свидетельствуют, что заголовок поэмы, без сомнения, связан со Христом. Действительно, в куполах византийских храмов (в частности, Софии Киевской) помещалось иконографическое изображение Христа, получившее (еще в IX в.) именование «Пантократор». Византинист Т.Метьюз так описывает это поясное изображение композиционно:

«Держа Евангелие в левой руке и благословляя правой, Христос смотрит вниз через своего рода окулюс, в обрамлении которого часто используется мотив радуги» (сб. «Восточнохристианский храм: Литургия и искусство»,

СПб., 1994, с. 7). Лик киевского Пантократора, согласно искусствоведу Е.Джордани, характеризуется следующим образом: «Правильные, строгие черты лица, чело, внушающее страх <...> — это означает суровость, неприступность и неумолимый, праведный гнев Вседержителя, вызывающий в том, кто на Него смотрит, страх перед заслуженной карой» (цит. по сб. «Восточнохристианский храм...», с. 8—9). Не исключено, что строки «Не молиться тебе, а лаяться...» не в последнюю очередь навеяны иконографией Христа-Пантократора.

Впрочем, Г.Ф.Устинов расшифровывал заглавие есенинской поэмы как «вечное вращение, вечное движение вперед» (газ. «Советская Сибирь», Омск, 1920, 1 февраля, № 23(94): Лит. прил. № 2). Может быть, это объяснение критик слышал от самого автора. Такой образ вполне мог явиться у Есенина при посещении храма с купольным изображением Христа-Пантократора и рассматривании последнего — ведь для этого нужно было запрокинуть голову... А это безусловно дает некое ощущение вращения пространства храма в целом и человека вместе с ним.

Водолей, Медведица — созвездия; см. также выше (с. 325).

...солнце из выси — // В колодезь златое ведро.— Ср.: «В полдень <...> девы-эльфы являются к *колодцам*, *моются* и чешут свои длинные косы золотым гребнем; нередко эльбина приходит с *золотым ведром*, черпает воду и удаляется с нею в горы, <...> блаженное царство светлых эльфов, тот заоблачный свет, где красуется непрестанная весна, где вечно зеленеют поля, вечно цветут и приносят плоды деревья...» (Аф. II, 731; выделено автором). Ср. также сказание об облачной богине Гольде, которая представляется окруженной «*душами нерожденных*

или *усопших* людей. <...> ...поэтическое представление ее жилища — *колодец*...», который «ведет вверх — на небо... <...> Смертные не иначе достигают в райские селения Гольды, как через глубокий колодец...» (Аф. III, 252—253; выделено автором). Напомним, что один из незаконченных черновых набросков Есенина 1918—1919 гг. имел заголовок «Райские селения» (см. т. 7 наст. изд.).

Предстать у ворот золотых... // Заре на закорки вскочить.— Ср.: «...*золотые ворота* <...> есть не более как поэтическая метафора солнечного восхода: это — те небесные врата, которые каждый день отворяет на востоке богиня Заря и в которые выезжает светозарная колесница Солнца» (Аф. III, 256—257; выделено автором).

Красный конь — образ солнца из русской сказки (см.: Аф. I, 597). О других возможных источниках этого образа см. статью В.Г.Базанова «К символике Красного коня» (сб. «Литература и живопись», Л., 1982, с. 200—201) и цитированную там литературу.

Кобыльи корабли (с. 77).— Сб. «Харчевня зорь», М. (фактически: Харьков), 1920, с. <1—5>; $Т_{20}$; Рж. к.; $Т_{21}$; Грж.; ОРиР.

Беловой автограф ст. 1—40 — ИМЛИ. Беловой автограф (РГАЛИ) исполнен в ноябре 1922 года в Нью-Йорке и входит в состав макета сборника стихотворений Есенина (РГАЛИ), предназначавшегося для перевода и издания на английском языке. История появления текстов этого рукописного сборника изложена А.Ярмолинским в его очерке «Есенин в Нью-Йорке» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1957, кн. 51; см. также РЗЕ, 1, 229—230).

В музее Сергея Есенина в Ташкенте хранится сб. «Харчевня зорь» с авторской правкой поэмы; подроб-

нее о нем см. статью В.Николюка (сб. «О, Русь, взмахни крылами...» , М., 1994, с. 153—161).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по сб. «Харчевня зорь» и Рж. к., где под текстом значится: «Сентябрь 1919». Эта дата корреспондирует с информацией: «С.Есенин выпускает книгу стихов — поэму „Кобыльи корабли“ <...> в роскошном издании, ценой в 100 р., с иллюстрациями Г.Б.Якулова» (журн. «Вестник театра», М., 1919, № 45, 9—14 декабря, с. 15). Помета в наб. экз.— «<19>20» — противоречит всем этим данным.

А.Б.Мариенгоф вспоминал: «В те дни человек оказался крепче лошади.

Лошади падали на улицах, дохли и усеивали своими мертвыми тушами мостовые. Человек находил силу донести себя до конюшни и, если ничего не оставалось больше, как протянуть ноги, он делал это за каменной стеной и под железной крышей.

Мы с Есениным шли по Мясницкой.

Число лошадиных трупов, сосчитанных ошалевшим глазом, раза в три превышало число кварталов от нашего Богословского до Красных ворот.

Против Почтамта лежали две раздувшихся туши. Черная туша без хвоста и белая с оскаленными зубами.

На белой сидели две вороны и доклевывали глазной студень в пустых орбитах. Курносый „ирисник“ в коричневом котелке на белобрысой маленькой головенке швырнул в них камнем. Вороны отмахнулись черным крылом и отругнулись карканьем.

Вторую тушу глодала собака. Протрусивший мимо на хлябеньких санках извозчик вытянул ее кнутом. Из дыры, над которой некогда был хвост, она вытащила длинную и узкую, как отточенный карандаш, морду. Глаза у пса были

недовольные, а белая морда окровавлена до ушей. Словно в красной полумаске. Пес стал вкусно облизываться.

Всю обратную дорогу мы прошли молча. <...>

Все это я рассказал для того, чтобы вы внимательнее перечли есенинские „Кобыльи корабли" — замечательную поэму...» (в его кн. «Роман без вранья». 2-е изд., Л., 1928, с. 43—45).

О поэтике образа в «Кобыльих кораблях» стали говорить прежде всего есенинские сотоварищи-имажинисты. А.Б.Мариенгоф задавался вопросом: «Почему у Есенина „солнце стынет, как лужа, которую напрудил мерин" <...>?» и так отвечал на него: «Поставьте перед „лужей, которую напрудил мерин" <...> знак — и знак + перед „солнцем" <...>, и вы поймете, что не из-за озорства, а согласно внутренней покорности творческому закону поэт слил их в образе» (в его кн. «Буян-остров: Имажинизм», М., 1920, с. 11—12). В.Г.Шершеневич, назвав «самой характерной чертой» Есенина «строительство нового образа», писал (впрочем, не без иронии): «Когда у тебя хватает слова, ты находишь новое сравнение, ибо найти правильный образ значит создать вещь. Была голова и была голова. Не жила, а так как-то прозябала. Не то голова, не то черт знает что такое. Голова, а что такое голова, не знаем. Пришел ты и сказал: головы моей желтый лист — и голова стала существовать» (в его кн. «Кому я жму руку», <М., 1921>, с. 42).

Еще более иронически охарактеризовал образность «Кобыльих кораблей», откликаясь на сб. «Харчевня зорь», А.Э.Беленсон: «В книжке этой, между прочим, рассказывается, что „в мир великий поэт пришел". <...> вот примерный „порядок дня" пришедшего в революционный мир великого поэта: зачислиться в банду подобного коллектива, флиртовать с коровами, затем коварно всту-

пить в брак с овцой и закусить все это одной половиной собственной ноги, другую — великодушно пожертвовав истощенным блокадой читателям.

Такое поведение смело и ярко, но вряд ли своевременно. Ведь это раньше поэты, великие и малые, охотней всего „эпатировали" (т.е. пришибали, ошеломляли) буржуа. Нынешний буржуа настолько уже пришиблен, что половинкой человечьей ноги его не проймешь» (газ. «Жизнь искусства», Пг., 1920, 14 мая, № 451). Правда, чуть ниже критик заговорил уже всерьез: «Превосходные строчки попадаются нередко у Есенина, там, где он не подражает Маяковскому <приведена первая строфа второй главки>» (там же).

Рецензируя Т$_{20}$, критиковал «Кобыльи корабли» и М.А.Дьяконов: «Что касается техники стиха, то какая уж там техника: не до жиру, быть бы живу! Накипь рифмуется с „собакой", кто — со ртом, туда — дал, ужиться — волчице, изглодано — воронов. Понадобилось бы перебрать почти все рифмы, чтобы указать на неожиданные открытия.

В заключение скажем: буржуазная „клубничка" как будто бы уже в прошлом, и все-таки и нынешние поэты нет-нет да и подарят нас стишками <приведена третья строфа третьей главки>.

Русская литература сделала шаг вперед! От брачных утех с козой мы дошли до овцы!» (журн. «Книга и революция», Пг., 1920, № 1, июль, с. 39; подпись: «Триэмиа»).

Если финалу статьи М.А.Дьяконова оказался созвучным отзыв омского рецензента (газ. «Рабочий путь», Омск, 1921, 19 июля, № 29; подпись: Ю.Б.), то его суждения о рифмах поэмы Есенина совпали с мнением Н.А.Клюева (март—апрель 1921 года):

И груз «Кобыльих кораблей» —
Обломки рифм, хромые стопы.
Не с Коловратовых полей
В твоем венке гелиотропы,—
Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...

(первая публикация — в его кн. «Львиный хлеб», М., 1922, с. 55).

Есенин, по-видимому, подразумевал отклик М.А.Дьяконова (стихов Н.А.Клюева он тогда еще не знал), когда писал Иванову-Разумнику в мае 1921 года: «...я <...> отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно, вроде: <...> куда — дал и т.д. Так написан был отчасти „Октоих" и полностью „Кобыльи корабли"». Приведя в том же письме ст. 16 и 23 поэмы, Есенин называет их «образами двойного зрения», т.е. образами, которые в статье «Быт и искусство» (<1920>) он одновременно определил как «корабельные» (ср. также с классификацией образов в третьем разделе трактата 1918 года «Ключи Марии»).

Как видно, сам поэт считал определяющей чертой своего художественного образа его стереоскопичность. Вышеозначенные высказывания критики от такого понимания были далеки: в лучшем случае более или менее добросовестно описывалась какая-то одна грань образности поэзии Есенина. Так, по В.О.Перцову, «Есенин <...> открыт прямому действию сил природы <...>, у Есенина она предстает как органический космос, возрождающий первобытный культ животного мира, тотемизм. <...> Есенин мыслит животными...» (газ. «Новый путь», Рига, 1921, 3 июля, № 123). Нечто подобное писал в связи с «Кобыльими кораблями» и А.Н.Толстой (журн. «Новая рус-

ская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 16; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Конечно, современники поэта размышляли не только над образной структурой поэмы Есенина. Н.Н.Асеев, например, попытался описать, как рождались «Кобыльи корабли» из самой жизни — как поэта, так и общества: «Поэт был там. Ему виднее. В правдивости попыток отобразить искаженные гневом и болью черты мученического лика народа мы не сомневаемся <...>. Порой кажется, что все уже кончено. <...> Ибо слишком велика тяга взятого на себя подвига „не поднять камня <в> ближнего своего“, когда так близка утеха озлобления, отъединения от всего живого.

И вот, не находя возможным войти в толпу жизни, „быть со всеми“, поэт все же не уходит в глубину индивидуального самосозерцания,— нет, он ищет выхода в более широкие просторы песенных исканий. „Буду петь, буду петь, буду петь“ — заклинает он самого себя <...>. Мудрость такого познания умиротворяет вспышки страстного отчаяния, огненными языками лижущего сердце поэта... <...>

Поэтому, как бы ни были устрашающи сами по себе стихи Есенина по своей странной мрачности, по своему почти апокалипсическому пафосу, боли, мы не боимся, а радуемся за поэта, сумевшего „неожиданно громко“ запеть среди подавленности и тишины великого искушения страны <...>. Запеть хотя бы хриплым голосом, голосом сведенной судорогой муки и страха, но сумевшим и в этом страхе и в этой муке выпеть самому себе существенный приговор истинного поэта:

Если можно о чем скорбеть —
Значит, можно чему улыбаться»

(газ. «Дальневосточная трибуна», Владивосток, 1921, 12 февраля, № 16). С Н.Н.Асеевым, по существу, соглашался И.Г.Эренбург. Процитировав (неточно) предпоследнюю строфу поэмы, он писал далее: «Этим все оправдано, и видно, далеко средь голодных и угрюмых, средь ругающихся матерью и ползающих перед богачевским окладом на брюхе — идет Любовь голая, пустая, которой ничего не надо, Любовь, ожидаемая тщетно разумными хозяевами и приходящая только к самосжигателям и блаженным погорельцам» (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 18; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Вульгарно-социологическая критика тоже сказала свое слово о «Кобыльих кораблях», пером Г.Ф.Устинова упростив и исказив смысл некоторых строк поэмы: «...мелкобуржуазная оппозиционность наиболее ярко сказалась в стихах деревенского поэта С.Есенина („Кобыльи корабли“ и ряд других более мелких стихотворений, написанных в 1918—20 гг.) <...>. Очень характерно, что в начале октябрьской революции мелкобуржуазные поэты (тот же Есенин, Мариенгоф и др.) <...> пели славу революции, потому что еще не понимали, кому и чему она угрожает. Но как только пролетариат победил крупную активную воинствующую буржуазию и положил на обе лопатки мелкую буржуазию деревни и города, эти поэты принесли ей свое меланхолическое раскаяние. Тот же Есенин одним из первых написал:

Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье,

т.е. о революции. Позднее эта меланхолия сменилась мрачным пессимизмом. <...> Конечно, ни Есенина, ни Шершеневича, ни Мариенгофа нельзя назвать „белыми“ поэтами. Но их поэтическая школа, их творчество этого

периода глубоко чуждо пролетариату» (газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 29 июля, № 169; то же — в его кн. «Литература наших дней», М., 1923, с. 62—63).

На другой день после гибели поэта (в статье «Сергей Есенин и его смерть») Г.Ф.Устинов, назвав «Кобыльи корабли» «самой неудачной» поэмой Есенина того времени, счел уместным подчеркнуть, что в ней автор «кричал большевикам:

Веслами отрубленных рук
Вы гребете <так!> в страну грядущего»

(«Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 29 декабря, № 314).

В бытность Есенина за границей французский перевод поэмы, исполненный Ф.Элленсом и М.Милославской, был опубликован в журнале «Le Disque vert» (Брюссель, 1922, № 4, август); затем в том же переводе поэма вошла в книгу Есенина «Confession d'un Voyou» («Исповедь хулигана», Париж, 1922; 2-е изд., 1923).

Звери, звери, приидите ко мне...— Парафраза из Библии («Идите, собирайтесь, все полевые звери, идите...» — Иер. XII, 9).

Сестры-суки и братья-кобели, // Я, как вы, у людей в загоне // <...> // Лучше вместе издохнуть с вами...— И.П.Смирнов (в сб. «Миф — фольклор — литература», Л., 1978, с. 198) отмечал тематическую параллель между этими строками и следующим отрывком из Александра Добролюбова: «Я говорю им: мир, младшие братья мои, мир, братья-псы..» (Добролюбов А. Из книги невидимой. М., 1905, с. 83). Не исключено, что Есенин знал эту книгу непосредственно — ведь она сыграла важную роль в становлении творческой индивидуальности Николая Клюева, через которого автор «Кобыльих кораб-

лей» мог познакомиться с сочинением А.М.Добролюбова. Публикуя 7 сентября 1919 года на страницах газеты «Звезда Вытегры» есенинскую поэму «Ус» (см. об этом выше, с. 292) наряду со стихотворениями других поэтов, Клюев «обрамил» эту публикацию цитатами из упомянутой книги А.М.Добролюбова. Есенин, вероятно, держал в руках этот номер «Звезды Вытегры» — вырезка из него (текст которой см. на с. 293 наст. тома) есть в Тетр. ГЛМ. Напомним, что Есенин писал «Кобыльи корабли» как раз в сентябре 1919 г.

Сорокоуст (с. 81).— Журн. «Творчество», М., 1920, № 7/10, июль—сентябрь, с. 14 (ст. 23—60: вначале — ст. 39—60, затем — ст. 23—38); сб. «Имажинисты», М., 1921 (фактически: декабрь 1920), с. <5—10>; Исп. хул., Рж. к.; Грж.; Ст. ск.; Ст24.

Беловой автограф ст. 35—76 — ст. 35—52 (ИМЛИ), ст. 53—72 (ГЛМ), ст. 73—76 (ИМЛИ).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 9 («вам» вместо «нам») по остальным источникам (кроме Ст. ск.). Датируется по Рж. к. Та же дата — в беловом автографе (ИМЛИ), сб. «Имажинисты» и Исп. хул.

В основу произведения лег эпизод, описанный Есениным в письме к Е.И.Лившиц от 11—12 августа 1920 г.: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вы-

мирающим образом деревни...». По свидетельству А.Б.Мариенгофа, «Сорокоуст» был написан «в прогоне от Минеральных до Баку» (Восп., 1, 320), что вполне соответствует авторской помете «Кисловодск — Баку» после заключительной строфы белового автографа (ИМЛИ).

Об одном и том же публичном авторском чтении «Сорокоуста» оставили (с некоторыми ситуационными разночтениями) воспоминания И.Н.Розанов (Восп., 1, 434—435) и В.Г.Шершеневич. Последний писал: «...Политехнический музей. „Вечер имажинистов". На эстраде председателем тот же Брюсов. <...> После теоретической декларации имажинизма выступает Есенин. Читает поэму. В первой же строфе слово „задница" и предложение „пососать у мерина" вызывает в публике совершенно недвусмысленное намерение не дать Есенину читать дальше.

Свист напоминает тропическую бурю. Аудитория подбегает к кафедре, мелькают кулаки. Сережа стоит на столе, невозмутимо улыбаясь. Кусиков вскакивает рядом с Есениным и делает вид, что достает из кармана револьвер. Я давно стою перед Есениным и требую, чтобы ему дали дочитать. <...>

...Мой крепко поставленный голос перекрывает аудиторию. Но мало перекрыть, надо еще убедить.

Тогда спокойно поднимается Брюсов и протягивает руку в знак того, что он просит тишины и слова. <...>

Брюсов заговорил тихо и убедительно:

— Я надеюсь, что вы мне верите. Я эти стихи знаю. Это лучшие стихи из всех, что были написаны за последнее время!*

---

* Позже В.Я.Брюсов назвал «Сорокоуст» «прекрасным стихотворением» и печатно (ПиР, 1922, кн. 7, сентябрь-октябрь, с. 59).

Аудитория осеклась. Сергей прочел поэму. Овации» (в кн. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова», М., 1990, с. 461—462). И.Н.Розанов свидетельствовал, что «через неделю-две не было, кажется, в Москве молодого поэта или просто любителя поэзии, следящего за новинками, который бы не декламировал „красногривого жеребенка“. А потом и в печати стали цитировать эти строки...» (Восп., 1, 435).

Третья главка «Сорокоуста» действительно оказалась тогда в фокусе критики. О ней писали А.Е.Кауфман (журн. «Вестник литературы», Пг., 1921, № 11, с. 7; подпись: А.Евгеньев) и И.Г.Эренбург (в его кн. «Портреты русских поэтов», Берлин, 1922, с. 83—84; вырезка — Тетр. ГЛМ), П.С.Коган (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 256; вырезка — Тетр. ГЛМ) и А.К.Воронский (Кр. новь, 1924, № 1, январь—февраль, с. 278), В.Л.Львов-Рогачевский (в его кн. «Новейшая русская литература». 2-е изд., испр. и доп., М. (обл.: М.—Л.), 1924, с. 317) и Ф.А.Жиц (Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 282; вырезка — Тетр. ГЛМ), И.Н.Розанов (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 113—114; подпись: Андрей Шипов) и Б.Маковский (газ. «Полесская правда», Гомель, 1925, 17 мая, № 111; вырезка — Тетр. ГЛМ). Так, И.Г.Эренбург писал: «Тщетно бедный дуралей жеребенок хочет обогнать паровоз. Последняя схватка и ясен конец. Об этой неравной борьбе и говорит Есенин, говорит, крепко ругаясь, горько плача, ибо он не зритель. <...> Где, как не в России, должна была раздаться эта смертная песня необъятных пашен и луговин?» По поводу этих же строк А.К.Воронский заметил, что «его <Есенина> антимашинный лиризм поднялся до неподдельного пафоса».

В четвертой главке поэмы «отчаяние побежденной деревни» (И.Н.Розанов) послышалось также И.Г.Эренбургу (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 17—18; вырезка — Тетр. ГЛМ), Г.Лелевичу (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь—октябрь, с. 181—182; вырезка — Тетр. ГЛМ), Б.Маковскому (цит. выше), И.Т.Филиппову (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август, с. 69—70), В.А.Красильникову (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 119).

Что до эпатирующего зачина «Сорокоуста», то критики оказались к нему снисходительнее, чем первые слушатели поэмы. Эльвич (нераскрытый псевдоним) так обосновывал появление этих строк (со ссылкой на самого автора): «На мой вопрос о причине пристрастия к „крепким словцам" огненно-талантливый Сергей Есенин объяснил:

— Хочется бросить вызов литературному и всяческому мещанству! Старые слова и образы затрепаны, нужно пробить толщу мещанского литературного самодовольства старым прейскурантом „зарекомендованных" слов: отсюда выход в цинизм, в вульгарность, отсюда моя радость тому,

когда ветер весенний дразнится
и всыпает вам в толстые задницы
окровавленный веник зари.
(Сорокоуст)

Здесь не простое литературное „озорство" и „баловство" (вообще говоря, очень близкое С.Есенину): здесь и муки слова и жажда меткого, пусть как угодно грубого всеопределяющего слова-выстрела, хотя вызов мещанству тут слишком часто обращается в вызов всякому здоровому художественно-артистическому вкусу, а жажда оригинальности — в актерское оригинальничанье, если не в мальчишеское кривлянье.

И эта нарочитая вульгаризация имеет в русской литературе свою почтенную традицию: вспомните хотя бы, какие словечки и коленца пускал в ход А.С.Пушкин...» (журн. «Художественная мысль», Харьков, 1922, № 10, 22—30 апреля, с. 7).

Размышляя над «Сорокоустом» в контексте творчества Есенина, предшествующего этой поэме, Г.Ф.Устинов писал: «Есенин пришел в город почти мальчиком. Его старое деревенское бытие в новой городской обстановке подверглось трагическим изломам, изломам до боли, до мучительного страданья. И Есенин возненавидел за эту боль „бездушный город“, он почувствовал, что этот бездушный город оказался сильнее его души — души полной и вполне организованной, хотя бы в той же ее непримиримой анархичности. Эта битва продолжалась долго — несколько лет. Для поэта это — большой срок. И кончилась или начинает кончаться — победой города, которую признает и сам Есенин и которую он блестяще выразил в своей поэме «Сорокоуст». Сорокоуст — это отходная по всей старой жизни, полное признание победы нового — признание победы организации над хаосом. <...> Победу индустриальной хозяйственной организации Есенин символизирует бешено мчащимся по степям поездом, которому приданы могучие образы совсем не есенинской — не деревенской лаборатории. Новое городское бытие победило старого деревенского Есенина. Ему удаются новые индустриальные образы не хуже его старых — деревенских. И то, что еще для многих является загадкой, вызывающей сомнения,— для Есенина свершившийся факт. Для него революция победила, она победила в нем самом деревенского анархосамоеда и начинает побеждать городского анархомещанина. И тут же, почти вслед за Сорокоустом всей старой побежденной жизни, вслед за тем, как он про-

пел ей отходную, Есенин начал брать широко общественные мотивы, и брать по-новому, не так, как брали до него писатели, у которых герой, личность, неизбежно приводился к крушению. Есенин пишет драматическую поэму «Пугачев», в которой сознательно ставит на первый план не личность, не героя, а массы...

— Победила стальная конница...

И если Мариенгоф только несколько лет тому назад был будущее Маяковского, а потом волочился за ним уже как прошлое, то Есенин — это завтрашний день Маяковского, творец-созидатель, пришедший на смену творцу-разрушителю, революционеру. По тому, как Есенин усовершенствовал стих, как расширил рамки ритма, рифмы, ассонанса, приблизил поэтическую форму к высшей художественной форме прозы, как путем образа достиг наивысшей степени четкости и художественной выразительности,— уже по одному этому даже сейчас, когда его творчество еще не развернулось во всю ширь и мощь,— Есенина можно назвать первоклассным европейским поэтом. В форме он достиг многого, содержание придет к нему вместе с новой культурой, которая уже захватила его и сделала его даже сейчас уже едва ли не одним из самых просвещенных русских писателей» (журн. «Вестник работников искусств», М., 1921, № 10/11, июль—август, с. 38—39).

Однако двумя годами позже, компонуя из своих газетных и журнальных статей книгу о современной литературе, Г.Ф.Устинов внес в только что приведенный текст существенные коррективы. Он включил в книгу лишь его первую половину, кончив фразой, что Есенину «удаются новые... образы не хуже старых...» (см. кн. Г.Ф.Устинова «Литература наших дней», М., 1923, с. 51—52). Вторая же его половина, где давалась высокая оценка Есенина-

поэта, была здесь заменена другим текстом. Он вошел в главку книги критика с названием «Осуждены на погибель»:

«Чуют ли поэты свою гибель? Конечно. Ушла в прошлое дедовская Русь, и вместе с нею, с меланхолической песней, отходят ее поэты. <...> Есенин вообще очень остро чувствует и переживает конец старой Руси. Он трогательно грустит над уходящим старым бытом, которому он еще в 1920 году пропел „Сорокоуст“ <приведена вторая половина второй главки поэмы>.

В таких меланхолических тонах он тоскует по привычном русском хаосе, который побежден железной организацией. Побежден ли? Для Есенина он побежден бесспорно. Но поэт еще не сдался,— быть может, и сам он решил умереть вместе с этим хаосом, не желая изменить своим рязанским предкам. <...>

Теперь уже совершенно очевидно, что если в творчестве Есенина не произойдет поворота, его поэтический путь можно считать законченным. Но легко сказать — поворот! <...> Тут требуется новое внутреннее содержание, новая вера,— новый человек.

Всего вероятнее, что та форма, которую дал Есенин стиху, останется и воскреснет в другом поэте, который вольет в нее новое содержание. Это и будет его заслугой. Содержание же вместе с Есениным отойдет — да уже и не отошло ли? — в прошлое. Вместе с дедовской Русью, вместе с ушедшей эпохой буржуазного субъективизма и псевдопугачевщины.

Классовая борьба продолжается» (там же, с. 60—61).

Годом позже Г.Ф.Устинов дал Есенину еще более жесткую характеристику: «Оторвался от деревни, пропел ей „Сорокоуст“, не пристал к городу — и скитается, как Пу-

гачев, бандитом — психобандитом — по взбудораженной земле» (газ. «Последние новости», Л., 1924, 21 апреля, № 16). Впрочем, эта оценка (если отвлечься от ее нормативности) в чем-то перекликается со словами Р.Б.Гуля: «„Сорокоуст" — звериная тоска по деревне. Цинизм и сквернословие путаются с необычайной нежностью, какую знают лишь надорвавшиеся в жизни. Надрыв одолевает. Самогонкой захлебывается мужик. Драматизм доходит до трагического» (Нак., 1923, 21 октября, № 466).

Сорокоуст — церковная служба по умершему; совершается в течение сорока дней, считая со дня кончины.

Об *А.Б.Мариенгофе* см. т. 1 наст. изд., с. 551—552.

Исповедь хулигана (с. 85).— Исп. хул.; сб. «Золотой кипяток», М., 1921, с. <5—10>; Рж. к.; Грж.; Ст. ск.; Ст$_{24}$.

Беловой автограф (РГАЛИ) — среди текстов рукописного сборника стихов Есенина (1922), описанного в комментарии к «Кобыльим кораблям» (наст. том, с. 377).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Датируется по Рж. к. Та же дата — в Исп. хул. и сб. «Золотой кипяток»; в наб. экз.— авторская помета: «<19>20».

Первое из известных упоминаний поэмы как завершенного сочинения содержится в письме Есенина Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 года.

И.И.Шнейдер вспоминал: «В интимном кругу читал он негромко, хрипловатым голосом, иногда переходившим в шепот, очень внятный; иногда в его голосе звучала медь. Букву „г" Есенин выговаривал мягко, как „х". Как бы задумавшись и вглядываясь в какие-то одному ему видные рязанские дали, он почти шептал строфу из „Исповеди":

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога...

„И болотных недр..." — заканчивал он таинственным шепотом, произнося „о" с какой-то особенной напевностью. Со сцены он, наоборот, читал громко, чуть-чуть „окая"» (Восп., 2, 38). О публичном чтении «Исповеди хулигана» в Париже (театр Р.Дункана, 13 мая 1923 года) один из рецензентов писал: «Сам Есенин хорошо читает свои стихи. Он бросает вызов всему и всем: и Богу, и Америке, и публике — и кому угодно. Особенно хорошо выходит у него „Исповедь хулигана" — смесь сентиментальной нежности с необузданной дикостью» (газ. «Последние новости», Париж, 1923, 15 мая, № 939; подпись: Мих.).

«Вступление» к Ст. ск., куда вошла «Исповедь хулигана», начиналось такими словами Есенина:

«Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе» (20 марта 1923 г.).

Так поэт ответил некоторым своим критикам, которых, по словам В.Г.Шершеневича (обращенным к Есенину), «очень коробит то, что полюбил ты странные слова, вроде „задница", с луной что-то нехорошее делаешь» (в кн.: Шершеневич В. «Кому я жму руку», <М., 1921>, с. 47). Кроме последнего, печатно высказались по этому поводу В.Н.Архангельский (журн. «Саррабис», Саратов, 1921, № 3, октябрь, с. 4), А.Н.Толстой (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 17), И.Н.Розанов (в сб. «Литературные отклики», М., 1923, с. 72), З.Н.Гиппиус (журн. «Современные записки», Па-

риж, 1924, <кн.> XIX, с. 237—238; подпись: Антон Крайний), А.И.Ромм (в сб. «Чет и нечет», М., 1925, с. 36).

Развернутое толкование обращения Есенина к «нечистым словам» дал один из критиков: «...когда поэт-крестьянин похваляется: „Не правда ль, я кажусь вам циником, Прицепившим к заднице фонарь?“ <...>, то здесь звериное и вульгарное, пусть циническое, но лишь в том строгом смысле слова, в каком это разумели в Греции философы из Киренаики,— циническое лицо самой нашей современности, лицо нашей жизни, но отнюдь, конечно, не эротическое смакование „альковных тем“.

И именно в этом смысле я считаю, что вульгаризация современного художественного слова является значительным *революционным* явлением, социальная сущность которого заключается в первом творческом дерзновении новых классов, „семи пар нечистых“: вульгаризация — это неизбежная (в условиях нашей культурной отсталости и неграмотности) примесь есенинского „хулигана и хама“ к бунтарю и революционеру, вульгаризация — трагический примитив, к которому волей-неволей прибегает художник, чтобы перспективно приблизить и упростить безгранично-сложную громаду переживаемых нами социальных катаклизмов. В этом — ее объяснение; быть может, в этом и ее оправдание...» (журн. «Художественная мысль», Харьков, 1922, № 10, 22—30 апреля, с. 8; подпись: Эльвич).

Эти слова проливают свет также и на внутренний драматизм «Исповеди хулигана», отчетливо ощущавшийся многими из тех, кто писал о поэме. Среди затронувших эту тему были П.С.Коган (Кр. новь, 1922, № 3, май—июнь, с. 254, 257; вырезка — Тетр. ГЛМ), В.М.Чернов (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 16 апреля, № 943), И.Г.Эренбург (журн. «Новая русская книга», Берлин,

1922, № 1, январь, с. 17; вырезка — Тетр. ГЛМ), В.Л.Львов-Рогачевский (в его кн. «Новейшая русская литература», 2-е изд., испр. и доп., М. (обл.: М.—Л.), 1924, с. 326), Н.Светлов (газ. «Русский голос», Харбин, 1924, 5 августа, № 1181; подпись: Н.С—в). Для В.П.Правдухина преобладание драматического в тональности поэмы очевидно: «Сам Есенин мало-помалу меняет свои деревенские одежды. Порой его не узнать. <...> Чувствуется, что он безнадежно (быть может, благодетельно для его будущего?) ранен изломами и изысками города, и пока еще внутренне неокрепший, он, не нащупав новых ценностей, лишь потерял свою наивную, первичную певучесть, которая чаровала и нежила нас раньше в нем. „А теперь хожу в цилиндре и в лаковых башмаках" — это уже звучит какой-то неуловимой драмой для него, как поэта...» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, № 2, май—июнь, с. 140—141). Как бы продолжая мысль В.П.Правдухина, А.В.Бахрах указывал: «Но залог к спасению у него есть. Это то, что

Так хорошо тогда мне вспоминать,
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи.

Это спасет его — чувство, что и ему самому подчас „наплевать" на все это — это помимо него — поэзия наитием, ибо в поэзии он Моцарт. Слишком больно было бы думать, что вдохновение его истощается, что блекнут краски, что ему уже не вылезти из тупика» (альм. «Струги», Берлин, 1923, с. 204; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Строки «А теперь он ходит в цилиндре // И лакированных башмаках» стали отправной точкой для двух примечательных откликов. Автором одного из них был И.Г.Эренбург: «Есенин, обращаясь к старикам родите-

лям, не без хвастовства говорит, что он, прежде шлепавший босиком по лужам, теперь щеголяет в цилиндре и в лакированных башмаках. <...> Но, да позволено будет портретисту, пренебрегая живописностью костюма, цилиндром, „имажинизмом“ и хроникой московских скандалов, заняться лицом поэта. Сразу <...> мы переходим <...> к быту трогательному и унылому, к хулиганству озорника на околице деревушки, к любви животной, простой, в простоте мудрой. Ах, как хорошо после Абиссинии и Версаля попасть прямо в Рязанскую!» (в его кн. «Портреты русских поэтов», Берлин, 1922, с. 83; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Другим откликом явилась поэма Н.А.Клюева «Четвертый Рим» (Пб., 1922, отдельное издание), проникнутая неприятием есенинского «имажинизма». Стихи о «цилиндре» и «лаковых башмаках» не только стали эпиграфом клюевской поэмы, но и прошли по всему этому сочинению как своего рода рефрен: «Не хочу быть знаменитым поэтом...»; «Не хочу укрывать цилиндром // Лесного черта рога!»; «Не хочу быть лакированным поэтом // С обезьяньей славой на лбу!» (подробнее об этом см.: Субботин С.И. «„Слышу твою душу...“: Николай Клюев о Сергее Есенине».— В сб. «В мире Есенина», М., 1986, с. 519).

В отличие от Н.А.Клюева, воспринявшего «Исповедь хулигана» как «измену мужицкому корню» (определение Л.Д.Троцкого), последний отнесся к поэме Есенина прежде всего как к явлению литературы: «Озорство его, даже чисто литературное („Исповедь“), не столь уж страшно» (Троцкий Л. «Литература и революция», М., 1923, с. 47—48). С этим тезисом перекликаются суждения И.Н.Розанова (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 114; подпись: Андрей Шипов) и

И.М.Машбиц-Верова: «...по существу хулиганство Есенину чуждо. *Основная стихия его творчества — нежная лирика*. Вот почему, вопреки сознательной тенденции поэта, его „хулиганские номера“ — ходульны, неудачны, а особенно запоминаются, художественно-убедительны нежно лирические места; вот почему такими именно местами изобилует „Исповедь хулигана“» (журн. «Октябрь», 1925, № 2, февраль, с. 142—143; выделено автором). Еще раньше высказался в таком же духе А.Б.Кусиков: «Прислушайтесь только, как нежно, быть может с горчайшей усладой, обращается Есенин к старому, доброму, заезженному Пегасу...» (журн. «Вещь», Берлин, 1922, № 1/2, март—апрель, с. 10).

Спустя четыре года после создания «Исповедь хулигана» уже стала осознаваться как произведение непреходящего значения. Анонимный критик отмечал: «...„Исповедь хулигана“, <...>, последние „городские“ стихи С.Есенина останутся в русской поэзии, займут в ней *свое* место, прозвучат в ней *своеобразной, неповторимой* мелодией. <...> „городские“ стихи укрепляют за С.Есениным право на звание одного из лучших лириков нашей эпохи. Очень грустно, быть может, что один из лучших поэтов наших обрел себя в гнилой атмосфере богемы <...>, но тем не менее это так» (журн. «Бюллетени литературы и жизни», М., 1924, № 4, с. 229; выделено автором). А годом позже В.А.Красильников утверждал, что «„Исповедью хулигана“ звание „лучшего поэта России“ стало обозначением его <Есенина> литературного положения. Такое обозначение имеет под собой некоторое основание. Из современных поэтов Есенина и Б.Пастернака можно считать мэтрами определенных школ, существующих, правда, неорганизованно» (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 112).

Завершая свой очерк «Есенин», В.Ф.Ходасевич писал: «...любовь к родине... исповедовал он даже в облике хулигана: „Я люблю родину, Я очень люблю родину!“ Горе его было в том, что он не сумел назвать ее: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Руссию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Рассею, пытался принять даже С.С.С.Р.,— одно лишь верное имя не пришло ему на уста: *Россия*. В том и было его главное заблуждение, не злая воля, а горькая ошибка. Тут и завязка, и развязка его трагедии» (журн. «Современные записки», Париж, 1926, <кн.> XXVII, с. 322; выделено автором).

Летом 1922 года, находясь за границей, Есенин начинает сотрудничество с поэтом Ф.Элленсом, который вскоре не только написал о нем статью «Великий современный русский поэт: Сергей Есенин» (журн. «Le Disque vert», Брюссель, 1922, № 4, август; частично сохранившаяся вырезка — Тетр. ГЛМ), но (совместно с М.Милославской) перевел на французский язык целый ряд есенинских произведений. Эти переводы составили сборник «Confession d'un Voyou» (Paris, 1922; 2-е изд., 1923), который открывался поэмой «Исповедь хулигана», давшей название книге в целом.

Ф.Элленс предпослал ей «Предисловие», где, в частности, отметил, что в «Исповеди хулигана» «звучат два мотива — резкий и нежный: то поэт бушует как ураган; то шелестит, как утренний ветерок в молодой листве. Это неосознанные проявления основных черт его поэтической натуры. Здесь мы видим яркое выражение его чувств: он их воспевает, поет, извергает и мурлыкает со звериной энергией и грацией. <...> Часть этого творения Есенина обращена в прошлое по своим истокам, хотя по своему выражению очень современна, а по стилю изложения сугубо интимна» (пер. Е.Н.Чистяко-

вой.— Газ. «Русь святая», Липецк, 1994, 14—27 апреля, № 13—14, с. 12).

Примерно в то же время Есенин познакомился с Фернаном (полное имя — Фернан Жак Поль) Дивуаром, французским поэтом, теоретиком балета и журналистом, который впоследствии, по словам современника, «часто встречался с С.Есениным в Париже» (ИМЛИ, ф. А.Б.Гатова). Ф.Дивуар, прочитав сборник «Confession d'un Voyou» еще до выхода в свет, назвал поэзию Есенина «свежей, деревенской, грубой, которая еще не имеет аналогии у нас» (газ. «L'Intransigeant», 1922, 27 сентября; подпись: Les Treize; вырезка — Тетр. ГЛМ). 7 октября 1922 года в той же газете появился его краткий отзыв об уже вышедшей книге Есенина (вырезка — Тетр. ГЛМ).

В сборнике «Anthologie de la Nouvelle Poésie Française» (Paris, 1924, p. 214—215) Ф.Дивуар дал первую публикацию своего стихотворения «Essenine» («Есенин»), эпиграфом к которому были взяты строки «Исповеди хулигана» («...сын ваш в России // Самый лучший поэт!»):

Мужик, великий поэт сумасбродной Руси,
простой, как сталь топора.
Смешно тебе, хулигану, гуляке,
что можно песни продать и щегольнуть во фраке,
и с жаром завзятого озорника
говоришь про коров, про запах молока.
Смеешься, пьянеешь, в глазах задор:
«Я — вор!»

Хорошо на сеновале, когда темно,
тянуть, как из вымени, жаркое вино,
Запах коров так свеж и прост.

А я ученый и многое знал,
о чем ты, счастливец, и не слыхал,
а у меня ко всем сокровищам людей
звонкая связка поддельных ключей.
Не чувства, не мысли у меня,
а жеманство дряхлеющей принцессы.
Сколько богатств расточаю, скорбя,
чтоб найти настоящую мысль, в цвету.

Сколько богатств сжигаю, скорбя,
чтобы раскрыть настоящую мысль, в цвету.

О, как мне похитить у тебя
твоих коров
и твою простоту!

(в кн. «Запад и Восток: Сб. Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Книга первая и вторая», М., 1926, с. 71, перевод Б.А.Песиса; эпиграф перед текстом перевода отсутствует).

Не погребав — не побрезговав.

Возвращение на родину (с. 89).— Кр. новь, 1924, № 4, июнь—июль, с. 125—127; Ст24; Р. сов.; Стр. сов.

Черновой автограф ст. 26—94 — РГАЛИ; на первом его листе — авторская помета: «1.VI.24». Авторизованные машинописи первоначальной редакции — ГМЗЕ и РГАЛИ.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с уточнением строфического деления по другим источникам. Датируется в соответствии с пометой на автографе РГАЛИ. Дата в Собр. ст., 2 — 1924.

В конце мая 1924 г. Есенин (впервые после своего зарубежного путешествия) провел несколько дней в родном

селе. «Возвращение на родину» отразило свежие впечатления от этой поездки.

Вскоре после написания поэмы Есенин не раз читал ее в кругу друзей: об этом вспоминали И.В.Грузинов (Восп., 1, 357) и В.И.Эрлих (Восп., 2, 323).

В.А.Мануйлов, слушавший «Возвращение на родину» в клубе имени Сабира (Баку), где Есенин выступал 3 октября 1924 года, так описывал свои впечатления: «Особенно запомнилось со всеми характерными есенинскими интонациями чтение стихотворений „Возвращение на родину" и „Русь советская". Но как графически передать его лукавую иронию, а может быть, и чуть-чуть пренебрежительную насмешку, иногда даже озорство, звучавшие в едва уловимых модуляциях его голоса? Все это будто сейчас звучит в слуховой памяти <приведен фрагмент от строки „Ах, милый край!" по строку „Я этих книг, конечно, не читал" с написанием слова „конечно" как „ка-нешно", слова „разводит" как „разво-о-одит" и слова „Энгельсе" как „Енгельсе">. В зависимости от настроения и обстоятельств одни и те же стихи Есенин читал по-разному. В клубе Сабира в концовке „Возвращения на родину" не столько чувствовалось сожаление, сколько поддразнивание, подзадоривание некоторых требовательных критиков, сидевших в первых рядах» (Восп., 2, 180—181).

В отчете об этом же выступлении поэта М.Х.Данилов писал: «Есенин — дикий ветер русского духа, одинаково способный ломать, ласкать и дробить, но даже и в бессмысленном разгулье своем таящий некий первобытный разум, которого нельзя не почувствовать, в котором есть много цельного и здорового. Того, что нужно нам сейчас. Вот почему нам всем странно близок этот „скандальный пиита" в серой блузе с вечно расстегнутым воротом, с поблекшими синими глазами на удалом лице и встрепанной

соломой волос. <...> Читал Есенин неплохо, хотя голосовые средства его не сильны и не богаты оттенками» (Бак. раб., 1924, 6 октября, № 226; подпись: М.Д-ов).

Уже первые отклики на поэму были разноречивы. Так, А.Б.Селиханович сетовал: «Вот в этом вся и беда, что поэту „ни при какой погоде“ не хотелось читать ни Маркса, ни Энгельса; не захотелось проникнуть<ся> мировоззрением рабочего класса» (Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217). Напротив, Г.Лелевич, процитировав финал поэмы целиком, с энтузиазмом восклицал: «Это совершенно ново! Правда, Есенин здесь не сливается органически с нашей революцией, он еще смотрит на нее со стороны, но он видит уже конкретные ростки новой жизни. <...> Научиться видеть революционное новое, а не только метели и Христа „в белом венчике из роз“ — это задача, которой не осилило большинство попутчиков. Есенин в этом (и некоторых других) стихотворении приближается к этому умению. Рано еще делать выводы, имеем ли мы дело с глубоким благотворным переломом или с временной игрой настроений. Как бы там ни было, приходится отметить революционные, светлые, радостные ноты в творчестве Есенина» (журн. «Молодая гвардия», М., 1924, № 7/8, с. 268—269).

В дальнейшем большинство критиков — исключая Г.Г.Адонца (журн. «Жизнь искусства», М., 1925, № 35, 1 сентября, с. 9) — высказывались о «Возвращении на родину» в духе, близком суждениям Г.Лелевича. Среди них были М.Х.Данилов (Бак. раб., 1924, 25 декабря, № 294), А.П.Селивановский (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 16), А.К.Воронский (альм. «Наши дни», М.—Л., 1925, № 5, с. 308), А.Я.Цинговатов (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 63), В.Г.Никонов (журн. «Стрежень», Ульяновск,

1925, № 1, ноябрь, с. 11), П.И.Чагин. Последний закончил свое предисловие к Р. сов. такими словами: «Такие превосходные создания есенинского пера, как „На родине“ <первоначальное название поэмы>, „Русь советская“, чрезвычайно характерны не только для него, но и для всей той среды, через которую и вместе с которой он, подгоняемый ветрами и бурями революции, проталкивается к массам. В гражданских стихах Есенина нашел свое поэтическое выражение перелом, происходящий теперь в настроениях и сознании нашей интеллигенции. Это лишний раз свидетельствует о непочатой силе есенинского таланта и о том, какого большого поэта приобретает в нем революция» (Р. сов., с. 4).

А.И.Ромм, однако, расценил оба вышеупомянутых произведения как стилевой «срыв»: «...„На родине“ и „Русь советская“ местами впадают в плоский прозаизм, в слишком описательную обстоятельность. <...> Но это, конечно, только мелкие неудачи» (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 37). В то же время А.Я.Цинговатов не сомневался, что обе поэмы Есенина, «конечно, войдут в хрестоматии» (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 63).

Ряд отзывов был посвящен пушкинскому началу в этих сочинениях. П.Ионов писал: «...внимание читателя приковывают прекрасные стихи С.Есенина. После долгих и бурных исканий автор пришел к Пушкину. Его „На родине“ и „Русь советская“ определенно навеяны великим поэтом...» (газ. «Правда», М., 1924, 24 октября, № 243). «Переход к пушкинскому стиху» в этих двух поэмах отметили И.М.Машбиц-Веров (журн. «Октябрь», М., 1925, № 2, февраль, с. 145) и И.Н.Розанов (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 114; подпись: Андрей Шипов).

Есенина Татьяна — мать поэта Татьяна Федоровна Есенина (1875—1955).

Дед — Федор Андреевич Титов (1845—1927), дед поэта по матери.

Кукольня (кукóлина, кукóльник) — кýколь, сорное растение в посевах злаковых культур.

Сестры — Екатерина Александровна Есенина (1905—1977) и Александра Александровна Есенина (1911—1981).

По-байроновски наша собачонка // Меня встречала с лаем у ворот.— Казалось бы, конкретный литературный источник обозначен здесь самим автором (см. текст между 13-й и 14-й строфами «Песни первой» поэмы Д.Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» — Байрон Д.Г. Соч. В 3-х тт. М., 1974, т. 1, с. 151). Однако, обратив внимание на особенности есенинского цитирования Байрона, Н.С.Ашукин (очерк «Песни-стихи», 1926) резонно указал на более близкую параллель:

«...песня „Последний день красы моей" является сильно искаженной переделкой стихотворения И.Козлова „Добрая ночь", в свою очередь являющегося вольным переводом отрывка из „Чайльд-Гарольда" Байрона („Проснется день, его краса утешит божий свет"). Интересно отметить, что, вероятно, отзвук строфы этого стихотворения-песни:

Отцовский дом покинул я;
Травой он зарастет —
Собачка верная моя
Залает у ворот...

является строками стихотворения С.Есенина „Возвращение на родину" <следует цитата>» (Кр. нива, 1926, № 35, 29 августа, с. 19). Согласно Н.М.Ядринцеву, эту песню также называли «Собачка» и она была «самою лю-

бимою в острогах» (в его кн. «Русская община в тюрьме и ссылке», СПб., 1872, с. 109).

Русь советская (с. 94).— Бак. раб., 1924, 24 сентября, № 216; Кр. новь, 1924, № 5, август—сентябрь, с. 121—123; $Ст_{24}$; Р. сов.; Стр. сов.; $И_{25}$.

Черновой автограф — РГАЛИ; на первом листе — карандашная помета рукой Г.А.Бениславской: «Лето 1924». Авторизованная машинопись — ГМЗЕ.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 85 («Когда на всей планете» вместо «Когда во всей планете») по всем остальным источникам. Датируется по Собр. ст., 2, где помечено 1924 г.

В.С.Чернявский свидетельствовал: «Незадолго до отъезда <из Ленинграда в июле 1924 г.> он утром, едва проснувшись, читал мне в постели только что написанную им „Русь советскую", рукопись которой с немногими помарками лежала рядом на ночном столике. Я невольно перебил его на второй строчке: „Ага, Пушкин?" — „Ну да!" — и с радостным лицом твердо сказал, что идет теперь за Пушкиным» (Восп., 1, 232).

27 декабря 1924 года Г.А.Бениславская писала Есенину из Константинова: «Читала я Вашим стихи. Матери очень понравилась „Русь советская", всё, говорит, так, как есть, и другие наросли и „жись" вся. Отцу же все Ваши последние стихи нравятся: „Хорошо стал писать..."» (Письма, 263).

Одно из первых авторских публичных исполнений поэмы состоялось в Баку 3 октября 1924 года в студенческом клубе им. Сабира. В отчете об этом «вечере стихов» М.Х.Данилов сообщал, что «наибольший успех имели, конечно, „Москва кабацкая" и „Русь советская"» (Бак. раб., 1924, 6 октября, № 226; подпись: М.Д-ов; вырезка —

Тетр. ГЛМ). Другой бакинский репортер писал об этом же выступлении Есенина следующим образом:

«Вдохновенно, горячо, с изысканным мастерством бросал он в черепа слушателей стих за стихом.

— Я дам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры никому не дам

<*цитата неточна:* ср. с. 97>.

Это красиво, а как поскоблишь, вскроется ложь: ведь душа поэта и есть его лира. Раз эту лиру, то, чем живешь, прячешь глубоко и только для себя, что же отдаешь ты Октябрю? Пустоту и больше ничего.

Поэт Есенин отделяет поэзию от жизни, отрывается от борьбы, приходит в страх от мысли, что надо служить массам. Он становится „ненужным“ и сам сознается в этом, иначе не кричал бы он во все свое босяцкое горло:

— В своей стране я словно иностранец!

Поэт, насильно обращающий себя в пилигрима, более чем смешон. <...> Однако нельзя же всей спиной отворачиваться от жизни. Самые смелые странники не решились бы на это. Поэтому надо бросить в напряженные головы слушателей подкупающее признание:

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.

Красиво сложен этот стих, вдобавок можно всерьез подумать, что тут целое отречение от старого. Но это не так. <...> Есенин „ни в чьих глазах не находит приют“ потому, что он опирается на самый безнадежный социальный слой, на среду босяков, проституток и дряблой части интеллигенции» (газ. «Труд», Баку, 1924, 5 октября, № 224; подпись: Циклоп; псевдоним не раскрыт).

В.А.Мануйлов, слушавший Есенина в тот вечер, запомнил один из штрихов авторского чтения: «Когда же речь шла о Демьяне Бедном, Есенин иной раз с подчеркнутым лукавством особо выделял псевдоним „Бедный“, превращая его в эпитет <имеется в виду строка „Поют агитки Бедного Демьяна“>» (Восп., 2, 181).

Первая группа откликов на печатный текст поэмы появилась в связи с ее журнальной публикацией. Обозреватель тифлисской газеты писал: «Среди многочисленных стихотворений выделяется „Русь советская“ Сергея Есенина. Так часто повторяющийся в творчестве поэта мотив отрезвления после прошедшего „урагана жизни“ и мотив самопереоценки выявлен здесь особенно отчетливо. Во внешней форме тот же уход от бурного имажинизма к спокойному пушкинскому стиху» (З. Вост., 1924, 19 октября, № 707; подпись: Н.И.). Схожая оценка была дана П.Ионовым: «Особенно замечательна по силе и вместе с тем удивительной простоте стиха „Русь советская“. Рисуя картины советской деревни, автор проникается покаянным настроением, остро чувствуя свою ненужность и чуждость новой родине» (газ. «Правда», М., 1924, 24 октября, № 243; вырезка — Тетр. ГЛМ). Г.Лелевич, в свою очередь, как бы продолжил эти слова: «Он, правда, еще не в силах <...> запеть по-новому, но для первого шага немало и того, что он почувствовал величие нового, что он разглядел его.

Куда пойдет теперь Есенин? Бесполезно гадать — жизнь покажет. Если он вернется на путь певца старой деревни или кабацкого разгула, он будет конченый поэт. Если же он пойдет далее по своему новому пути,— революция получит нового, чрезвычайно талантливого поэта. Пожелаем ему успехов на этой новой дороге» (журн.

«Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь—октябрь, с. 182; вырезка — Тетр. ГЛМ).

С.П.Постников начал свою рецензию на IV—VIII книжки Кр. нови (1924 года) такими словами: «Когда рассматриваешь книжки журнала, всегда хочется найти такую вещь, которая была бы безусловно хороша, которая бы сама за себя говорила; достаточно указать на нее читателю без всякой похвалы, и он воспримет ее как настоящую вещь, как подлинное художественное произведение. Такой вещью в лежащих передо мною книжках „Красной Нови" являются стихи Есенина. Когда снова перелистываю я эти книжки, перечитываю отдельные отрывки из рассказов и повестей, то невольно опять и опять возвращаюсь к Есенину. Судите сами. Вот отрывок из стихов его „Русь советская" <приведены первые 39 строк и часть финала>» (журн. «Воля России», Прага, 1925, <кн.> III, с. 164). И далее: «Есенин называет себя „российским скандальным пиитом". Для нас в этом нет ничего нового. В русских людях, и особенно талантливых, скандального элемента всегда было много. У Есенина этот элемент носит вполне современный характер: он дебоширует в голодные годы в различных „стойлах" поэтов, ночью бегает по Москве с ведром краски и переименовывает старые улицы на Есенинские и Мариенгофа; но ему мало Москвы: он скандалит вместе с Дункан по Европе и Америке с тем, чтобы возвратиться на село и сесть с поклоном на деревенскую скамью. Хорошо, если и реакция на это озорство тоже будет русская, т.е. муза его станет глубже и проникновеннее. Так, по крайней мере, было всегда у русских» (там же, с. 166).

Напротив, несколько саркастических слов в связи с «Русью советской» тогда же обронила З.Н.Гиппиус: «...Есенин, в похмельи, еще бормочет насчет „октября",

но уж без прежнего „вздыба". „Кудри повылезли", и он патетически восклицает: живите, пойте, юные!» (газ. «Последние новости», Париж, 1925, 22 февраля, № 1482; подпись: Антон Крайний).

Не обошла поэму Есенина своим вниманием и советская сатира: «...„пиит" (старенькое слово, специально для рифмы пущенное!) сетует: „И некому мне шляпой поклониться". А вы бы, товарищ Есенин, попробовали головой кланяться!» (журн. «Крокодил», М., 1924, № 101, с. 6, без подписи; рубрика «Вилы в бок»). Со слов В.А.Мануйлова известна реакция Есенина (сентябрь 1924 года) на подобную же претензию В.Л.Львова-Рогачевского: «Этот педант уверял меня, что шляпой никто не кланяется, кланяются, мол, только головой. Не понял он, что тут все в этой шляпе!» (Восп., 2, 173).

Сразу же по выходе Р. сов. М.Х.Данилов писал: «„Русь советская" — сборник последних стихов Сергея Есенина, разновременно помещенных в закавказской печати. <...>

В новых есенинских строках есть еще очень много отзвуков прежнего лубочного „мужиковства", он все еще хочет видеть „*Русь*", хотя бы и *советскую*, и чувствуя, что она уходит, не только грустно сознается в своей ненужности, но даже готов один идти „к неведомым пределам, душой бунтующей навеки присмирев". Но это, конечно, только невольная рисовка поэта, отрезвляющегося от угарного похмелья творческого беспутства: книжка говорит о другом. <...>

Свежий советский ветер опахнул большую творческую душу Есенина, изболевшую, искалеченную кабацким надрывом.

И в струях этого ветра омылось чудесное дарование Есенина, зазвенело новыми песнями. <...>

И напрасно Есенин утверждает, что „октябрю и маю“ он „лиры милой“ не отдаст.

Он уже отдал ее, сам того не замечая» (Бак. раб., 1924, 25 декабря, № 294; выделено автором).

В 1925 году «Русь советская» не раз упоминалась как в работах, специально посвященных поэту и его новым книгам (Р. сов., $Ст_{24}$, Стр. сов., $И_{25}$), так и в обзорных статьях. О ней писали И.М.Машбиц-Веров (журн. «Октябрь», М., 1925, № 2, февраль, с. 144) и И.Н.Розанов (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 114—115; подпись: Андрей Шипов), А.К.Воронский (журн. «Прожектор», М., 1925, № 5, 15 марта, с. 26) и А.Лежнев (газ. «Правда», М., 1925, 15 марта, № 61; вырезка — Тетр. ГЛМ), Ф.А.Жиц (Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 282—283; вырезка — Тетр. ГЛМ) и А.П.Селивановский (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 16), Б.Маковский (газ. «Полесская правда», Гомель, 1925, 17 мая, № 111; вырезка — Тетр. ГЛМ) и А.А.Туринцев (журн. «Своими путями», Прага, 1925, № 6/7, май-июнь, с. 26), С.А.Селянин (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1925, 28 июля, № 168; вырезка — Тетр. ГЛМ) и анонимный рецензент («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка — Тетр. ГЛМ), В.А.Красильников (журн. «Книгоноша», М., 1925, № 26, 31 июля, с. 17) и Г.Лелевич (газ. «Ленинградская правда», 1925, 9 августа, № 180), Г.Г.Адонц (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 35, 1 сентября, с. 9—10; вырезка — Тетр. ГЛМ) и К.В.Урлин (газ. «Нижегородская коммуна», 1925, 1 октября, № 224), А.Я.Цинговатов (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 64) и А.И.Зонин (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 8, ноябрь, с. 53). Авторы этих работ — за исключением А.А.Туринцева — не вы-

ходили из того круга суждений о поэме, который был только что проиллюстрирован примерами отзывов 1924 года.

Наиболее развернуто изложили свое впечатление о «Руси советской» в 1925 году А.Лежнев и В.А.Красильников. В «Литературном обзоре» первого читаем: «...поэт разрывает заколдованный круг личной лирики и как будто впервые замечает то, чего прежде не видел: новую Россию. <...> Он, правда, еще не совсем разобрался в новом, смотрит на это новое со стороны, но все-таки как друг, а не как безразличный человек <...>. Идеологической эволюции поэта соответствует формальная его эволюция. <...> Поэт все дальше отходит от имажинизма к классическому стиху, к Пушкину» (ПиР, 1925, № 1, январь, с. 130). Мнение А.Лежнева не было, однако, разделено В.А.Красильниковым: «И в 24-м, заглянув к своим тополям, Есенин увидел: <...> старый хозяин деревни — старый быт ссутулился, одряхлел, и вот последние слова возвратившегося блудного сына <цитируются строки от «Вот так страна!» по «...сам я тоже здесь не нужен»>.

Новгородским удалым молодцом по прозванию Васька Буслаевич проходит жизненный путь поэт С.Есенин. В свое время пошутил он достаточно шуточек немалых и так же, как Васька, почуял необходимость свою „душу спасать“, прощенья просить. Оказалось, только не у кого просить ему прощенья, и ходит он нераскаянным грешником, пока не найдет какой-нибудь камень „мал-невелик“, где бы разбить свою голову.

Стихи Есенина 24-го года говорят о том, что какой-то камень поэту подвернулся. Вполне осознав, что у него „не осталось любви ни к деревне, ни к городу“, Есенин хочет заняться воспеванием своей особенной части земли, с „названьем кратким Русь“. Окажется ли эта Русь проклятым

камнем, лежащим при новой дороге, покажет будущее» (ПиР, 1925, № 7, октябрь—ноябрь, с. 121—122).

Русь советская.— Произведение создавалось в то время, когда Есенин продолжал работу над отрывком из поэмы «Гуляй-поле», позже озаглавленным «Ленин» (см. ниже с. 439—449 наст. тома). Читая в связи с этим материалы о вожде, поэт не мог пройти мимо статьи А.К.Воронского «Россия, человечество, человек и Ленин», к тому же начинающейся пересказом разговора с Есениным (подробнее о ней см.: Куприяновский П.В. «...Но есть Ленин».— журн. «Подъем», Воронеж, 1985, № 8, август, с. 136, 139). Критик, в частности, писал: «...теперь, на глазах наших, растет и лезет изо всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов <...>, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени <...>, а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали...»(Прож., 1923, № 14, 31 августа, с. 18). Вероятно, смысл и пафос этих слов оказались созвучными раздумьям самого Есенина о новой России и сыграли роль при выборе им названия для поэмы.

Сахаров Александр Михайлович (1894—1952) — один из близких друзей Есенина, издательский работник (в 1922 году выпустил в Петрограде есенинского «Пугачева»). Впоследствии был репрессирован, умер в ссылке. Оставил несколько вариантов воспоминаний о Есенине, один из которых опубликован (газ. «Вечерний Ленинград», 1990, 3 октября, № 229). В мае 1924 года сопровождал Есенина в его поездке в родное село.

...вернулся в край... в котором не был восемь лет.— На самом деле Есенин побывал в Константинове четырьма годами ранее, в конце апреля — начале мая 1920 г.

Есть сведения и о других его поездках в родное село в 1921—1922 годах.

Волость — здесь: здание сельского административного правления.

Русь бесприютная (с. 98).— З. Вост., 1924, 16 ноября, № 729; Прож., 1925, № 2, 21 января, с. 16; Стр. сов.

В 1926 году в распоряжении Н.П.Стора находились авторские рукописи «Руси бесприютной», «Письма к женщине», «Стансов» и др., являвшиеся первоисточниками публикации этих произведений в З. Вост. Согласно письму Н.П.Стора С.А.Толстой-Есениной от 2 июня 1927 года (Письма, 449), он переслал их из Тифлиса в московский музей Есенина, ныне их местонахождение неизвестно.

В Прож. (редактор А.К.Воронский) текст произведения напечатан без второй и третьей строф и под другим заглавием — «Русь беспризорная». В то время Есенин был на Кавказе и не мог сам вести свои московские издательские дела, так что публикация в Прож. осуществлялась без его участия. Судя по характеру описанных изменений текста, они были сделаны Воронским.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов. с авторской правкой опечатки в ст. 12) с учетом правки Есениным в ст. 23 («острощены» вместо «отропшены»), осуществленной на тексте З. Вост. (копия этой правки рукой С.А.Толстой-Есениной — ГЛМ) и с исправлением в ст. 78 («Не потому ль мой грустью» вместо «Не потому ль моею грустью») по остальным источникам. Датируется по Собр. ст., 2, где помечено 1924 г.

Согласно Н.К.Вержбицкому, первая публикация «Руси бесприютной» появилась в З. Вост. спустя три дня после

встречи Есенина с беспризорниками в Тифлисе (беллетризованное описание этого эпизода, сделанное тем же мемуаристом, см.: Восп., 2, 225—228). Среди более поздних творческих замыслов Есенина была также поэма о беспризорнике, «который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял» (из письма поэта к Н.К.Вержбицкому июня-июля 1925 года). Этот замысел не был реализован.

Г.А.Бениславская отмечала в 1926 году: «Исключительные нежность, любовь и восхищение были у Сергея Александровича к беспризорникам. Это запечатлелось в стихотворении „Русь бесприютная"» (Восп., 2, 66).

«Русь бесприютная» практически прошла мимо внимания критики. Лишь И.Т.Филиппов в статье «Лицом к Советской стране (О переломе в творчестве Есенина)» назвал это сочинение «прекрасным», а процитированные тут же строки (от слов «Но если б встали все» по слова «И вся земная слава») — «жгучими» (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август (на обл.: июль—август), с. 71).

Остро́щены — от «острасти́ть» (дать острастку, запугать).

Оливер Твист — герой романа Ч.Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (рус. пер. 1841).

В произведении упомянуты поэты А.С.Пушкин (1799—1837); М.Ю.Лермонтов (1814—1841), А.В.Кольцов (1809—1842), Н.А.Некрасов (1821—1877) и политические деятели Л.Д.Троцкий (1879—1940), В.И.Ленин (1870—1924), Н.И.Бухарин (1888—1938).

Русь уходящая (с. 102).— З. Вост., 1924, 6 ноября, № 722 (с датой: 2 ноября 24 г.); Р. сов.; Стр. сов.; И25.

Черновой автограф — РГАЛИ. Беловой автограф (ГЛМ), имеющий авторскую дату: «2/XI 24» (первоначально было: «1/XI 24»), являлся наборной рукописью для З. Вост.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов. с авторской поправкой ошибочного порядка слов в ст. 27). Дата в Собр. ст., 2 — 1924. Датируется по автографу (ГЛМ).

В ноябре 1924 года Есенин писал Г.А.Бениславской: «Посылаю „Русь уходящую". Покажите Воронскому. <...> Как нравится „Русь уходящая"?» Лаконичный ее ответ: «...очень нравится» (Письма, 255) вскоре был дополнен мнением Ф.Ф.Раскольникова. Свое письмо от 17 января 1925 года, пересланное Есенину Г.А.Бениславской, он начал так: «Дорогой Сергей Александрович! Ваши последние стихи „Русь уходящая", „Песнь о советском <так!> походе", „Письмо к женщине" приводят меня в восторг. Приветствую происходящий в вас здоровый перелом» (Письма, 267).

По-другому понял «Русь уходящую» В.З.Швейцер:

«Рифмованная политическая автобиография Есенина трогательна до грации. Это — лирика на тему о собственном советском паспорте, восхитительная по своей наивности.

<...> Есенин готов, пожалуй, признать СССР. Де-юре и де-факто. Но с очень существенными оговорками... И не без некоторых дружеских упреков:

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Обвинение жестокое, что и говорить. Оказывается, что, помимо прочей частной собственности, СССР национализировал также „светлую юность" Есенина.

Какие же, однако, „компенсации" за это, выражаясь политическим языком?

Несмотря на суровое обращение Есенина с СССР, этот последний все же „признает“ первого — не последним из первых наших поэтов.

А компенсация? В школу политграмоты, дорогой товарищ, соловей рязанский, милый, запутавшийся гениальный мальчик» (Бак. раб., 1924, 15 декабря, № 285; подпись: Пессимист; вырезка с вышеописанными библиографическими сведениями в записи рукой Есенина — Тетр. ГЛМ).

В воспоминаниях Н.К.Вержбицкого «В промежутке» (их заголовок является реминисценцией строки «Я очутился в узком промежутке» из «Руси уходящей»), написанных в 1926 году, утверждалось, что «здесь, в Тифлисе, он <Есенин>, глядя из окна гостиницы на марширующую комсомольскую рать, искренно захотел, „задрав штаны, бежать за комсомолом“...» (ГЛМ; расширенный беллетризованный вариант этих воспоминаний, обнародованный через тридцать с лишним лет, см.: Восп., 2, 208).

Этот своего рода рефрен «Руси уходящей» не замедлил стать объектом внимания и читателей, и критики. За суждением о нем как о «жалобно-комически-трагическом» (В.З.Швейцер) последовали такие строки давнего друга Есенина С.Т.Конёнкова, написавшего С.А.Клычкову из Нью-Йорка 29 апреля 1925 года: «Если встретишься с Сережей Есениным, передай ему наш привет. Я читал, что он решил „задрав штаны, бежать за комсомолом“. Для быстроты советую вмазать скипидару» (журн. «Новый мир», М., 1989, № 9, сентябрь, с. 198). Несколько месяцев спустя И.Т.Филиппов, посетовав, что Есенин «часто издевается над собой за свою отсталость, завидует, <...> что проглядел революцию» и т.п., резюмировал: «Но все это — дело поправимое, коли он всерьез собирается <...> „задрав штаны, бежать за комсомолом“» (журн.

«Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август (обл.: июль—август, с. 73). Напротив, анонимный рецензент ленинградской «Красной газеты» высказался так: «На это как-то хочется ответить, что за комсомолом таким способом не бегают, тем более что политучеба кажется поэту скучной и неинтересной» («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Не меньше внимания критика уделила строкам, вынесенным на титульный лист Стр. сов. как эпиграф:

Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

По свидетельству Н.К.Вержбицкого, этот эпиграф появился в книге «по почину издателя» Вирапа (Н.А.Вирапяна), председателя правления акционерного общества «Советский Кавказ»: «В поэме эта фраза была уместна и понятна. <...> Контекст подтверждал, что сам поэт смотрит на эти „падения" лишь как на временные и неизбежные обстоятельства. Но вырванная из стихотворения, да еще поставленная на титуле книги, рядом с названием сборника, эта фраза звучала весьма похоронно. <...>

И я нимало не удивился, услышав целый каскад ругательств, когда в конце февраля 1925 года, проездом через Тифлис, остановившись у меня на сутки, Есенин гневно потрясал в воздухе сборником „Страна советская" <...>.

— Провокация! — кричал Сергей и делал такие движения руками, словно собирался задушить Вирапа» (в кн. Н.К.Вержбицкого «Встречи с Есениным. Воспоминания», Тбилиси, 1961, с. 102—105).

Результат самочинных действий издателя вскоре сказался на критических отзывах о Стр. сов.

А.Лежнев писал: «„Страна советская" представляет собой <...> книгу кризиса, перелома. От мрачных и узко

личных настроений и мотивов „Москвы кабацкой“ поэт переходит к более широким темам, восстанавливает прерванную связь с общественностью, осматривается вокруг, старается определить свое место в новой жизни и принять в ней посильное участие. Он сам говорит — и эти стихи берет как эпиграф к книге <см. выше>. В этом много правды. Скользит и падает Есенин часто, но все же из прошлого выкарабкивается. И конечно, очень хорошо, что он это делает» (газ. «Правда», М., 1925, 15 марта, № 61; вырезка — Тетр. ГЛМ). Назвав те же строчки «лирическим, прочувствованным заявлением», И.С.Герасимов сделал затем такое обобщение: «*Есенин — попутчик. Он не поэт революции*, но более или менее органически с ней связан» (газ. «Вятская правда», 1925, 26 ноября, № 271; выделено автором; вырезка — Тетр. ГЛМ). С сомнением идеологического характера упоминали о стихах, взятых эпиграфом к Стр. сов., В.Липковский (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809; вырезка — Тетр. ГЛМ), анонимный рецензент («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка — Тетр. ГЛМ) и А.Я.Цинговатов (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 62). Последний также писал, предваряя цитируемое им начало поэмы: «Есенин пытается осознать себя как социальную личность и убеждается в своем прослоечном положении в обществе, в промежуточном положении между двумя поколениями — отцов и детей» (там же).

Русь уходящая.— Одним из вероятных источников заглавия произведения Есенина является название книги другого автора. Между 1 и 15 июня 1924 г. во Всероссийскую книжную палату поступила книга В.П.Полонского «Уходящая Русь: Статьи об интеллигенции 1920—1924», М., 1924 (журн. «Книжная летопись», М., 1924, № 11,

июнь, с. 913). Эта книга открывается статьей «Интеллигенция и революция». Отчетливые смысловые параллели фрагментов последней с одним из мест есенинского произведения (см. ниже) указывают, что Есенин внимательно прочел «Уходящую Русь» Полонского.

Но есть иные люди. // Те // <...> как отрубь в решете, // Средь непонятных им событий. // <...> // Они в самих себе умрут...— В начале статьи «Интеллигенция и революция» В.П.Полонский писал: «Столкновение интеллигенции с революцией превратило первую в груду осколков», а в ее завершающей части резюмировал: «Старая интеллигенция умерла и не воскреснет, потому что не возвратится вчерашний день...» (в его кн. «Уходящая Русь», М., 1924, с. 5 и 30).

На Кавказе (с. 107).— З. Вост., 1924, 19 сентября, № 681; Кр. нива, 1925, № 7, 5 февраля, с. 159; Стр. сов.

Черновой автограф ст. 1—36 (РГБ) исполнен на обороте последней (по авторской нумерации, девятой) страницы статьи поэта о «предстоящем сезоне в литературе», где после подписи «Сергей Есенин» рукой автора проставлено: «Тифлис. 13/IX.24».

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.). Дата в Собр. ст., 2 — 1924. Датируется по публикациям в З. Вост. и Кр. ниве, где под текстом стихотворения стояло: «Тифлис. Сентябрь 1924».

В.А.Мануйлов рассказывал об одном из эпизодов своей беседы с Есениным (21 сентября 1924 г. в Баку): «Заговорив о Маяковском, Есенин заметно помрачнел. Он очень был обижен стихотворением «Юбилейное», написанным в тот год к 125-летию со дня рождения Пушкина. Маяковский <...> уничижительно отозвался и о Есенине:

Ну, Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!

Быть может, тогда эти стихи Маяковского казались Есенину самой большой обидой во всей его жизни, и он не скрывал, что они его больно ранили. Есенин всегда благоговейно относился к Пушкину, и его особенно огорчало, что именно в воображаемом разговоре с Пушкиным Маяковский так резко и несправедливо отозвался о нем, о Есенине. Как будто эти слова Пушкин мог услышать, как если бы он был живым, реальным собеседником. Свою обиду он невольно переносил и на творчество Маяковского.

— Я все-таки Кольцова, Некрасова и Блока люблю. Я у них и у Пушкина только и учусь. Про Маяковского что скажешь? Писать он умеет — это верно, но разве это поэзия? У него никакого порядку нет, вещи на вещи лезут. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Маяковского все как после землетрясения <...>.

Есенин как-то весь потускнел, от утренней свежести не осталось и следа. Грустные глаза, усталая опустошенность во взгляде, горькая улыбка.

Потом стал читать свое недавно написанное в Тифлисе стихотворение про Кавказ» (Восп., 2, 174).

К рассказу В.А.Мануйлова нужно добавить, что «Юбилейное» Маяковского было опубликовано в З. Вост. 7 сентября 1924 года, т.е. всего за один-два дня до приезда в Тифлис Есенина. Все это, вместе взятое,

объясняет, почему в стихотворении «На Кавказе» есть строки, посвященные В.В.Маяковскому.

Затем Есенин вспомнил Н.А.Клюева — в одиннадцатой строфе «На Кавказе» содержится известное определение «ладожский дьячок», отображающее негативное отношение его автора к клюевской религиозности. Это обращение здесь к имени Клюева также не случайно. Поэты встречались летом 1924 года в Ленинграде, и разногласия по религиозным вопросам в их беседах действительно возникали. Вот свидетельство самого Клюева из его письма друзьям от 18 августа 1924 года: «Особенно меня поразило и наполнило острой жалостью последнее свидание с Есениным, его скрежет зубный на Премудрость и Свет. Об этом свидании расспросите Игоря <И.И.Маркова> — он был свидетелем пожара есенинских кораблей. Но и Есенин с его искусством и я со своими стихами так малы и низко-презренны перед правдой прозрачной, непроглядно-всебытной, живой и прекрасной...» (Письма, 339). Этот разговор с Клюевым мог вспомниться Есенину, когда он работал над стихотворением «На Кавказе».

Следующая (двенадцатая) строфа стихотворения вновь содержит отзвук «Юбилейного» В.В.Маяковского,— на этот раз таких его строк: «Чересчур // страна моя // поэтами нища». Очевидно, что, написав «Других <поэтов> уж нечего считать» и т.д., Есенин согласился здесь с Маяковским (наблюдение А.А.Козловского).

Т.Ю.Табидзе писал в 1926 году о Есенине: «В первый же день приезда в Тифлис он прочел мне и Шалве Апхаидзе свое „Возвращение на родину". И стихи и интонация голоса сразу показали нам, что поэт — в творческом угаре, что в нем течет чистая кровь поэта.

В этот приезд С.Есенин сознательно стремился порвать со старым образом жизни. Видно было, что кабац-

кая богема ему до боли надоела, но он еще не находил сил вырваться из ее оков:

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой...

Поэт благодарит Кавказ: он научил его русский стих „кизиловым струиться соком“,— и дает как бы клятву <следует четырнадцатая строфа „На Кавказе“>. <...>

Кавказ, как когда-то для Пушкина, и для Есенина оказался новым источником вдохновения. <...> Есенин был в Грузии в зените своей творческой деятельности, и нас печалит то, что он безусловно унес с собой еще неразгаданные напевы, в том числе и напевы, навеянные Грузией. Ведь он обещал Грузии — о ней „в своей стране твердить в свой час прощальный“» (Восп., 2, 192—194).

Стихотворение Есенина стало для А.П.Селивановского поводом к таким суждениям: «Мы можем теперь говорить о новом Есенине. <...> Есенин повернулся к Пушкину. <...> И на Кавказе, где жил Пушкин, где грудь Лермонтова встретила свою смертельную пулю, он обращается к той же эпической простоте великих ушедших гениев <цитируются седьмая и восьмая строфы стихотворения>. Не подражательность, не стилизация под Пушкина, не рабское копирование музыки пушкинских ритмов. Через голубую туманность неопределенных юношеских переживаний, через кабацкие взвизги хмельных ночей Есенин пришел к суровой чеканной простоте зрелого и действительно великого поэта» (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 16).

Не пой, красавица, при мне...— первая строка стихотворения А.С.Пушкина (1828).

Азамат и *Казбич* — персонажи романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).

Зурна и *тари* — восточные музыкальные инструменты.

Зане (церковнославянск.) — так как, потому что.

Поэтам Грузии (с. 110).— З. Вост., 1924, 23 ноября, № 735; Стр. сов.

Автограф неизвестен. Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.). Датируется по Собр. ст., 2.

Т.Ю.Табидзе писал: «...нет возможности описать все встречи с поэтом: много в них интимного, многое лишено широкого общественного интереса, многого просто не уместить, но есть и многое важное для советской общественности — я имею в виду взаимоотношение русских и грузинских поэтов. У меня со стенографической точностью воспроизведены <...> беседы на эту тему на банкете, устроенном в честь С.Есенина <эти записи Т.Табидзе неизвестны>. Есенин вскоре ответил на эти беседы стихотворением „Поэтам Грузии“» (Восп., 2, 194).

Об авторском исполнении этого произведения вспоминала Н.А.Табидзе: «Один раз <...> он <Есенин> пришел к нам в двенадцать часов ночи. В это время и Паоло Яшвили был у нас. Необычайно творчески взволнованный, Есенин достал свое новое стихотворение и прочитал друзьям. То было известное стихотворение „Поэтам Грузии“, в котором, как и в стихотворении „На Кавказе“, он пел о душевном братстве русских и грузинских поэтов.

Это был необычайный поэтический вечер.

Тициан достал книгу стихов Важа Пшавела и читал Есенину по-грузински, тут же слово в слово переводя. Восторгу Есенина не было границ» (Восп., 2, 197—198).

Комментарием к воспоминаниям супругов Табидзе могут послужить слова самого поэта из его письма к Т.Ю.Табидзе от 20 марта 1925 г.: «Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в

Москве и Питере — тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас».

Голубые роги — эти слова употреблены здесь в прямом смысле, но в них есть и метафорический оттенок: такое название имела существовавшая в 1916—1930 годах литературная группа грузинских поэтов; ее членами были П.Яшвили, Т.Табидзе, Г.Леонидзе и др.

Баллада о двадцати шести (с. 114).— Бак. раб., 1924, 22 сентября, № 214; Р. сов.; Стр. сов.

Автограф неизвестен. Печатается по наб.экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 52 и 152 («пролетарьят» вместо «пролетариат») по остальным источникам.

Дата в Собр. ст., 2 — 1924. Датируется с учетом пометы после текста: «Баку, сентябрь», имеющейся в Бак. раб. и Р. сов.

Обстоятельства создания «Баллады» после возвращения Есенина в Баку из Тифлиса 20 сентября 1924 года описал П.И.Чагин: «Отдав короткую дань излиянию дружеских чувств, я пожурил Есенина за то, что он так поздно приехал: ведь 20 сентября — священный для бакинцев день памяти 26 комиссаров. И если бы приехал дня на два раньше, он мог бы дать в юбилейный номер стихи. Есенин еще в Москве признавался мне, что тема гибели 26 комиссаров волнует его.

Быстро договорились поправить дело и поместить есенинские стихи по горячему следу в ближайшем номере газеты. Но их еще нет в природе. Как же быть?

Я вооружил Есенина материалами о 26 бакинских комиссарах — недостатка в них в Баку не было. <...> Есенин жадно набрасывается на эти материалы и запирается в моем редакторском кабинете.

Под утро приезжаю в редакцию и вижу: стихи „Баллады о двадцати шести“ на столе. <...> В ближайшем номере, 22 сентября, „Баллада о двадцати шести“ была напечатана в „Бакинском рабочем“» (Восп., 2, 161).

В юбилейном номере Бак. раб. от 19 сентября 1924 года среди множества материалов о 26 комиссарах было, в частности, стихотворение в прозе «Борцам за свободу» за подписью «Александров-Вольский»:

«*Их было 26...*

Жарко светило солнце, обливая красными лучами тружеников серпа и молота. <...>

В далеких песках Закаспия горячим *песком задернуло трупы 26-ти.*

Острые пули пронзили сердце.

Их было 26. Сейчас их нет.

Но память о них и каленым железом не выжжешь из пролетарских сердец» (Бак. раб., 1924, 19 сентября, № 213; курсив наш.— *Комм.*).

Связь рефрена «Баллады» с приведенным текстом (имеет место прямое цитирование) не только подтверждает воспоминания П.И.Чагина, но позволяет установить, что Есенин написал «Балладу» в ночь с 20 на 21 сентября 1924 года.

Оценки произведения в печати поначалу были сдержанными. А.Лежнев лишь указал, что в ней «есть хорошие места» (газ. «Правда», М., 1925, 15 марта, № 61; вырезка — Тетр. ГЛМ), а В.А.Красильников, сделав упор на то, что «ценность новых стихов Есенина заключается в социальности и революционности тем — в них вчерашний лирик-индивидуалист заговорил <...> о героической смерти в Баку двадцати шести ответственных советских работников <...>», оговаривался: «Поэт еще не нашел для новых революционных тем оригинальной, достаточно сильной и креп-

кой формы» (журн. «Книгоноша», М., 1925, № 26, 31 июля, с. 17). Иначе отнеслись к произведению Есенина критики-провинциалы. Так, И.Т.Филиппов назвал его «мощным» (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август (обл.: июль-август.), с. 71), а В.Г.Никонов писал: «Нас залило наводнением стихотворных олеографий эпохи гражданской войны, а многие ли вызывают горечь и гнев, как „Баллада о 26" расстрелянных бакинских комиссарах <приведено начало „Баллады">» (журн. «Стрежень», Ульяновск, 1925, № 1, ноябрь, с. 11).

Якулов Георгий Богданович (1884—1928) — живописец и скульптор, соавтор «Декларации» имажинистов и <«Обращения имажинистов»>, один из друзей Есенина. Им был разработан проект памятника 26-ти бакинским комиссарам, эскиз которого (как и вышеупомянутое сочинение Александрова-Вольского) был воспроизведен в Бак. раб. 19 сентября 1924 г. Можно предположить, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль в решении Есенина посвятить свою «Балладу» скульптору.

В поэме упоминаются два из двадцати шести бакинских комиссаров — С.Г.Шаумян (1878—1918) и П.А.Джапаридзе (1880—1918). Расстрел комиссаров произошел 20 сентября 1918 года между станциями Перевал и Ахча-Куйма Закаспийской железной дороги.

«Баллада» вскоре была переведена на болгарский язык (фрагменты перевода опубликованы в софийском еженедельнике «Наковальня» 24 марта 1927 года).

Письмо к женщине (с. 122).— З. Вост., 1924, 21 ноября, № 733; Р. сов.; Стр. сов.

Автограф неизвестен. Рукопись Есенина, которая являлась первоисточником публикации в З. Вост., была, по-

видимому, утрачена в 1926—1927 гг. (об этом см. в комментарии к «Руси бесприютной» — с. 413 наст. тома).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с уточнением ст. 41 («Незрело знающий работу» вместо «Но зрело знающий работу») по другим экземплярам Стр. сов.* и всем остальным источникам. Датируется по Собр. ст., 2.

В письме от 20 декабря 1924 года Есенин спрашивал Г.А.Бениславскую: «Как Вам нравится „Письмо к женщине?“» Ее ответ содержался во встречном письме от 25 декабря: „Письмо к женщине“ — я с ума сошла от него. И до сих пор брежу им — до чего хорошее оно!» (Письма, 262). 27 декабря 1924 года она вновь писала: «А „Письмо к женщине“ — до сих пор под этим впечатлением хожу. Перечитываю и не могу насытиться» (Письма, 264).

Печатные отклики на «Письмо к женщине» были немногочисленны. Анонимный рецензент Р. сов. усмотрел в

---

* В наборе, с которого тиражировалась Стр. сов., буква «е» имела дефект, в результате чего ее отпечаток на бумаге нередко можно было принять за «о». Поэтому в ряде экземпляров Стр. сов. (в том числе и в использованном как наб. экз.) в ст. 41 «Письма к женщине» слова «Не зрело» выглядят как «Но зрело». Это последнее начертание было воспроизведено по наб. экз. в Собр. ст., 2, с. 133, а затем — в большинстве книг Есенина, выпущенных в 1926—1990 гг. Исключением стали некоторые издания, подготовленные С.П.Кошечкиным (начиная с кн.: Есенин С. Плеск голубого ливня. М., 1975). Печатая ст. 41 со словом «незрело», С.П.Кошечкин опирался прежде всего на суждение Н.К.Вержбицкого, бывшего в 1924 году сотрудником «Зари Востока» и имевшего отношение к первой публикации «Письма к женщине» (см. кн. Н.Вержбицкого «Встречи с Есениным: Воспоминания», Тбилиси, 1961, с. 101). Отчетливый текст ст. 41 с «не зрело» см., например, в одном из экземпляров Стр. сов., имеющемся в книгохранилище Российской государственной библиотеки (шифр Z 73/220).

нем (а также в «Письме от матери»), лишь «риторические объяснения» («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка — Тетр. ГЛМ), тогда как В.А.Красильников назвал «Письмо...» «автобиографической исповедью» (журн. «Книгоноша», М., 1925, № 26, 31 июля, с. 17). О «яростном попутничестве» поэта высказалось несколько критиков. Если В.Липковский писал, что «в эпоху диктатуры пролетариата, яростной борьбы за полную победу на идеологическом фронте опасно оставаться только попутчиком, хотя бы и „яростным“» (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809; вырезка — Тетр. ГЛМ), то И.Т.Филиппов (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август, (на обл.: июль—август), с. 73) и А.Я.Цинговатов отнеслись к этому высказыванию Есенина с сочувствием. Последний предварил слова Есенина о себе как «яростном попутчике» таким рассуждением: «Признаниями советской действительности в 1924 году никого не удивишь,— и все же есенинское „признание“ имеет свое социальное значение: ведь Есенин — поэт того поколения крестьянской середняцкой молодежи, которое врасплох было захвачено революцией, было выбито из колеи, колебалось между зелеными и красными, между махновщиной и большевизмом, металось между кулачеством и беднотой, выявляя свою неустойчивую двуликую природу, а теперь, вступив в зрелый возраст <...>, поуспокоилось, поодумалось, стало на путь попутчества и сотрудничества, с рвением окончательно прозревшего» (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 61).

В.Липковский обратил внимание на музыкальность многих стихов, помещенных в Стр. сов.; в частности, по поводу «Письма к женщине» он писал: «...графическим начертанием стихов он <Есенин> подчеркивает их мелодическую сущность, любезно указывая своему читателю,

где он должен сделать паузу, любезно руководя его интонацией <приведены начальные семь строк „Письма...“>» (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Выступая на вечере, посвященном Есенину, Мейерхольду, Луначарскому (Москва, Центральный дом актера, декабрь 1967 г.), Е.А.Есенина свидетельствовала, что адресат «Письма к женщине» — бывшая жена поэта, З.Н.Райх (запись выступления — в архиве Ю.Л.Прокушева). Зинаида Николаевна *Райх* (1894—1939) в 1924 году была актрисой Государственного театра им. Вс. Мейерхольда (ГосТИМ) и женой его руководителя.

Письмо от матери (с. 126).— З. Вост., 1924, 7 декабря, № 747; Р. сов. (с искажением заглавия — «Письмо к матери»); Стр. сов.; И25.

Беловой автограф — ИМЛИ. Вырезка из З. Вост. с авторской правкой (собрание Ю.Л.Прокушева, Москва).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 43 («Был ты так смиренен» вместо «Был так смиренен») по всем остальным источникам и уточнением в ст. 50 («горьше» вместо «горше») по автографу. Датируется по Собр. ст., 2, где помечено 1924 г.

15 декабря 1924 года Г.А.Бениславская писала Есенину: «На днях был у меня Вардин. <...> Показывал Ваше: „Письмо от матери“ и „Ответ“. Правда, я как следует не прочла, но, кажется, хорошо очень» (Письма, 258).

Еще один беглый отклик на «Письмо от матери», промелькнувший в печати, упомянут в комментарии к предыдущему тексту (с. 427—428 наст. тома).

Есенин Александр Никитич (Никитович; 1873—1931) — отец поэта. Его письма сыну см.: Письма, 212—213, 294—296, 302.

Ответ (с. 130).— З. Вост., 1924, 7 декабря, № 747; Р. сов.; Стр. сов.; И$_{25}$.

Черновой набросок ст. 1—4 — ИМЛИ (на обороте последнего листа автографа «Письма от матери»). Вырезка из З. Вост. с авторской правкой (собрание Ю.Л.Прокушева, Москва).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 51 (вместо «Солнцем-Лениным» — «в триста солнц») по вышеуказанной авторской правке в тексте З. Вост. и И$_{25}$. Датируется по Собр. ст., 2, где помечено 1924 г.

Т.Ю.Табидзе свидетельствовал: «Здесь, в Тифлисе, на наших глазах писались эти мучительные стихотворные послания „К матери“ <...> и их воображаемые ответы. Все эти стихи построены на контрастах: на юге в бесснежную тифлисскую зиму поэт почти с неприязнью вспоминает рязанскую зиму», (Восп., 2, 193).

Первый рецензент Р. сов. М.Х.Данилов, процитировав предпоследнюю строфу «Ответа» вкупе со строками других произведений сборника для иллюстрации отрезвления Есенина «от угарного похмелья творческого беспутства», заключал: «Это — уже много для Есенина» (Бак. раб., 1924, 25 декабря, № 294).

Другие критики обратили внимание на седьмую строфу. Если аноним из «Красной газеты» назвал ее начальные строки «ужасающим утверждением» («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 28 июля, № 185; вырезка — Тетр. ГЛМ), то А.Лежнев в связи с ней писал: «Отдает фальшью такое объяснение своего ухода в разгул, в кабак» (газ. «Правда», М., 1925, 15 марта, № 61; вырезка — Тетр. ГЛМ).

По поводу пятой и шестой строф «Ответа» в приподнятом тоне высказался А.Я.Цинговатов: «...странно было

бы, если бы такой вышедший из недр народный поэт, как Есенин, инстинктивно „рванувшийся“ в свое время к Октябрю, не полюбил теперь тех великолепных просторов, которые открылись для Руси Советской именно благодаря весеннему разливу Октября» (журн. «Комсомолия», М., 1925, № 7, октябрь, с. 61—62).

Два отклика касались стилистики и лексики произведения. В.Липковский привел его первую строфу для иллюстрации следующего тезиса: заставляя видеть в слове — вещь, «самые простые, крепкие, имеющие только один объективный смысл „вещи“ располагает он <Есенин> в лучшем порядке. Отсюда достижение больших эффектов при наименьшей затрате изобразительных средств» (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809; вырезка — Тетр. ГЛМ). С.А.Селянин, назвав Есенина «крупным поэтом-современником», писал далее: «Нельзя не обратить внимание на несколько бесцеремонное обращение поэта с языком. „Поэтическая вольность“ у него достигает предела. Не постесняется он, например, употребить слово, которое не встретится вам ни в каком словаре, например: *плакида*. Иногда, не обращая внимания на богатство языка, он может привязаться к одному слову, например, *планета*,— но все эти недостатки нисколько не умаляют достоинств, так как и они — специфическая особенность поэта» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1925, 28 июля, № 168; выделено автором; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Стансы (с. 134).— З. Вост., 1924, 26 октября, № 713; Стр. сов.; Кр. нива, 1925, № 5, февраль, с. 108.

Автограф неизвестен. Об утрате первоисточника публикации «Стансов» в З. Вост. см. комментарий к «Руси бесприютной» (с. 413 наст. тома).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 44 («Не фунт изюму нам» вместо «Не фунт изюму вам») по всем остальным источникам. Датируется по Собр. ст., 2, где помечено 1924 г..

Написано не позже 2 октября 1924 года, ибо было прочитано автором в студенческом клубе им. Сабира (Баку) 3 октября того же года.

В отчете об этом вечере поэзии Есенина по поводу «Стансов» было сказано: «В прощальном стихе Есенин поклялся, находясь под влиянием запаха бакинской нефти, взяться за изучение Маркса, которого он „ни при какой погоде в руки не брал". Можно этому поверить, можно и нет. Вернее всего — нет, потому что это сказано слишком крикливым голосом. Сказано с жеманством самовлюбленного поэта, которому „Демьяны Бедные — не чета". А этих Демьянов читают десятки миллионов людей, притом не больных, не просушивших свои дни в кабаках, а здоровых, творящих новую жизнь» (газ. «Труд», Баку, 1924, 5 октября, № 224; подпись: Циклоп; псевдоним не раскрыт). С неодобрением отнесся к «Стансам» и М.Х.Данилов: «А последней вещи, явно не сделанной еще, совсем читать не следовало» (Бак. раб., 1924, 6 октября, № 226; подпись: М.Д-ов; вырезка — Тетр. ГЛМ). Полемизируя с М.Х.Даниловым относительно общей характеристики поэзии Есенина, М.В.Долганов сошелся с ним и с Циклопом в оценке «Стансов»: «...мы <...> слышали также, что он хочет „засесть" за Маркса. Но мы опять-таки знаем: сегодня он обещает „засесть" за Маркса, а завтра он же, Есенин, пропьет его в кабаке. <...> Есенин говорит: „Я поэт, и не чета Демьянам,—

меня читают двадцать пять миллионов". Мы не беремся опровергать это утверждение (не стоит!), но и в то же время напоминаем, что Демьянов этих читает весь стомиллионный Союз. Есенина же знают только те, которые не купались в родниках Маркса и Ленина, и те, которые так еще безумно, как и сам Есенин, тоскуют о „тех берегах"» (газ. «Труд», Баку, 1924, 8 октября, № 227; подпись: М.Камский).

Строки о Демьяне не понравились и Г.А.Бениславской. Получив от Есенина «Стансы», в ответном письме (декабрь 1924 года) она писала: «„Стансы" (П.Чагину) нравятся, но не могу примириться с „я вам не кенар" и т.п. Не надо это в стихи совать. <...> Да, это стихотворение будет напечатано в „Красной нови", но будет „болванам", а не... Вардин на этом настаивает, и я с ним согласна. А вообще стихотворение хорошее» (Письма, 256—257). К тому времени стихотворение уже было напечатано в З. Вост. именно с такой редакцией ст. 37 («Я не чета каким-то там болванам»), которая предлагалась И.Вардиным. В публикации же «Стансов» в Кр. ниве (а не в Кр. нови) «криминальные» строки с упоминанием Д.Бедного вообще отсутствовали.

По выходе Стр. сов., где стихотворение было напечатано целиком и без искажений, нашлись, однако, читатели, имевшие другую точку зрения на это место «Стансов». Так, М.И.Себекин писал Есенину 1 апреля 1925 года: «...всем своим русским знакомым я читаю отрывки Ваших стихов и заставляю покупать Сережку Есенина, потому что он новый большой русский поэт, а не куплетист... <...> Вижу вдали большую птицу, распростершую свои широкие крылья и готовую взметнуться в голубую, звонкую высь, это — Есенин, и слышу, как крылья этой могучей птицы обламывает какая-то погань, но поздно, „ид-

ри ваши полки“, Есенин облетел уже пол-России. Пускай себе РКСМ (молодежь) поет „Демьяновы куплеты“ (Демьянова уха приторна), а иная молодежь будет читать Есенина» (Письма, 277—278). Менее восторженно, но так же сочувственно отнеслись к тем или иным строкам «Стансов» И.Т.Филиппов (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август (на обл.: июль—август), с. 71) и К.В.Урлин (газ. «Нижегородская коммуна», 1925, 1 октября, № 224). Даже В.В.Маяковский, который, публично выступая 10 сентября 1925 г. в Нью-Йорке, подчеркнул, что «талантливость Есенина только усиливает необходимость борьбы с есенинским движением в советской поэзии», отдал затем должное «последним работам Есенина, начавшего сознавать необходимость „засесть за Маркса“» (газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 12 сентября, № 3588).

Не смогли обойти молчанием рефрен «Стансов» и другие критики — о Марксе и Есенине писали, в частности, В.Липковский (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809, вырезка — Тетр. ГЛМ), Н.В.Богословский (журн. «Новый мир», 1925, № 3, март, с. 155; подпись: Н.Б.), В.П.Друзин («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 15 мая, № 116). Но главным оппонентом Есенина стал здесь А.К.Воронский. Первоначально он отозвался на «Стансы» несколькими неодобрительными фразами: «„Стансы“ плохи и неубедительны. <...> О Марксе и Ленине Есенину, пожалуй, писать рано, а внимательно ими заняться, не для красного словца, а для переработки некоторых сторон своего творчества, очень своевременно и кстати. <...> Это не в упрек и не в обиду Есенину, а в дружеское и искреннее предупреждение, единственно для того, чтобы он давал хорошие отсортированные стихи, спаянные с современностью. Кому многое дано, с того

многое и взыщется. Есенину дано многое» (Прож., 1925, № 5, 15 марта, с. 26).

В другом месте А.К.Воронский уже давал «Стансам» развернутую негативную оценку: «Очень хорошо, что Сергей Есенин, хотя и с большим запозданием, решил стать певцом и гражданином „великих штатов СССР" и „тихо" засесть за Маркса: поучиться у Маркса многим и многим из наших поэтов в самом деле давно пора. И можно бы после „Москвы кабацкой" только порадоваться „прозрению" поэта. Беда, однако, в том, что стихи во имя Маркса просто плохи: „стишок *писнуть*", „эра новая *не фунт изюму* нам" в устах такого первоклассного поэта, каким является Есенин, звучат совершенно неприлично. <...> Но хуже всего даже не эти „фунты изюма", не „писнуть", даже не скудная, сырая рифмовка стиха,— хуже всего, что „Стансам" не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого серьезного, искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиро и фальшиво. <...> ...они <"Стансы"> безрадостны и худосочны, их слова вялы, пожалуй, верно в них пока одно: жалобы поэта на скуку от Маркса: для него он действительно скучен: он его не читал и не нюхал. „Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал" — это куда правдоподобней. <...> Если внимательно вчитаться в „Стансы", станет очевидным, что за внешней революционностью таится глубочайшее равнодушие и скука; как будто говорит поэт: хотите революционных стишков,— могу, мне все равно, могу о фонарях, об индустрии, о Ленине, о Марксе. Плохо? Ничего, сойдет: напечатаете. <...>

„Стансы" С.Есенина отнюдь не случайность. Они характерны для нашего времени и поэтому на них следует остановиться. Нам неоднократно приходилось указывать на весь вред от литературного цуканья, когда от художни-

ка требуют марксизма и коммунизма целостного, законченного и завершенного, именно на все 100%. <...> Не так давно от одного из сторонников этого направления довелось услышать такое замечание: „Пусть пишут неискренно, но пусть дают нужные вещи". Такая „установка" в нашу пору, к величайшему сожалению, находит себе сторонников и уже начинает приносить, как выражались раньше, свои горькие плоды. <...> „Стансы" С.Есенина тем именно и показательны, что в них есть попытки внешние, показным образом, приспособиться к нашим пуританам. Они же вскрывают и всю несообразность формулы: пусть пишут неискренно, но пусть пишут нужные вещи; они неискренны, потому плохи и потому ненужны.

Таких „стишков", рассказов и повестей пишется сейчас изрядно. Это — прямая опасность для литературы. Внешне, на виду у нас может казаться все благополучным; будет все по форме — и Маркс, и Ленин, и индустрийная мощь; а на деле — расхождение показного творчества с внутренними потенциями художника, с его эмоциями и мыслями» (альм. «Наши дни», М.—Л., 1925, № 5, с. 305—309; выделено автором).

Вскоре на эту инвективу А.К.Воронского откликнулся в Париже С.И.Португейс: «Сергей Есенин решил, наконец, остепениться, т.е. приняться за изучение „Капитала". Об этом он счел нужным поведать миру в „Стансах", напечатанных в газете „Заря Востока". Выдержки из этого стихотворения мы находим в № 5 альманаха „Наши дни" <процитированы так же, как и в „Наших днях": 2-я, 3-я, 6-я, 7-я и три последних строфы; напомним, что ст. 37 содержала в этой цитате неесенинское слово „болванам">. Чего, казалось бы, лучше? А вот подите же: советская критика все еще недовольна. В той же книге „Наших дней" А.Воронский подвергает приведенное стихотворение

самой беспощадной критике. <...> Бедный Есенин» (газ. «Звено», Париж, 1925, 24 августа, № 134; подпись: Ст.).

Благодаря парижскому критику извлечения из «Стансов» достигли читателей русского зарубежья. После того как они, по словам И.А.Бунина, «случайно попались» ему «на глаза», он дал им такую оценку (имея в виду прежде всего шестую и седьмую строфы произведения):

«Эти хвастливые вирши <...>, принадлежащие некоему „крестьянину" Есенину, далеко не случайны. <...> И какая символическая фигура этот советский хулиган и сколь многим теперешним „болванам", возвещающим России „новую эру", он именно чета и сколь он прав, что тут действительно стоит роковой вопрос: под знаком старой или так называемой новой „эры" быть России и обязательно ли подлинный русский человек есть „обдор", азиат, дикарь или нет? <...> ...современный советский стихотворец, говорю еще раз, очень показателен: он не одинок, и целые идеологии строятся теперь на пафосе, родственном его „пафосу", так что он, плут, отлично знает, что говорит, когда говорит, что в его налитых самогоном глазах „прозрений дивных свет". При всей своей нарочитости и зараженности литературщиной он кровное дитя своего времени и духа его» (газ. «Возрождение», Париж, 1925, 12 октября, № 132).

В стихотворении «1 мая» (1925) Есенин ответил своим оппонентам так:

Пускай меня бранят за стансы —
В них правда есть.

О Петре Ивановиче *Чагине* (1898—1967) см. т. 1 наст. изд. (с. 640). В.Е.Субботин так передает его рассказ о «Стансах»: «...Петр Иванович говорит так, что когда Есенин принес ему там, в Баку, их, „я сказал, что

не помещу, скажут, что Чагин печатает стихи о самом себе". Предлагал еще убрать „Демьяна". Потому что Бедный Демьян его друг... Есенин ответил, что напечатает и так» (Хроника 2, 307).

Бедный Демьян (Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945) — поэт, широко публиковавшийся в партийной и советской печати первых послеоктябрьских лет.

Письмо деду (с. 138).— Бак. раб., 1924, 29 декабря, № 297 (с датой: «Батум. Декабрь 1924 год»); Стр. сов.; З. Вост., 1925, 24 января, № 786; Прож., 1925, № 4, 28 февраля, с. 28.

Черновой автограф — РГАЛИ. Беловой автограф — собрание К.Гинзбурга (Нью-Йорк, США). Оба автографа не датированы. Машинописный отпуск текста, являвшегося наборной машинописью для публикации стихотворения в Прож.,— РГАЛИ. Сохранилась также копия авторской правки ст. 8 в тексте из З. Вост. рукой Е.Н.Чеботаревской (ГЛМ).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.) с исправлениями в ст. 14 («накинув» вместо «накинуть») и 71 («довезут» вместо «завезут») по другим источникам.

Дата в Собр. ст., 2 — 1924. Датируется по первой публикации. Написано до 20 декабря 1924 года, поскольку в этот день Есенин уже писал Г.А.Бениславской: «На днях пришлю <...> „Письмо к деду"».

Одним из первых о «Письме деду», сопоставив его с «Сорокоустом», высказался в печати А.К.Воронский: Есенину теперь «необходимо пересмотреть и переоценить кое-что в прежнем поэтическом инвентаре. Художник и старается это сделать. Деревня прошлых времен пугливо косилась на железного гостя. Она жалела о той поре, „когда пару красивых степных россиянок отдавал за коня печенег"; она испуганно металась пред городом, пред ка-

менными руками шоссе. Русь Советская будет жива железным гостем, паровозами, электричеством, заводами, нефтью. В письме к деду Есенин уже убеждает последнего не бояться сесть на стальную кобылу и понять ее преимущества <приведены 13-я и 14-я строфы произведения>. Это звучит по-иному, чем, например, „Сорокоуст"...» (Прож., 1925, № 5, 15 марта, с. 26).

Это сопоставление было подхвачено другими критиками: его проводили А.П.Селивановский (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 16), Б.Маковский (газ. «Полесская правда», Гомель, 1925, 17 мая, № 111; вырезка — Тетр. ГЛМ), В.Г.Никонов, который, в частности, писал: «Еще пять лет назад „смешной дуралей жеребенок", гонящийся за паровозом, был ему милей последнего. В „Письме деду" не только сознание, но и чувство пишущего уже на стороне стальной конницы» (журн. «Стрежень», Ульяновск, 1925, № 1, ноябрь, с. 11).

«Письмо деду» обращено к Федору Андреевичу *Титову* (1845—1927), деду поэта по матери.

«Достойно есть», «Отче», «Символ веры» — православные молитвы. «Отче» («Отче наш...») — текст из Мф. VI, 9—13 или Лк. XI, 2—4, именуемый «Молитва Господня». «Символ веры» и «Достойно есть» — песнопения Божественной литургии св. Иоанна Златоустаго («Православный богослужебный сборник», М., 1991, с. 50—51).

Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») (с. 143).— Круг-III*, с. 227—230, с заглавием «Отрывок

---

* Книга поступила во Всероссийскую книжную палату между 1 и 15 мая 1924 г. (журн. «Книжная летопись», М., 1924, № 9, май, с. 672).

из поэмы» (ст. 1—87); Кр. новь, 1924, № 4, июнь-июль, с. 129, с заглавием «Отрывок из поэмы „Гуляй-поле“ (*О Ленине*)» (ст. 82—96); Стр. сов.

Черновые автографы первой незавершенной редакции («Повстанцы») и примыкающего к ней отрывка («Но что там за туманной дрожью?..»); черновой набросок начала второй редакции («Надгробный плач нам стал досаден...»); беловой автограф второй редакции с заглавием «Отрывок из „Гуляй-поля“» (ниже — *Ред. II*); черновой автограф ст. 34—45 («Ученый бунтовщик, он в кепи...») третьей редакции (ниже — *Ред. III*), известной лишь в печатном виде (Круг-III, с. 227—230) — РГБ. Четвертая редакция (ниже — *Ред. IV)* — ИМЛИ (печатный текст в составе Круга-III с правкой и вставками автора).

Из них в виде самостоятельных текстов публиковались: 1) «Повстанцы»: ст. 1—29 — Хроника 2, вкл. л. между с. 128 и 129 (факсимиле); ст. 30—33 — Есенин 3 (1962), с. 258; 2) отрывок «Но что там за туманной дрожью?..» — Есенин 3 (1962), с. 258—259; 3) *Ред. II* — журн. «Москва», 1975, № 10, октябрь, с. 186, в статье Ю.Прокушева «„Он — вы“: Лениниана Есенина»; 4) *Ред. III* (ст. 34—45) — сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor (USA), 1974, № 8, p. 467, в статье Г.Маквея (G.McVay) «Manuscripts of Sergei Esenin»; 5) *Ред. IV* — газ. «Московский литератор», 1992, апрель, № 14, с. 7.

В наст. томе первая редакция («Повстанцы»), примыкающий к ней отрывок «Но что там за туманной дрожью?..», *Ред. II* и *Ред. IV* помещены в разделе «Другие редакции» (с. 183—185, 185—186, 186—187 и 188—192 соответственно).

Полный текст поэмы «Гуляй-поле», обозначенной в подзаголовке отрывка «Ленин», неизвестен, хотя Есенин

и читал ее летом 1924 г. в кругу друзей как почти законченную (свидетельство И.В.Грузинова: Восп., 1, 356, 497). Впрочем, материал, ставший основой «Гуляй-поля» (если судить по опубликованному отрывку), первоначально предназначался, согласно И.И.Старцеву, для воплощения другого — более широкого — замысла:

«Есенин долго готовился к поэме „Страна негодяев", всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе „Пугачева" <в декабре 1921 г.>. По первоначальному замыслу поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бунтующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода, холода и прочих „кризисов" первых годов революции. Он мне читал тогда же <зимой 1921—1922 гг.> набросанное вчерне вступление к этой поэме... <...> Поэму эту он так и не написал в ту зиму и только уже по возвращении из-за границы читал из нее один отрывок. Первоначальный замысел этой поэмы у него разбрелся по отдельным вещам: „Гуляй-поле" и „Страна негодяев" в существующем тексте» (Восп., 1, 414).

Можно предположить, что незавершенный текст «Повстанцев» и является первым из известных ныне этапов «разбредания» есенинского замысла, отмеченного мемуаристом.

Из автографа «Повстанцев» явствует, что он был начат непосредственно с заголовка; кроме того, имеющееся в нем деление на главки (I, II, III) проводилось не после, а по ходу записи стихотворных строк. Это, без сомнения, означает, что и заглавие произведения, и принцип подачи

его текста в виде пронумерованных частей были обдуманы автором заранее.

Эти части имели отчетливые тематические различия. В первой из них говорилось о России, которую «междуусобный рвет раздор»; во второй — о «встревожившем» родину «мятежнике» (Ленине, не названном по имени, но легко угадываемом по портретной характеристике). Судя по началу третьей, Есенин хотел показать в ней настроение русского человека в пору, предшествовавшую революционному взрыву.

Однако на строке «Цвели имперские сатрапы...» (см. раздел «Варианты», с. 248—250) запись текста «Повстанцев» была прекращена, и Есенин, вернувшись ко второй главке произведения, начал его кардинальную смысловую правку. Заменив строку «Россия! Страшный чудный сон» строкой «Украйна! Страшный чудный звон», он также обозначил к изъятию строки, посвященные Ленину. Самое же их начало («Суровый гений <и т.д.>») было подвергнуто переработке немедленно. При этом, без сомнения, имелся в виду уже другой герой — «задорный гений», готовый, «ловко вспрыгнув на коня», лететь «навстречу буре». Если сопоставить эту характеристику человека с местом, где тот должен был действовать в произведении Есенина («Украйна»), то даже по этим немногим словам представляется, что имя нового героя — Нестор Махно.

Эту правку Есенин не завершил и, прервав ее буквально на полуслове («лет<ит?>»; см. раздел «Другие редакции» наст. тома, с. 185), отложил работу над поэмой.

Спустя некоторое время — уже на бумаге другого формата и другим карандашом — эта работа была продолжена. Скорее всего, вновь вернувшись к тексту «Повстанцев», автор решил, не вводя Махно в произведение

(от этого он отказался раньше), углубить его народную мужицкую тему, намеченную в первой главке поэмы.

Так появился черновик, начинающийся со строки «Но что там за туманной дрожью?» (текст см. в разделе «Другие редакции», с. 185—186). По-видимому, он предназначался для продолжения первой главки «Повстанцев», но остался в архиве поэта, так и не попав при его жизни в печать.

Таким образом, из истории текста первой редакции «Повстанцев» явствует (в полном соответствии с рассказом И.И.Старцева) как то, что героями поэмы Есенин действительно хотел сделать «Ленина, Махно и бунтующих мужиков», так и то, что замысел поэта «разбрелся по отдельным вещам» (Восп., 1, 414). Однако эта редакция так и осталась незавершенной.

Вторая редакция произведения — *Ред. II* — была доведена до стадии белового автографа за подписью: «Сергей Есенин». По справедливому наблюдению первого исследователя творческой истории «Ленина» Ю.Л.Прокушева, здесь «авторская подпись как бы подчеркивает, что это — законченное произведение» (журн. «Москва», 1975, № 10, октябрь, с. 186). Однако и эта редакция не была отдана в печать.

Лишь третий вариант (*Ред. III*) — под заглавием «Отрывок из поэмы» — вышел в свет в Круге-III. Есть основания полагать (см. об этом статью С.И.Субботина в кн. «Есенин академический...», М., 1995, с. 43—73), что фрагмент «Ученый бунтовщик, он в кепи..» (см. его как составную часть *Ред. IV*, с. 189 наст. тома) присутствовал в не известной ныне наборной рукописи, сданной Есениным в Круг-III, но не был пропущен редактором альманаха А.К.Воронским.

Ред. IV была исполнена автором непосредственно на печатном тексте «Отрывка из поэмы» в Круге-III — Есенин выправил его и включил в него два значительных фрагмента: первый — «Ученый бунтовщик, он в кепи...», второй — строки, завершающие «Отрывок», начиная от слов «Его уж нет!..». Правка была выполнена здесь с исключительной тщательностью — были не только устранены опечатки и искажения, но расставлены недостающие знаки препинания и даже многоточия в конце строк и целые строки точек, разделяющие части текста. Кроме того, кое-где было изменено взаимное расположение этих частей — автор ликвидировал два пробела между строками, а в трех случаях из одной строки сделал две. Следует подчеркнуть, что указанные исправления и дополнения поэт произвел единовременно, одними и теми же красными чернилами, завершив текст подписью: «Сергей Есенин».

Однако последняя прижизненная публикация отрывка «Ленин» в Стр. сов. не содержит фрагмента «Ученый бунтовщик, он в кепи...», в остальном (кроме разбивки на строки) практически совпадая с *Ред. IV*.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.), в соответствии с тем, что наб. экз. для наст. изд. является основным источником текста.

В Собр. ст., 2 — дата: «1923», исправленная специальным примечанием, данным в конце этого же тома: «На стр. 161-й под стихотворением „Ленин" помещена ошибочная дата „1923"; нужно „1924"» (Собр. ст., 2, 200). Датируется согласно приведенной поправке.

Отклики на первую публикацию «Отрывка из поэмы» появились вскоре после ее выхода в свет. В рецензии на Круг-III И.А.Бахрах отмечал: «Стихотворения Есенина, Клычкова и Наседкина — образец того, как не нужно писать. Есенин посвящает стихотворение Ленину. Конечно,

Ленин получается у него свой, „есенинский". Вроде того, как о Ленине писал Клюев. Типичным для этого стихотворения являются следующие четыре строки о Ленине: „И не носил он тех волос <и т.д.>". Не Есениным писать о Ленине. Это получается не Ленин, а анти-Ленин, как сказал когда-то тов.Троцкий о книге Клюева <точнее, о цикле стихов Клюева „Ленин" (1919)>» (журн. «Книгоноша», М., 1924, № 21, 31 мая, с. 10; подпись: Исбах).

Менее категорично и намного более развернуто высказался по поводу «круговского» текста «Отрывка из поэмы» в обзоре «Ленин в художественной литературе» А.Лежнев: «...Ленин здесь взят с той стороны, с которой реже всего подходят к нему поэты. Подчеркнуто именно все то, что отличает его от обычного типа „героя": его доброта, личная скромность, любовь к детям, просто так — именно не общее, а личное, своеобразное и вместе чисто-русское, то, что любил, ценил и охотно изображал <Л.Н.>Толстой <следует двадцать одна строка, начиная от слов „Суровый гений!..">.

Застенчивый, простой и милый, катающийся на салазках с сопливой детворой, любитель перепелиной охоты,— нарисованный так идиллически,— Ленин теряет всякую характерность и превращается просто в добродушнейшего дедушку, каких на свете очень много, хоть отбавляй. Неудивительно, что поэт не может понять, как такой Ленин потряс мир. Есенин слишком подчеркнул, быть может, и характерные, но, в конце концов, все же второстепенные черты В.И., не показав главного: Ленина-вождя, революционера. Он сделал ошибку, прямо противоположную той, которую совершили пролетпоэты и Маяковский, показавшие *только* Ленина-*революционера*. У них Ленин вышел неживым, абстрактным. У Есенина получился живой, но... не Ленин.

Есенин сам, очевидно, чувствует недостаточность характеристики и дополняет ее рифмованной газетной прозой <приведены одиннадцать строк, начиная от слов „Он мощным словом“>.

Это конечно, голо и неубедительно. Но надо все-таки быть справедливым к Есенину; его образ Ленина, при всей своей недостаточности, неполноте, все-таки лучше всех других, потому что это образ живого человека, а не метафизическая отвлеченность» (сб. «Великий вождь», М., 1924, с. 196—197; выделено автором).

Е.И.Замятин оценил строки о Ленине, понравившиеся А.Лежневу, более скептически: Есенин, «кажется, впервые пробует себя в патетической форме оды — и увы: до чего это оказывается близко к сусальности прочих бесчисленных од»; при этом, однако, была сделана следующая оговорка: «Быть может, отчасти тут и вина редакции, украсившей стихи Есенина длинным ожерельем многоточий» (журн. «Русский современник», Л.— М., 1924, № 2, с. 270). Впрочем, рукописи Есенина и его правка печатного текста «Отрывка из поэмы» в Круге-III показывают, что «ожерелья многоточий» в «Ленине» принадлежат самому автору.

Приехав в Тифлис в сентябре 1924 г., Есенин, без сомнения, прочел в местной газете статью Н.Н.Асеева «Новости литературы» с таким суждением о своем «Ленине» в связи с одноименной поэмой Маяковского: «Из стихов очень интересна поэма В.Маяковского „Ленин“. <...> Тот же сюжет, взятый С.Есениным, наряду с сильнейшей и вместе с тем ясной трактовкой его Маяковским, выглядит пестро раскрашенной кустарщиной рядом со стальной выверенной моделью» (З. Вост., 1924, 12 сентября, № 675).

Еще в одном литературном обзоре («Русская художественная литература в 1924 г.») есенинская поэма трактовалась И.А.Оксёновым как «реалистически-четко преломляющая образ великого Ленина» (газ. «Ленинградская правда», 1925, 1 января, № 1).

В отличие от других критиков, В.Липковский, рецензируя Стр. сов., сосредоточил свое внимание на музыкальности есенинского стиха в «Ленине». Процитировав его начальные восемь строк, он писал далее: «Так внутренне единая стихотворная речь оформляется в строгие рамки, и самые простые слова приобретают столь большую власть над воображением читателя. <...> Скопление одинаковых ударных гласных („Немолчный топот, громкий звон") или расстановка их по краям стиха („Не знаю, светит ли луна"), <...> — все это делает стих, как говорится, музыкальным. Это, конечно, не та певучесть, которой отличались произведения символистов („музыка ради всего"), ради которой жертвовали смыслом слова, а та стройная гармония, которая всегда наблюдалась в классических образцах» (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809).

О финальных строках «Ленина» И.Т.Филиппов отозвался так: «В конце цитируемого стихотворения несколько строк о коммунистах. <...> Почему это коммунисты после смерти Ленина „суровей и угрюмей" повели свою работу? Как будто они не собирались ей придавать такие тона, и на практике их незаметно. Коммунисты хотят и стараются работать, как Ленин, идти без Ленина по пути ленинизма. Конечно, смерть Ленина не сделала их менее суровыми и не настроила менее „угрюмо", если вообще можно говорить о коммунистической угрюмости. Но она и не усилила этих черт. Несмотря на действительно незаменимую утрату, они все-таки пытаются, и пока удовлетворительно, заменить Ленина коллективным, монолитным,

дисциплинированным усилием. И только» (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2—3, август (на обл.: июль—август), с. 72—73).

Гуляй-поле — село в тогдашней Екатеринославской губернии, главное место базирования партизанских отрядов анархистов, предводительствуемых «батькой» Нестором Ивановичем Махно (1888—1934), уроженцем Гуляйполя. Отряды Махно в 1918—1921 гг. воевали попеременно то на стороне Красной армии, то против нее.

Для выяснения источников есенинской портретной характеристики Ленина было предпринято систематическое обследование литературы о вожде с 1918 по 1924 гг. В результате выяснилось:

1) Основными источниками (как текстуальными, так и изобразительными) послужили для Есенина сб. «Ленин», Харьков, 1923 (составители В.Крайний и М.Беспалов; далее сокращенно — Л-23) и номер Кр. нивы (1924, № 4, 27 января; вышел в день похорон Ленина);

2) Среди конкретных статей из этих источников, в которых поэт почерпнул необходимый ему фактический и лексический материал,— «Рисунок пером» Н.Осинского (Л-23, с. 42, 45), «Владимир Ильич Ленин» А.Луначарского (Л-23, с. 59), «По соседству с Владимиром Ильичом» П.Лепешинского (Л-23, с. 68, 71, 76), «Просто Ленин. Уголок В.И.Ленина в Смольном» А.Меньшого (Кр. нива, 1924, № 4, 27 января, с. 94—95). Кроме того, необходимо указать также на стихотворения Н.Полетаева «Портретов Ленина не видно...» (Л-23, с. 5, 55 и 229) и А.Безыменского «Товарищ Ленин» (Л-23, с. 66), с которыми полемизирует в своем произведении Есенин;

3) Одновременно поэт обращал внимание и на иллюстративный материал, сопровождавший читаемые им тексты. Из этого материала значимыми для него здесь оказа-

лись, в частности: а) эскиз Н.Альтмана (Л-23, с. 42) — «лысина как поднос»; б) фотография (Л-23, с. 153), с которой вождь «смотрел, как русский хулиган»; в) фотография с подписью — «Привал махновцев; крупно — Махно (снимок сделан в 1919 году)» (Кр. нива, 1924, № 4, 27 января, с. 90),— явившаяся, по-видимому, одним из импульсов к началу работы над «Повстанцами» в 1924 г., и др. Детальное рассмотрение выявленных на сегодняшний день источников есенинского портрета Ленина (в том числе и не упомянутых здесь) см. в нашей статье (кн. «Есенин академический...», М., 1995), цитированной выше на с. 443 наст. тома.

Метель (с. 148).— З. Вост., 1925, 4 января, № 770, как первое стихотворение в цикле «Листки» (неавторское название цикла было дано в редакции З. Вост.— см. об этом в кн. Н.Вержбицкого «Встречи с Есениным. Воспоминания», Тбилиси, 1961, с. 104); Стр. сов.; журн. «Новый мир», М., 1925, № 5, май, с. 79—81 (с подзаголовком: «Листки. I»).

Черновой автограф — РГАЛИ; беловой автограф РГБ — в цикле с авторским заглавием «Над „Капиталом“», под номером 1; цикл датирован — «Дек<абрь> 1924».

Печатается по наб. экз. (вырезка из Стр. сов.). Датируется по беловому автографу.

Написано в Батуми под впечатлением от снежной бури, пронесшейся в двадцатых числах декабря над Закавказьем. Поэт писал Н.К.Вержбицкому 31 декабря 1924 года: «Черт знает что такое с заносами. Я думал, что мы погибнем под волнами прыгающего на нас моря».

По выходе Стр. сов. внимание критики было обращено лишь на три финальные строки «Метели». В.Липковский писал: «...Есенин с наивной искренностью (правда,

искренность — вещь хорошая) на протяжении 62 страниц своей книжки все обещает „догнать стальную рать" <...> и кончается все же тем, что „одолеть не мог никак // Пяти страниц // Из „Капитала". А жаль!.. „Премудрость скучных строк" Маркса многому научила бы тов. Сергея! И,быть может, послужила бы толчком к тому, что поэт начал бы понимать, откуда ему следует черпать свои силы, с кем ему следует жить в более близком соседстве» (З. Вост., 1925, 20 февраля, № 809; вырезка — Тетр. ГЛМ). И.Т.Филиппов высказался в более снисходительном тоне: «Правда, он часто издевается над собой <...>, что „одолеть не мог никак // Пяти страниц // Из „Капитала". Но все это — дело поправимое, коли он всерьез собирается быть настоящим сыном СССР...» (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август (обл.: июль—август), с. 73).

Весна (с. 153).— З. Вост., 1925, 4 января, № 770, как второе стихотворение в цикле «Листки» (о неавторском названии цикла см. комментарий к предыдущему тексту); журн. «Новый мир», М., 1925, № 2, февраль, с. 74—75.

Черновой автограф — РГАЛИ (с заглавием «Приступ второй»). Беловой автограф (РГБ) — в цикле с авторским заглавием «Над „Капиталом"», под номером 2; после текста — дата: «Дек<абрь> 1924».

Печатается по наб. экз. (вырезка из З. Вост.). Датируется по беловому автографу.

Об обстоятельствах, при которых создавалось это стихотворение, см. комментарий к «Метели».

Вчера прочел я в «Капитале» // Что для поэтов — // Свой закон.— В самой книге Маркса таких слов нет; однако в его письме к И.Вейдемейеру читаем: «...поэт — каков бы ни был как человек — нуждается в

похвалах и поклонении. Я думаю, что такова уж их природа» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28, с. 397; наблюдение А.Л.Дымшица — Есенин 1956 (БП), с. 414).

Письмо к сестре (с. 156).— Бак. раб., 1925, 10 мая, № 102; Прож., 1925, № 13, 15 июля, с. 22 (без первой и восьмой строф).

Черновой автограф (ГЛМ) озаглавлен: «Письмо сестре Е.», без даты.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.). Датируется по первой публикации.

Адресатом стихотворения является Екатерина Александровна Есенина (1905—1977), сестра поэта. Она, в частности, вспоминала: «У нас <в Константинове> по всему участку росли ползучие вишни, которые доставляли много хлопот нашим родителям: им нужна земля под картошку. Нам, детям, много огорчений приносила вырубка сада и вспахивание его сохой или плугом... Но цепкие растения с каждым годом ползли все дальше и дальше, упорно отвоевывая себе право на жизнь. Стоявший на огороде амбар кругом зарос вишневыми кустами, а за ним была уже целая вишневая роща, сквозь которую трудно было пробраться.

Непередаваемо хороши были эти сады, когда они цвели. Бывало, выйдешь из дому в сумерки или ранним утром — все село на розовом фоне заката или утренней зари. Тишина. Залюбуешься этой красотой и забудешь о всех житейских невзгодах и заботах» (Восп., 1, 91).

О Дельвиге писал наш Александр...— Речь идет о стихотворении А.С.Пушкина «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...», 1827).

Блажен, кто не допил до дна.— Парафраза строк восьмой главы романа Пушкина «Евгений Онегин»: «Блажен, кто праздник жизни рано // Оставил, не допив до дна // Бокала полного вина..» (строфа LI).

Мой путь (с. 159).— Журн. «Город и деревня», М., 1925, № 3/4, 5 марта, с. 80—81 (ст. 1—123) и № 5, 20 марта, с. 74 (ст. 124—181); Бак. раб., 1925, 24 апреля, № 90; Перс. мот.

Автограф ст. 169—174 (24-я строфа поэмы) является частью дарственной надписи Есенина на книге «Пугачев» (М., 1922), адресованной Ю.А.Тетруевой (факсимиле инскрипта — в статье Г.Бебутова «О Сергее Есенине» — журн. «Лит. Грузия». Тбилиси, 1968, № 10, с. 90; см. также — «Альманах библиофила», М., 1982, вып. 12, с. 94).

Машинопись с авторской подписью «Сергей Есенин» — РГАЛИ. Особенность этого источника текста — в наличии примечательной авторской правки. Заменив от руки заглавие произведения («Мой путь») на «Анна Снегина», поэт, кроме того, хотел ввести между ст. 160 и 161 (то есть между 22-й и 23-й строфами поэмы) дополнительную строфу (ее текст см. в разделе «Варианты», с. 246), однако затем от этого намерения отказался.

Машинопись (РГАЛИ) с пометой В.Ф.Наседкина: «Т<ов>. Берлин! Не успел сверить с рукописью. Наверное, есть ошибки. Об этом позвоните Гале <Г.А.Бениславской> в субботу. Наседкин». Фамилия адресата пометы — сотрудника издательства «Современная Россия» — является одним из свидетельств, что данная машинопись являлась наборным экземпляром «Моего пути» для Перс. мот. (другое свидетельство — идентичность текста поэмы в машинописи с ее текстом в Перс. мот.).

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.). Датируется по первой публикации.

Выявлен лишь один прижизненный печатный отклик на поэму: «Как и все прочее, есенинское,— бессодержательная, шаблонная поэмка, но прочесть ее все же стоит, потому что в ней есть такие истинно-поэтические нотки, которые способны затронуть сокровенные чувства гражданина». Далее, приведя восьмую строфу поэмы, автор отзыва продолжал: «Очевидно, дед у Есенина был уж не так глуп и советовал ему хорошие темы для поэзии; про рожь, про кобыл, а, следовательно, и про весь быт деревни. Увы! Не пошли слова деда впрок его даровитому внуку. Писать его очень тянет, и он пишет персидскую любовную чепуху...» (газ. «На вахте», М., 1925, 24 сентября, № 218, без подписи; вырезка — Тетр. ГЛМ).

Привычка к Лориган // И к розам.— Ср. в памфлете Есенина «Дама с лорнетом» (1925): «Мадам Гиппиус! Не хотите ли Лориган?» (Лориган — марка французских духов).

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве (с. 166).— З. Вост., 1925, 1 ноября, № 1018; журн. «Пионер», М., 1925, № 23, 5 декабря, с. 12—14 (в обоих случаях в заглавии вместо «пастушонке» было «пастушке»).

Автограф «Сказки...» находился в конце 20-х годов в распоряжении С.А.Толстой-Есениной, поскольку значится (с пометой «есть») в перечне датированных автографов и авторизованных списков произведений Есенина, написанном ее рукой (ГЛМ). Дата «Сказки...» в этом перечне — 7/8 октября <1925 г.>. Теперешнее местонахождение автографа неизвестно.

Сохранился исполненный зелеными чернилами список «Сказки...» рукой С.А.Толстой-Есениной с авторской правкой в ст. 60 и 145 (РГАЛИ, ф. К.Л.Зелинского). На его первой странице имеется помета: «„Пионер" для цен-

зуры 2 экз. 1925 г.» Судя по другим пометам, сделанным на полях около ст. 139—142 («вычеркнуто цензурой») и ст. 143—144 («не пропущено»), этот список действительно является одним из двух экземпляров списка «Сказки...», заготовленных в 1925 г. для предоставления в журнал «Пионер». Это заключение подтверждается сличением текста рукописи с печатным текстом «Сказки...» в «Пионере», показавшее почти полную (за исключением небольшого числа мелких разночтений, возникших, скорее всего, в результате корректорской правки) их идентичность; к тому же, в полном соответствии с приведенными выше пометами, ст. 139—144 в «пионерском» тексте отсутствуют.

Присутствие в этом списке двух слоев правки, имеющих четкие отличия как друг от друга, так и от исходного текста, позволяет проследить некоторые этапы творческой истории произведения.

Карандашная авторская правка ст. 60 (вместо «С *ратью* кленов голых» — «С *цепью* кленов голых») и ст. 145 (вместо «Взяли *тут* Петрушу» — «Взяли *раз* Петрушу») связана прежде всего с устранением неблагозвучия, обнаруженного лишь после перечитывания поэтом данного списка (сделанного, скорее всего, с автографа «Сказки...», о котором шла речь выше). В «Пионере» «Сказка...» напечатана с учетом этих авторских поправок.

Однако рассматриваемый список содержит еще один слой правки. Речь идет прежде всего о ст. 83—86, вписанных в него С.А.Толстой-Есениной уже другими (черными) чернилами. Эти строки отсутствовали в обеих прижизненных публикациях «Сказки...», помимо описанного случая появившись в ее тексте уже в наб. экз. (а в печати — посмертно). Это означает, что строфа «Нет, никто

на свете // На обмокшем спуске // Пастушонка Петю // Не поймет по-русски» была введена в «Сказку...» на последнем этапе подготовки к публикации в Собр. ст.

Печатается по наб. экз. (список рукой С.А.Толстой-Есениной с авторской правкой в ст. 145 и 169), с исправлением в ст. 126 («уймища» вместо «уймище») по всем другим источникам. Датируется по вышеупомянутому перечню автографов. Эта датировка соответствует словам В.Ф.Наседкина: «„Сказка о пастушонке Пете" написана им <Есениным> за одну ночь» (Восп., 2, 307).

И.В.Евдокимов вспоминал о заключительном этапе работы поэта над Собр. ст.: «Последний раз он принес большое стихотворение „Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве". <...> Мы все скопились в одно место. Есенин громко и жарко читал, размахивая листками. <...> Все улыбались и хвалили стихи. А когда он ушел, многие сразу запомнили и твердили отдельные строфы» (Восп., 2, 292).

К.С.Есенин (со слов своей матери З.Н.Райх) связывал появление на свет «Сказки...» с посещением поэтом своих детей у их матери З.Н.Райх: «Есенин сел с нами за прямоугольный детский столик, говорил он, обращаясь по большей части к Тане. После первых слов, что давно забыты, он начал расспрашивать о том, в какие игры играем, что за книжки читаем. Увидев на столе какие-то детские тоненькие книжицы, почти всерьез рассердился:

— А мои стихи читаете? <...>

Потом, когда появились обращенные к детям стихи „Сказка о пастушонке Пете", помню слова матери о том, что рождение их связано именно с этим посещением отца, который приревновал своих детей к каким-то чужим, не понравившимся ему стихам. Да, наверно, это было так» (Восп., 2, 275).

Из содержания «Сказки...» явствует, что среди не нравившихся Есенину детских стихов поэтов-современников было сочинение В.В.Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» (выпущена отдельной книжкой в мае 1925 года): сон пастушонка Пети о его комиссарстве имеет явные полемические отсылки к «Сказке...» В.В.Маяковского. Недавно на это обратила внимание Л.Л.Бельская: «Через полгода после Маяковского сказку на современную тему для детей младшего возраста написал С.Есенин, дав аналогичное зарифмованное заглавие с упоминанием жанра и имени одного из героев своего предшественника: „Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве". Вряд ли это было случайным совпадением — скорее походило на творческое соревнование и полемику» (журн. «Русская речь», М., 1993, № 4, с. 18).

Песнь о Евпатии Коловрате (с. 174).— Г. тр. кр., 1918, 23 июня, № 156 (с датой: «1912. В<еликий> пост»), первая редакция, под заглавием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе»; Собр. ст., 2, с. 192—198, вторая редакция.

Беловой автограф второй редакции с датой: «1912» — РГАЛИ. Машинописные копии первой редакции произведения, сделанные с его белового автографа, хранившегося у Иванова-Разумника (ныне эта рукопись утрачена),— РГАЛИ (исполнена весной 1926 года, согласно письму критика к З.Н.Райх от 27 августа 1926 года — Письма, 431) и ГЛМ (выполнена в марте 1928 года).

В наб. экз.— копия рукой А.В.Евдокимовой-Перегудовой с белового автографа РГАЛИ, с неточностями. Печатается непосредственно по автографу Есенина.

Авторская датировка первой редакции поэмы подвергается в научной литературе сомнению. Впервые его высказал П.Ф.Юшин (журн. «Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.», М., 1965, т. 24, вып. 1, с. 26; также в его кн. «Поэзия Сергея Есенина», М., 1966, с. 89—90). Недавно оно было поддержано К.М.Азадовским в его энциклопедической статье о Есенине: «К этому времени (1912) принято относить, основываясь на авторской датировке, и историческую поэму Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате»... Однако по композиции, стилистике, языку эта вещь обнаруживает родство с «малыми» историческими поэмами, созданными в 1914 («Марфа Посадница», «Ус»). Датировки, произведенные позднее самим Есениным, неоднократно и обоснованно ставились под сомнение (полемику по этому вопросу см.: ВЛ, 1972, № 9)» («Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь», <т.> 2. Г-К., М., 1992, с. 241). Это далеко небеспочвенно, особенно в связи с общей проблемой датировок ранних стихотворений Есенина (см. т. 1 наст. изд., с. 415—426). Тем не менее, документальных оснований изменения авторской даты в настоящее время нет.

Что касается второй редакции произведения, то она специально была записана Есениным в 1925 году в процессе подготовки Собр. ст. и затем использована редактором издания И.В.Евдокимовым как исходный источник для наб. экз. Вторая редакция представляет собой сокращенный и переработанный вариант первоначального текста. В связи с этим для «Песни о Евпатии Коловрате» в наст. изд. принята двойная датировка: 1912, <1925>.

21 января 1916 г. поэма была читана автором в «Обществе свободной эстетики» в Москве (газ. «Утро России», М., 1916, 22 января, № 22). Бывший на этом вечере И.Н.Розанов отмечал: «Он <Есенин> <...> начал с

эпического. Читал о Евпатии Рязанском. Этой былины я нигде потом в печати не видел <воспоминания написаны до выхода в свет Собр. ст.> и потому плохо ее помню. <...> Если тут и был патриотизм, то разве только краевой, рязанский» (Восп., 1, 430).

Иванов-Разумник в 1926 году также вспоминал о есенинском чтении этой вещи: «В одном из наших разговоров осенью 1914 г.* речь зашла о шумевшей тогда „заумной поэзии" (Хлебников и др.), многочисленные образцы которой мы читали в тот вечер. С сущностью такой заумной поэзии Есенин был знаком уже с детства по народному «глоссолалийному» творчеству. Целый ряд сектантских и вообще народных глоссолалийных песен и присловий Есенин сейчас же и привел — память тогда была у него исключительная. Тут же речь перешла на изобильные областные слова в некоторых стихотворениях Клюева** и на «заумность» таких слов для литературного языка. Здесь Есенин и прочел в виде примера первые три строфы сложенной им <...> песни о Евпатии Коловрате, во многом совершенно непонятной городскому читателю, в то время как в строках этих все построено только на областных словах. По просьбе моей он прочел всю поэму, которую помнил от слова до слова, тогда же записал ее и оставил эту запись у меня. В 1915—1916 гг. он несколько раз читал нам эту поэму, которую в то время нигде не удалось напечатать. Напечатана была она <в 1918 г.> совершенно в

---

* Ошибка памяти автора — он познакомился с Есениным не ранее 1915 г.

** В более позднем (1928 г.) варианте этого же текста здесь значится: «...стихотворениях присутствовавшего при этом разговоре Клюева» (ГЛМ).

том же виде, в каком он читал ее раньше» («Есенин академический...», М., 1995, с. 64).

Первая редакция поэмы дана в наст. томе в разделе «Другие редакции» по тексту Г. тр. кр. с исправлением опечаток и искажений по вышеописанным машинописным копиям Иванова-Разумника как восходящим к несохранившемуся автографу.

Среди литературных источников поэмы исследователи называют «Песню про боярина Евпатия Коловрата» Л.А.Мея, публиковавшуюся в то время с авторскими примечаниями, содержащими фрагмент «Повести о разорении Рязани Батыем» (так она печаталась и в издании Мея 1911 года, скорее всего, известном Есенину). Хотя совокупность этих двух текстов и нашла сюжетный отклик в есенинской поэме, при ее анализе в более широком плане можно согласиться с такими исследователями, как В.В.Коржан, Ю.Л.Прокушев, В.В.Базанов, что выделять какой-то главный источник «Песни о Евпатии Коловрате» вряд ли правомерно.

Евпатий Коловрат — рязанский воевода, герой битвы с татарами, фигурирующий как в летописной «Повести о разорении...», так и в фольклорных источниках.

Целый ряд слов из «Песни...» отмечен Л.А.Шероновой как неологизмы Есенина (в кн.: Горьковский гос. пед. ин-т. Ученые записки, вып. 62, 1966, с. 108, 115, 116, 118, 121, 123, 129). Эти наблюдения, однако, входят в известное противоречие со свидетельством Иванова-Разумника о лексике поэмы Есенина: «В бумагах моих должна была сохраниться запись перевода областных слов, составляющих стержень этой поэмы <эта запись ныне неизвестна>; в словаре Даля значительного числа этих слов не имеется. Из разговоров с Есениным помню, однако, что личного

словотворчества в этой его поэме совсем не было» («Есенин академический...», М., 1995, с. 64).

Улыбыш (Улыбушево), *Шехмино, Пилево, Ольшаны, Швивая Заводь, Трубеж* — топонимы Рязанского края.

Вентерь — рыболовная снасть (здесь в переносном смысле).

Лузга — просяная мякина.

Переточина — проток, ручей.

До́поть (до́петь) — от «допе́тать» (убить, извести кого-либо): ватага (орда) убийц.

Засынька — жена, возлюбленная.

Захолынуться (захолонуться) — забыться.

Пасишные пажити — луга для выпаса скота.

Полоник — поварешка; ковшик.

Лонешний смолот — прошлогоднее зерно.

Затулено — спрятано.

По пыжну путю — по мелколесью.

Лазушновый (лазушный) — общительный, располагающий к себе.

Баторе — звательный падеж от «батор» (богатырь).

Кумашница (кумачница) — кумачевый сарафан.

Из-под гоноби — здесь, вероятно, в смысле «для постройки чего-либо» (от «гонобить» — строить).

*Укром** — уединенное место.

Побеседнушка — девушка, участница беседок (посиделок).

Чичерный сиверко — резкий холодный северный ветер.

Шолох — шорох.

---

* Это и последующие поясняемые слова содержатся только в первой редакции произведения.

Загнетка — ямка на шестке русской печи, куда сгребается жар (здесь употреблено в переносном смысле).

На сухмены ель — ель, растущая на суходоле (сухой почве).

Кухта́ — туман, изморозь.

Лышник (лычник) — человек, сдирающий с дерева лыко; здесь — пьяница.

Гридница — комната, горница.

Косятое (косящатое) *окно* — окно с косяками (либо обшитое досками).

Троеручица — одно из наименований иконы Божьей Матери.

Пеле́ганец — от «пеле́гать» (лелеять, воспитывать).

Убластиться — померещиться.

Дикомыть — см. комментарий к «Марфе Посаднице» (с. 283).

Провытник — участник застолья.

Попречина — от «поперечить» (мешать, препятствовать); без попречины — беспрепятственно.

Облыжник — обманщик, плут.

Пеняться — выражать неудовольствие.

Кусомня (или кусомень) — от «кусомничать» (побираться, просить куски).

Поминушник — участник поминок.

Загулина — от «загула»: гуляка, пьяница.

Кувекать (кувикать) — визжать, громко кричать.

Дружник — возлюбленный, любовник.

Молодикоч (мо́лодец) — неженатый молодой мужчина.

Потравник — виновник порчи трав или хлеба на корню.

По́брань — ссора.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(Маленькие поэмы)

---

*В первом столбце приведены страницы текста, во втором — его вариантов, в третьем — комментариев к нему.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Есенин С.А.

Е 81 Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). Подгот. текста и коммент. С. И. Субботина.— М.: «Наука» — «Голос», 1997.— 464 с.

Второй том Полного собрания сочинений представляет стихотворения (Маленькие поэмы), включенные С. А. Есениным во второй том Собрания стихотворений (М.— Л., Госиздат, 1926).

ББК 84

Издание одобрено Научно-издательским советом Российской академии наук

Том подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений в семи томах

Том второй

Редакторы издательств *Т. С. Шеханова, В.Г. Шитарева*
Художественный редактор *В.С. Голубев*
Технический редактор *Л.Н. Золотухина*
Корректор *Л.М. Марченко*
Изготовление оригинал-макета *Т.И. Мишутиной*

ИБ № 2168
ЛР № 040020 от 7.02.97
ЛР № 020297 от 27.11.91

Сдано в набор 17.05.95. Подписано к печати 2.12.95. Формат $70 \times 108^{1}/_{32}$.
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,3. Тираж 20 000 экз. (1-й завод 1—15 000 экз.). Заказ № 4727.
Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.
Издательство «Голос». 113184, Москва, Пятницкая ул., 52, стр. 1.
При участии СИТП «Наследие».

Отпечатано с оригинал-макета в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сущевский вал, 49